

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ САРАТОВСКОГО КРАЯ

ВЫП. 9

САРАТОВ 2009

**ПРАВИТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
КОМИТЕТ ПО ОХРАНЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ГУК «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЦЕНТР ПО ОХРАНЕ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ»**

**АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
САРАТОВСКОГО КРАЯ**

ВЫП. 9

Издательский Дом «Полиграфия Поволжья»

САРАТОВ 2009

ББК 63.4 (2)
Ю 16

Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 9. Саратов: Издательский дом «Полиграфия Поволжья, 2009. 194 с., ил.

В девятом выпуске сборника «Археологическое наследие Саратовского края» представлены очередные итоги научных исследований археологических памятников Юго-Востока Европы. Статьи подготовлены археологами России, Украины и Казахстана. Рассматриваются вопросы охраны памятников археологии, публикуются материалы новых раскопок, рассматриваются актуальные проблемы археологии и смежных дисциплин, вводятся в научный оборот материалы полевых исследований предыдущих лет от эпохи бронзы до средневековья.

Сборник представляет интерес для профессиональных археологов и историков, а также для всех, интересующихся древнейшей историей края и охраной его культурного наследия.

Ответственный редактор:
доктор исторических наук А.И.Юдин

Рецензент:
кандидат исторических наук, доцент А.В.Балановский
(Саратовский социально-экономический университет)

ISBN 978-5-9999-0162-0

- © Авторы статей
- © Комитет по охране культурного наследия Саратовской области
- © ГУК «НПЦ по историко-культурному наследию Саратовской области»

А.И.Юдин

О ПРОБЛЕМАХ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ НА ТЕРРИТОРИИ САРАТОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

Сохранить или раскопать памятник археологии? Казалось бы, для специалиста в этом вопросе нет ничего сложного. Если памятнику грозит разрушение в результате строительства или иной хозяйственной деятельности – раскопать; если его существованию ничего не угрожает – сохранить для потомков. Однако в реалиях современной жизни не все так просто, особенно применительно к городским или пригородным территориям, где наблюдается дефицит свободных земельных участков. Рассмотрим данную дилемму – сохранить или раскопать на примере трех археологических памятников, расположенных в черте «Большого Саратова» – Саратовской городской агломерации¹. Это средневековый город Увек (Укек) в Заводском районе, многослойное Алексеевское городище в Волжском районе и комплекс памятников у с.Шумейка Энгельсского района (средневековое селище и два грунтовых могильника – эпохи бронзы и средневековья). Следует сразу оговориться, что на территории Саратовской агломерации это далеко не все археологические объекты. Имеется внушительный ряд памятников, которые уже давно подверглись археологическим исследованиям и материалы которых введены в научный оборот. Это курганы эпохи средней и поздней бронзы у пос.Сторожевка (Ляхов С.В., 1996; Кочерженко О.В., 1996), поселение срубной культуры у с.Усть-Курдюм (Лопатин В.А., Хоркин Д.А., 1997; Сергеева О.В., Хоркин Д.А., 2001, с. 86-90), золотоордынское поселение у с.Подгорное близ г.Энгельса (Касанкин Г.И., 1997), ряд золотоордынских поселений в окрестностях Увека (Хмелевка I, Широкий Буерак, Багаевка, Болдыревка) (Недашковский Л.Ф., 1999; он же, 2001) и др.

Однако три вышеназванных памятника – Увек, Алексеевское городище и Шумейское поселение с могильниками – представляют наибольший интерес, так как именно они потенциально могут быть музеефицированы и стать объектами культурного наследия, которые несомненно привлекут внимание как саратовцев, так и гостей города.

Несмотря на то, что в Саратовской области имеется более трех тысяч памятников археологии, все они практически не включены в туристическую инфраструктуру. Да и в Саратове, относительно многих других российских городов, имеется не так уж и много объектов, которые могут привлечь туристов. Это объективно вынуждает максимально полно использовать потенциал исторических памятников, оставшихся нам от предков.

Мне уже приходилось писать ранее о необходимости музеефикации объектов археологии на территории г.Саратова, чтобы не отставать от современных тенденций ох-

---

¹ Городская агломерация – компактная пространственная группировка поселений, объединенных многообразными связями (производственными, трудовыми, культурно-бытовыми, рекреационными) в сложную систему. Как правило, она возникает вокруг города-ядра. Среди поселений, входящих в агломерацию, часто фигурируют города-спутники.

раны культурного наследия (Юдин А.И., 1998, 1999). В связи постоянной попыткой застройки или использования в иных хозяйственных целях территории памятников археологии к этому вопросу необходимо возвращаться постоянно. В настоящее время на территории города и в его окрестностях есть три вышеназванных памятника археологии, которые потенциально являются объектами музеефикации. Современное экономическое положение в стране не позволяет реализовать все три проекта, но наша задача сохранить эти памятники для будущих поколений и вести их планомерное исследование, но не с целью их полных раскопок, а с перспективой сделать на этих территориях культурные оазисы исторической памяти, где любой человек воочию смог бы увидеть, что представляли из себя древние поселения на территории современной городской агломерации. И не под крышей музея, а под открытым небом с соответствующими реконструкциями жилых, хозяйственных и культовых построек. Представляется, что для Саратовской городской агломерации, занимающей порядка полутора тысяч квадратных километров площади и насчитывающей около 1,2 миллиона населения, изъятие из хозяйственного оборота нескольких десятков гектар земли, занимаемых памятниками археологии, не скажется существенным образом на инфраструктуре, но будет большим благом для населения – появятся несколько новых рекреационных объектов, на которых отдых будет органично сочетаться с культурным воспитанием.

Первым из таких объектов конечно является средневековый город Увек, больше известный как Увек в Заводском районе г.Саратова (рис. 1, 1).

Саратовская область известна своими памятниками археологии, многие из которых стали эталонными и их названия давно вошли в российскую археологическую литературу в виде устоявшихся научных терминов и уже стали археологическими символами Саратовской земли, например, хвалынская энеолитическая культура по могильнику у г.Хвалынска или покровская культура эпохи поздней бронзы по курганной группе в г.Энгельсе (Покровске на момент первых раскопок в начале XX в.). И среди почти трех тысяч памятников археологии на саратовской земле выделяется один – город Увек (Увек) – единственный средневековый золотоордынский город на территории области.

Но в плане археологических исследований городу не повезло. Другие золотоордынские города Нижнего Поволжья, почти уже полвека, начиная с 1959 года, подвергаются планомерным научным исследованиям с применением всех современных методов раскопок и обработки материалов. Несомненное лидерство в этом принадлежит Нижневолжской археологической экспедиции, долгие годы возглавлявшейся Г.А.Федоровым-Давыдовым. В результате этих работ перед нами открылся мир особой культуры, родившейся из сплава многих азиатских и европейских культурных традиций. Изучение этой культуры долгое время находилось под негласным запретом и тем интереснее оказались находки в средневековых городах (Федоров-Давыдов Г.А., 1984, с. 83-95; Дворниченко В.В., Егоров В.Л., Зеленев Ю.А., 2002, с. 71-79). Но все эти исследования не коснулись Увека – городище по большей своей части оказалось застроенным или разрушенным, и предпочтение в исследованиях было отдано сохранившимся несравненно лучше Селитренному и Царевскому городищам, на которых были сосредоточены основные археологические работы.

Археологические изыскания на Увеке начались еще в 1877 году, но они носили ограниченный и бессистемный характер: вскрытие шурфами небольших участков культурного слоя, сборы находок или их покупка у местного населения.

Наиболее масштабные раскопки производились экспедицией Ф. В. Баллода в 1919-1923 годах и в дальнейшем полевые исследования Увека практически закончились. Увекское городище, еще не попав в черту г.Саратова, подверглось разрушению, когда с него брали камень для мощения саратовских улиц. А после сооружения железной дороги и строительства городского поселка значительная часть территории горо-

дища лишилась культурного слоя. Сопоставление широко известных описаний остатков Увека конца XIX – начала XX вв. и находок при раскопках (Кротков А.А., 1915; Баллод Ф.В., 1923) с реальным состоянием городища в послевоенные годы не способствовало желанию археологов исследовать столь разрушенный памятник.

Устоявшееся мнение о практически полном уничтожении культурного слоя Увека привело к тому, что он не стал объектом пристального внимания и для саратовских исследователей в послевоенные годы, когда были начаты работы по сохранению археологического наследия области.

Несмотря на уникальность средневекового Увека, памятник никак не был выделен из общего ряда археологических объектов, в первую очередь, по причине застроенности его территории.

В настоящее время границы древнего города весьма приблизительно определяются по описаниям конца XIX – начала XX века и более ранних источников, а также по результатам отдельных небольших разведочных и раскопочных работ в последнее десятилетие (Сингатулин Р.А., 2002; он же, 2006; он же, 2008).

Вопрос о границах памятника представляется принципиально важным в деле охраны Увецкого городища, да и любого другого археологического объекта. Ведь памятник является частью окружающего природного ландшафта и нарушение его естественного окружения затрудняет и обедняет его восприятие, лишает объект существенной доли исторической информации.

И это было учтено в новом законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 14 июня 2002 года. Впервые, в законе вводится понятие «историческое поселение» (ст. 59, п. 1): «Историческим поселением ... является городское или сельское поселение, в границах территории которого расположены объекты культурного наследия: памятники, ансамбли, достопримечательные места, а также иные культурные ценности, созданные в прошлом, представляющие собой археологическую, историческую, архитектурную, градостроительную, эстетическую, научную или социально-культурную ценность...». Во-вторых, в законе определено, что охрана объекта культурного наследия не ограничивается только его территорией: «В историческом поселении государственной охране подлежат все исторически ценные градоформирующие объекты: планировка, застройка, композиция, природный ландшафт, археологический слой, соотношения между различными городскими пространствами (свободными, застроенными, озеленными)...».

Это как раз актуально для Увека, где плотная современная усадебная застройка непосредственно на территории средневекового города должна компенсироваться свободным пространством на террасе, возвышающейся над городом – горе Каланче. В данном случае охранная зона будет выполнять несколько функций: обзор месторасположения бывшего города; территория для создания музея и базы для научных исследований; место для размещения исторических реконструкций.

Последнее всегда выполняется именно в охранной зоне, чтобы можно было провести сравнение макета с естественной площадкой города, и в случае с Увеком самой природой создано наиболее удобное место – терраса над остатками средневекового города. Тем более следует всегда иметь в виду, что один из основных принципов установления охранной зоны – учет визуальных связей памятника и окружающего пространства.

К сожалению, осознание необходимости сохранения археологического наследия еще не стало всеобщим достоянием. Иначе чем можно объяснить стремление Администрации г.Саратова разместить в охранной зоне уникального памятника новый участок кладбища? Пока общими усилиями удалось отстоять эту площадку в пользу памятника археологии. Надолго ли? Между тем, утратив свою охранную зону, памятник будет по-

терян как предмет исторической памяти и перспективный туристический объект.

Для памятников историко-культурного наследия законом «Об объектах...» определены три зоны охраны: охранный зона, зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности, зона охраняемого природного ландшафта. Закон позволяет определить необходимый состав зон охраны в каждом конкретном случае. В случае с Увекским городищем, расположенном в черте города это будут две первые зоны: охранный зона и зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности.

Практика использования охранный зоны памятников историко-культурного наследия для объектов инфраструктуры применяется на всех памятниках археологии в случае их музеефикации, консервации или реставрации и особо оговаривается в законодательстве.

Показателен пример городища Иднакар в Удмуртии, где охрана и исследование памятника полностью соответствует законодательству. Средневековое городище Иднакар (IX-XIII вв.), культурный и административный центр формирующейся удмуртской народности, дало исключительно богатые материалы для понимания историко-культурного развития удмуртского народа (Иванова М.Г., 1999, с. 103-110).

Еще в 1960 году городище Иднакар было включено в список памятников археологии, подлежащих охране как памятник археологии, истории и культуры государственного значения. Причем до 1972 года на территории городища располагались воинская часть, электроподстанция и кладбище близлежащей деревни. Казалось бы – совсем безнадежная ситуация. Но в 1991 году территория городища Иднакар была выведена из хозяйственного оборота, а уже в 2000 году завершено создание музея-заповедника «Городище Иднакар». Следует особо подчеркнуть, что при площади памятника в 13 га, площадь охраняемой территории равна 24 га, зоны регулируемой застройки - 41 га, охраняемого ландшафта – 360 га.

В случае с Увеком нереально вывести из хозяйственного оборота территорию целого городского поселка, но все же есть смысл сохранить в неприкосновенности окружающий ландшафт и использовать свободные территории вокруг древнего города в соответствии с существующим законодательством относительно земель историко-культурного назначения.

Например, Земельный кодекс Российской Федерации подтверждает необходимость установления зоны охраны объектов культурного наследия, а «использование земельных участков, не отнесенных к землям историко-культурного назначения и расположенных в указанных зонах охраны, определяется правилами землепользования и застройки в соответствии с требованиями охраны памятников истории и культуры».

Исходя из этого закона, также следует правомерность установления зоны регулирования застройки и хозяйственной деятельности вокруг Увекского городища.

Увек был поставлен на государственную охрану году как памятник местного значения в феврале 1989 года. Но в официальном списке памятников истории и культуры Саратовской области территория Увекского городища строго не определена, так как постановке на учет не предшествовали работы по определению границ культурного слоя и установлению охранных зон.

Включение Увекского городища в список местных памятников дало возможность руководителю Научно-исследовательской археологической лаборатории Саратовского госуниверситета В.Г.Миронову в 1991 году выступить с инициативой перед местными органами власти о проведении ряда мероприятий по сохранению средневекового Увекка. 14 ноября 1991 г. Администрацией г.Саратова было принято «Решение об охранных мероприятиях средневекового археологического памятника Увек», где были определены основные направления работы по охране Увекского городища.

Документ обязывает строящие организации изыскивать средства для проведения необходимых археологических исследований в случае нового строительства на территории городища. По этому документу главному архитектору города предписывалось при разработке Генплана г.Саратова предусмотреть создание охранной зоны археологического памятника Увек. Однако, над генеральным планом города трудились 18 лет, и в итоге конкретно об Увек (Укеке) в документе упоминаний нет. Мероприятия по охране объектов культурного наследия ограничиваются разработкой и утверждением «по согласованию с уполномоченным государственным органом Саратовской области границ зон охраны объектов культурного наследия местного (муниципального) значения», а также определением режима использования земельных участков, на которых они расположены. Между тем на Увек понемногу ведутся строительные работы, особенно связанные с водо- и теплоснабжением. Оно и понятно – поселок не может существовать без развития инфраструктуры. Только строительные организации всякий раз «забывают», что все их земляные работы должны предваряться археологическими исследованиями и согласовываться уполномоченным госорганом охраны культурного наследия.

Надо отметить, что согласно статье 4 закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» все без исключения памятники археологии признаны объектами культурного наследия федерального значения.

4 марта 2003 года в Министерстве культуры РФ был утвержден паспорт на памятник археологии – Увекское городище. Картографический материал, сопровождающий паспорт, отражает только приблизительные границы распространения культурного слоя. Именно приблизительность этих границ не позволяет пока приступить к работам по установлению охранной зоны, хотя постепенные работы исследователей из разных научных учреждений позволяют понемногу уточнять границы культурного слоя.

Кроме установления охранной зоны, для Увекского городища остается актуальной проблема «инвентаризации» сохранившихся участков культурного слоя и их картографирования, о чем уже писалось ранее (Юдин А.И., 2003, с. 67-75).

Увек как памятник археологии нуждается не только в охране, но и в скорейшем научном исследовании – понимание истории Золотой Орды не будет полным без достаточных знаний истории одного из ее крупнейших городских центров. А как уже было сказано выше, другие средневековые города Нижнего Поволжья исследованы значительно полнее.

Раскопки застроенного Увека связаны с определенными трудностями по сравнению с другими археологическими объектами. Основные проблемы современной городской археологии в обобщенном виде сформулированы А.С.Смирновым. В частности он отметил, что «городская археология во многом является самостоятельной частью археологии со своими специфическими особенностями и задачами», а исторический город – наиболее сложный археологический объект, который наиболее подвергся антропогенному воздействию (Смирнов А., 2002, с. 44). Естественно, в Увекском поселке частным порядком ведутся небольшие строительные работы, зачастую нарушающие культурный слой.

Любое строительство на территории древнего города требует предварительных раскопок, на проведение которых у небогатых частных инвесторов нет средств. Не так давно на страницах журнала «Наследие народов Российской Федерации» доктор искусствоведения Алексей Комеч предложил для таких случаев продумать систему частичной поддержки этих владельцев со стороны государства в форме субсидий или каких-либо льгот (Комеч А., 2002, с. 11). Возможно, такая система в какой-то мере способствовала бы сохранению для науки отдельных участков Увекского городища в случае

строительства.

Раскопки уникального памятника, каким является Увек, должны координироваться из единого научного центра. Идеальным вариантом для этого явилось бы создание музея-заповедника под открытым небом, в котором исследовательские работы сочетаются с музейной деятельностью. В России есть ряд таких музеев и разработаны проекты многих из них (В.И.Беседин, 1989, с. 9-11; Лылова 253-258М.И., 1989, с. 20-22; Попов В.В., Волков Д.А., 1989, с. 28-30; Белорыбкин Г.Н., 1994, с. 43-44; Останина Т.И., 1999, с. 253-258; Медведь А.Н., 2004).

Речь пока не идет о полноценной музеефикации, так как для этого есть слишком много условий и требований (работы по музеефикации наиболее известных музеев под открытым небом были начаты в Российской Федерации еще в 60-е годы прошлого века), но музеефикация отдельных наиболее интересных комплексов и построек представляется весьма перспективной.

Но в данном случае необходим какой-то нетрадиционный подход, так как плотная городская застройка на Увек не дает возможности взять за образец применяемые проекты музеефикации, предполагающие в обязательном порядке натурные реконструкции или консервацию архитектурных остатков.

Представляет интерес предлагаемый вариант создания точных уменьшенных копий археологических объектов и размещение их вне исторически ценной части памятника (например, в охранной зоне), что очень популярно во многих зарубежных странах (Медведь А.Н., 2004, с. 64).

Как показывает опыт эксплуатации музеефицированных объектов на территории России, их деятельность многофункциональна – кроме основной научно-просветительской функции они выполняют и культурную – здесь проводятся различные слеты и фольклорные фестивали, но не на основной территории, а в пределах охранной зоны. Перспективное в плане музеефикации Алексеевское городище (Юдин А.И., 2001, с. 56-59) не в состоянии выполнять подобную функцию – площадь памятника мала, а охранная зона давно застроена. Совершенно иное положение на Увекском городище – здесь на горе Каланча пока еще есть свободная территория.

Здесь опять встает вопрос об охранной зоне Увекского городища. Хартия по охране и использованию археологического наследия, провозглашенная IX Генеральной Ассамблеей Международного союза по памятникам и достопримечательным местам (октябрь 1990 г.), определяет что «восстановленные объекты не должны возводиться на самих археологических руинах, а определяться как таковые самостоятельно» (Хартия..., 1991, с. 295). В нашем случае это может быть только охранная зона памятника.

А пока стоит альтернатива – отдать земельный участок в охранной зоне уникального археологического памятника под кладбище (Увек) и получить сиюминутную выгоду для города или с мыслями о будущем оставить свободным земельный участок для возможной организации еще одного музея, научного и культурного центра.

Вторым археологическим объектом Саратовской агломерации является Алексеевское городище, расположенное в Волжском районе г.Саратова (рис. 1, 2).

Городище занимает высокий мыс с крутыми берегами на берегу Волги. С напольной стороны мыс был перегорожен оборонительными валом и рвом. Удобное расположение рядом с Волгой, обрывистые берега, являющиеся естественной защитой, привлекали сюда людей с глубокой древности.

Городище хорошо известно саратовским археологам с начала прошлого века, большинство из которых в разные годы на протяжении десятилетий проводили небольшие раскопки. Первые масштабные раскопки по современной полевой методике здесь были проведены экспедицией ИА АН СССР под руководством Т.А.Хлебниковой в 1971 году. Раскопки городища и грунтового могильника на нем были продолжены

О.В.Кочерженко в 1992-1993 гг. С 1998 года памятник понемногу исследуется экспедициями Госоргана охраны культурного наследия и Саратовского госуниверситета. В результате исследований на протяжении почти ста лет установлена следующая последовательность заселения мыса на берегу Волги между Алексеевским и Дудаковским оврагами.

Первое поселение на этом мысу относится к эпохе средней бронзы, когда здесь проживало население волго-донской катакомбной культуры, а возможно и к более раннему ямно-катакомбному времени. Поселение существовало и в эпоху поздней бронзы (срубная и ивановская культуры), а в раннем железном веке мыс заселяется городецким населением, которое сооружает вал и ров. Судя по керамическим материалам в первые века нашей эры на городище обитало также позднесарматское и праславянское (постзарубинецкое) население.

В средние века, во время существования Золотой Орды мыс был населен русскими, о чем свидетельствуют остатки нескольких жилищ, характерная керамика, ряд металлических и стеклянных предметов. Возможно, что мыс был заселен древнерусским населением еще в домонгольское время, но свидетельств об этом пока немного.

Сравнивая Алексеевское городище с аналогичными памятниками Саратовской области, можно отметить его типичность – таких городищ в области есть несколько десятков, большинство из них расположены на узких высоких мысах или вершинах гор и большинство из них содержат культурные напластования эпохи бронзы и раннего железного века. С другой стороны Алексеевское городище уникально в силу того, что оно, во-первых, в силу исторической судьбы оказалось в настоящее время в черте крупного города через столетия после прекращения своего функционирования. Это, несомненно, уже представляет интерес для современных жителей Саратова. Во-вторых, данный памятник является одной из немногих сохранившихся «иллюстраций» исторического развития населения на территории Саратова на протяжении последних четырех тысяч лет. Из более чем четырех десятков городищ в области, только это содержит такое количество свидетельств пребывания здесь населения от начала средней бронзы до позднего средневековья. Но самое существенное – это то, что в результате археологических исследований последнего десятилетия, можно с полной уверенностью утверждать, что первое русское поселение на территории современного Саратова появилось еще в XIII веке, а возможно и ранее (Юдин А.И., 2001а, с. 22-80; Малышев А.Б., 2008, с. 293-342).

Уникальность и типичность Алексеевского городища, в сочетании с удачным (относительно) местоположением и постоянной угрозой самовольной застройки, неизбежно приводят к необходимости музеефикации или по меньшей мере к консервации этого объекта.

Если мы считаем свой город культурной столицей Поволжья (к сожалению пока это только благое пожелание, вызывающее немалый скепсис среди наших поволжских земляков и соседей), то мы просто уже в силу этого просто обязаны сохранять и лелеять все свидетельства нашего культурно-исторического развития, как приличествует любому культурному обществу. Тем более что пока есть что сохранять. Музеефикация Алексеевского городища и создание на его базе музея, музея-заповедника под открытым небом или археологического центра (как это представлялось в конце прошлого века до дефолта 1998 года) в любом случае имеет ряд положительных моментов.

Кроме того, что новый музей (или музеефицированный объект), будет способствовать пропаганде истории края и охране памятников истории и культуры, в городе потенциально может появиться еще один привлекательный объект для туристов, который будет удачно вписываться в конфигурацию существующего поблизости самого посещаемого туристического центра Саратова – парка Победы и Национальной деревни на

Соколовой горе. Предполагалось, что археологический центр на Алексеевском городище станет базой для подготовки археологов и привлечения к полевым работам школьников, так как работы по музеефикации требуют многолетних и неторопливых археологических исследований.

Надо отметить, что областные власти согласны с предложенным проектом использования Алексеевского городища в качестве музея под открытым небом. В частности в 1996 году Областная межведомственная комиссия по охране историко-культурного наследия Саратовской области приняла решение музеефицировать памятник и создать там археологический центр. В 1998 году территория памятника была передана в бессрочное пользование ГУК «НПЦ по историко-культурному наследию области».

Третьим в списке потенциальных объектов для музеефикации стоит комплекс памятников у с.Шумейка (рис. 1, 3). Памятник этот известен еще с конца позапрошлого века. Сведения о нем, правда весьма отрывочные и под разными наименованиями, имеются в инвентарных книгах Саратовской ученой архивной комиссии. О находках, происходящих с этого памятника, упоминают ведущие российские и советские археологи – В.А.Городцов, Ф.В.Баллод, О.А.Кривцова-Гракова, Б.Г.Тихонов, М.Д.Полубояринова (Дремов И.И., 2008, с. 121).

В настоящее время памятник исследуется на протяжении нескольких последних десятилетий. В 1989 году прибрежная часть средневекового поселения была исследована В.Г.Мироновым. К сожалению данная работа не нашла отражения в научных публикациях. В начале 90-х годов на памятнике были проведены раскопки Д.Г.Бариновым, который выявил здесь грунтовой могильник ямно-катакомбного времени (Баринов Д.Г., 1996; он же, 1997). В 2002 году раскопки этого могильника были продолжены О.В.Сергеевой (Сергеева О.В., 2005). Небольшие раскопки, связанные с хозяйственным освоением близлежащих территорий, были проведены в 2006 году И.И.Дремовым (Дремов И.И., 2008).

Следует сразу сказать, что еще в 1991 году территория памятника и прилегающий к нему участок были переданы в бессрочное пользование ООО «Сары-Тау» для организации там археологического музея и туристического комплекса, но если на Алексеевском городище хотя бы установлены информационные щиты и на территории поддерживается относительный порядок, то площадь Шумейского «городища» постоянно подвергается угрозе застройки. Особенно привлекательным этот участок стал после ввода в эксплуатацию нового моста через Волгу.

Раскопки Шумейского городища были возобновлены в 2008 году. Заказчиком работ выступило ООО «Сары-Тау», исполнителем – некая Автономная некоммерческая организация «Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия». Цель производимых работ освобождение территории площадью 3 га для строительства музейно-туристического комплекса. Невероятная и не знающая прецедентов в отечественной археологии площадь исследований² за один полевой сезон несомненно не пошла на пользу памятнику. Культурный слой на большей части памятника снимался с помощью скреперов. Ссылки на слабую насыщенность слоя и его перемешанность более поздними постройками первой половины XX века выглядят неубедительными на фоне наличия по уровню материка земляночных котлованов, печей для обжига керамики и хозяйственных ям. Спешным раскопкам была подвергнута центральная часть средневекового селища. Как и на других средневековых памятниках Поволжья культурный слой включал находки нескольких культурных компонентов:

---

² Для сравнения стоит заметить, что в 2007 г. исследовалась известная средневековая крепость Пор-Бажын в Туве. Общая площадь крепости составляет приблизительно 3,5 га. Экспедиция насчитывала свыше 600 человек и было исследовано 0,8 га.

золотоордынского, древнерусского, мордовского. В процессе раскопок были обнаружены чрезвычайно редкие в нашем регионе ямно-катакомбное и хазарское погребения.

Недоумение по поводу столь спешных и «агрессивных» раскопок рассеялось, когда в комитет был предоставлен план музейно-туристического комплекса. В нарушение всех существующих норм, главный трехэтажный корпус комплекса был размещен в центральной части селища, хотя в распоряжении ООО «Сары-Тау» имеется еще около 40 га площади не занятой археологическими объектами и именно на этой площади, по всей логике и следует планировать строительство музейно-туристического комплекса. Проект комплекса теперь уже назывался «Туристический комплекс и археологический музей ООО «Сары-Тау». Проект включал сооружение лодочной станции, автостоянки, домика охраны и главного корпуса площадью почти 1200 кв. м. В корпусе 195 кв. м отводилось под выставочный зал, на остальной площади должны были располагаться ресторан, бар, бильярдный зал, гостиничные номера, две сауны, бассейн. Никакой привязки к исследованным объектам на памятнике в проекте нет, никакая их музеефикация не предусматривается. Естественно такой проект не мог быть согласован госорганом, с чем на рабочем совещании, проведенном в комитете по охране культурного наследия, согласилось большинство ведущих археологов и архитекторов области. Данное решение было подтверждено и администрацией Энгельсского района, так как предложенный проект не отвечает целевому назначению земли – «земли особо охраняемых территорий, разрешенное использование: для создания археологического музея и туристического комплекса...»

Сам памятник интересен не только своим историческим содержанием, но и своим расположением – рядом с одной из основных транспортных артерий области – новым мостом через Волгу, к северу от с.Шумейка, что является весомым аргументом в плане привлечения туристов. Отрицательным моментом является то, что на протяжении последнего десятилетия земельный участок, занимаемый памятником, является постоянным объектом посягательств различных частных структур с целью коттеджной застройки. Однако намного целесообразнее другое использование этой территории, особенно учитывая неплохую изученность самого памятника и прилегающих участков.

Например, в окрестностях с.Шумейка, предвзято строительство моста были исследованы два кургана, сооруженные в эпоху средней бронзы. Затем в них были впушены раннесрубные погребения, сарматские и золотоордынские. Интересна архитектура кургана 1.Насыпь кургана была перекрыта светлой материковой глиной толщиной 0,2-0,4 м. По этой обмазке удалось установить, что первоначальная высота кургана могла достигать 6 м, хотя к моменту раскопок не превышала 1,7 м. Глина для обмазки бралась из кольцевого ровика, который не примыкал к полю кургана вплотную, а отступал от нее на полтора метра (Юдин А.И., 2007, с. 162-164).

Несколькими километрами южнее, в устье реки Саратовки находилась дюна Пропорский бугор. На этом месте первые следы человека отмечены еще с раннеолитического времени.(Матюшин Г.Н., 1963, с. 240) и здесь же, по мнению ряда авторитетных исследователей (А.И.Шахматов, А.Ф.Леопольдов, Н.Н.Студенцов) был основан левобережный Саратов. Все эти материалы могут дополнить комплексы Шумейского городища в случае его музеефикации. Имеющая свободная площадь, выделенная ООО «Сары-Тау», вполне позволяет по примеру музеефицированного городища Аркаим восстановить и некоторые из исследованных объектов в ближайшей округе.

***

Актуальность организации археологических музеев-заповедников обусловлена, с одной стороны необходимостью сохранения археологического наследия, с другой стороны – его огромным потенциалом, который до сих пор практически не используется в образовательно-воспитательных целях и в целях организованного туризма.

В современных условиях усиления негативных последствий антропогенных воздействий на окружающую среду особенно важной представляется организация охраны и использования особо ценных историко-культурных объектов на территории Саратовской агломерации.

Опыт организации археологических музеев под открытым небом известен давно и впервые применен в 1922 году на берегах Боденского озера в Швейцарии, где были восстановлены в первоначальном виде поселения каменного и бронзового веков. К настоящему времени подобные музеи, реконструированные на основе раскопок археологических памятников, существуют в Дании (экспериментальный историко-археологический центр в Лейре), Германии (средневековая деревня в Дюппеле), Англии (кельтское поселение раннего железного века в Батсер-Хилле), России (палеолитическая стоянка в Костенках, античный Танаис на Нижнем Дону, укрепленное поселение бронзового века Аркаим на Урале) и других странах.

Музеефикация памятника обычно проводится с сохранением его естественной природно-исторической среды, когда максимально бережно сохраняются не только сам объект археологии, но и окружающий ландшафт для создания наиболее благоприятного восприятия исторического памятника. Окружающий ландшафт памятников на территории Саратовской городской агломерации уже не восстановить из-за городской застройки, но это компенсируется доступностью памятников археологии.

Актуальность создания археологического музея-заповедника также определяется отсутствием на территории Саратовской области аналогичных музеев, основной целью которых является сохранение и использование в научной, образовательной и туристической сферах историко-культурных и природных ресурсов.

Археологический музей-заповедник определяется как музей, созданный на основе археологического комплекса (памятника) и исторически связанной с ним территории. Археологические музеи-заповедники создаются в соответствии с определенными критериями, такими как историческая значимость, сохранность, информативность, доступность, современное значение (Медведь А.Н., 2004, с. 47). Музеефикация археологических памятников, как один из способов их сохранения и использования на постсоветском пространстве явление относительно новое, в бывшем Советском Союзе первые археологические музеи-заповедники стали создаваться в 60-е годы прошлого века (Медведь А.Н., 2004, с. 38). Первым из них был музей-заповедник «Танаис» на Нижнем Дону. За прошедшие годы музей-заповедник «Танаис» превратился в крупный музейный и научно-исследовательский комплекс и центр притяжения туристов. Здесь удачно показаны законсервированные участки раскопа, макеты и реконструкции вне раскопанных участков и организована постоянная музейная экспозиция.

Создание археологического музея-заповедника – это также одна из попыток для сохранения части памятника для будущих неразрушительных исследований. Неразрушительные или дистанционные методы исследования археологических объектов разрабатываются давно, но на практике они еще не нашли широкого применения. Методика дистанционного исследования применительно к памятникам Саратовской агломерации пока еще только апробируется (Сингатулин Р.А., 2003) и обычно просто предшествует полным археологическим раскопкам кургана или могильника с целью сравнения результатов дистанционного исследования и результатов вскрытия археологического объекта обычными раскопными методами.

При современном антропогенном воздействии на памятники археологии вкуче с природными разрушительными факторами вполне возможна ситуация, что к моменту появления неразрушительных способов исследования на территории Саратовской агломерации собственно исследовать будет практически нечего. Уничтожение и разру-

шение памятников археологии – один из наиболее весомых аргументов в пользу создания археологических музеев.

Всемирная практика показывает, что исследование уникальных объектов традиционными раскопочными методами необходимо проводить в очень ограниченных объемах. Крупнейший искусственный холм доисторического периода в Европе Силбюри-Хилл (высота 40,1 м) в Великобритании исследован несколькими разрезами, по которым установлены этапы и время сооружения насыпи (Брей У., Трамп Б., 1990, с. 223). Однако полные исследования не производятся, англичане ожидают появления неразрушительных методов исследования.

Современные концепции музейной организации предполагают активное участие посетителей в некоем действе по реконструкции жизни и быта древнего населения. Музеи-заповедники на основе поселенческих памятников (древних стоянок, городищ, городов) предлагают посетителям целые кварталы, в которых организовано производство предметов быта по древним технологиям. Посетители могут видеть, как раньше изготавливали керамику, пряли, ткали, пекли хлеб и т.п. Могут сами принять участие в ремесленном процессе, попробовать блюда древних кухонь. Все это естественно увеличивает туристическую привлекательность таких музеев-заповедников, и не случайно подавляющая часть музеефицированных объектов – это древние поселения и города. В этом плане экспозиционные возможности археологических музеев-заповедников, в основе которых лежат погребальные памятники археологии, несколько ограничены, но есть и свои преимущества.

Погребальные археологические памятники могут быть притягательными для посещения, даже не являясь музеефицированными объектами. Например, самый крупный курган в Калмыкии – Зунда-Толга – является объектом поклонения местного населения и рядом с ним сооружена небольшая буддийская ступа. В 1997 году в г.Энгельсе Саратовской области проводилась международная конференция «Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей». К этой конференции был раскопан и временно законсервирован участок грунтового могильника срубной культуры эпохи поздней бронзы Смеловка (Лопатин В.А., 1997; он же, 2000). Во время конференции на памятнике сотрудниками Энгельского краеведческого музея была проведена презентация музейного проекта «Половецкий стан» во время которой показано костюмированное представление из жизни и быта средневековых половцев. Проект вызвал необычайный интерес не только у участников конференции, студентов, но и местных жителей. И особенную «изюминку» всему этому придавал тот факт, что все действие разворачивалось на памятнике археологии, широко известном по многим годам предшествующих раскопок. В свое время был даже разработан проект музеефикации этого могильника и расположенного рядом синхронного поселения. Посещаемость этого объекта туризма гарантирована, так как предполагалось построить экспозиционную деятельность на контрасте с современностью – всего в 4-км от этого места расположен памятник новейшей истории – место приземления первого космонавта Ю.А.Гагарина, один из наиболее известных туристических объектов в Саратовской области. К сожалению, финансовые трудности не дают пока возможности реализовать этот проект.

Во всех случаях музеефикация предполагает комплексный подход к охране объекта, что предполагает активное участие не только археологов, музейщиков, но и экологов, зоологов, ботаников. Кроме собственно археологических исследований памятников при музеефикации проводятся ландшафтно-почвенные, инженерно-геологические и геофизические исследования на памятниках, в их охранной зоне и прилегающих территориях.

Поселенческие объекты при возможности всегда охраняются комплексно. Один из лучших примеров такого рода – это музей-заповедник «Аркаим», характер деятель-

ности которого сразу становится понятным из его полного названия: «Специализированный природно-ландшафтный и историко-археологический центр «Аркаим».

Говоря о процедуре создания любого археологического музея-заповедника, в первую очередь встает вопрос о списке собственно археологических объектов в составе археологического музея и его границах. Вторая особенность музеев-заповедников – это полный запрет непрофильного строительства на территории собственно археологических объектов, что полностью проигнорировано в проекте ООО «Сары-Тау» для Шумейского комплекса археологических памятников.

Основная музейная экспозиция создается на базе произведенных раскопок. Если говорить, например, о Шумейском комплексе памятников, то в перспективе необходимо предусмотреть строительство экспозиционного павильона, причем обязательно вне территории собственно средневекового поселения. Неотъемлемой частью музеев-заповедников является реконструкция какого-либо археологического объекта. Этот принцип соблюден в Танаисе и Аркаиме и даже в Этнографическом музее народов Забайкалья, где на огромной территории воссозданы бурятские улусы, деревни русского старожильского населения, казачий дворик и др. есть археологический комплекс из двух объектов. Это так называемые «плиточные могилы», появившиеся в эпоху бронзы во второй половине II тыс. до н.э. и просуществовавшие до середины I тыс. до н.э., и реконструкции двух жилищ хунну рубежа новой эры (Сокровища..., 2002, с. 92-95). Поскольку комплекс Шумейского городища включает два разновременных могильника, то вполне логичным будет выглядеть реконструкция нескольких погребальных сооружений.

При планировании археологического музея-заповедника на Шумейском городище необходимо предполагать как минимум три участка экспозиции.

Участок 1. Заповедная зона с полным запретом хозяйственной деятельности и какого-либо изменения ландшафта. Эта зона организуется с целью обеспечения сохранности памятника археологии и ближайшей к нему среды. Этот участок должен быть доступен для научных и охранных археологических мероприятий. Здесь должно быть обеспечено благоприятное и целостное зрительное восприятие археологического памятника и предусмотрена возможность восстановления первоначального внешнего вида памятника (жилища, хозяйственные постройки, производственные комплексы).

Участок 2. Могильник рубежа ранней-средней бронзы и средневековый могильник. На этом участке вполне возможно восстановить и раскопанный в окрестностях курган эпохи средней бронзы, а также подготовить к показу несколько погребений из исследованных непосредственно на могильниках

Участок 3. Рекреационная зона для организации отдыха и пунктов питания (палаточный городок, кемпинги). В перспективе возможно создание научного городка по примеру Аркаима, где сейчас круглогодично проживают до 20 сотрудников музея.

Участок номер один представляется наиболее важным в историко-культурном отношении и начинать музеефикацию необходимо именно с него. По мере решения правовых, организационных, научных и финансовых вопросов приступить к освоению участка 2 и участка 3.

Примером в организации археологического музея-заповедника может служить уже неоднократно упоминаемый Аркаим, где кроме основного объекта – укрепленного поселения синташтинской культуры эпохи бронзы – созданы «Музей человека и природы», «Музей древних производств», исторический парк, в котором представлены разные типы погребальных конструкций бронзового века и раннего средневековья, реконструированы погребальный склеп кургана вождя раннего железного века и жилище каменного века.

По подобному алгоритму рассматриваются и предлагаются к осуществлению проекты музеефикации, преимущественно поселенческих памятников, но и они всегда включают кроме основного объекта, по возможности большее количество памятников археологии, исторические реконструкции, павильонную экспозицию и отдельную туристско-рекреационную зону (Останина Т.И., 1999, с. 253-258; Старков А.Е., 1999, с. 259-266; Наровчатский..., 1998).

***

Памятники археологии, попавшие на территории городских агломераций, в большинстве случаев погибают, даже не будучи полностью исследованными. За примерами далеко ходить не надо. Широко известны Покровские курганы (три отдельные группы), исследование которых началось еще в дореволюционные годы. В свое время они не были исследованы полностью, часть их оказалась поглощенной застройкой г.Энгельса. А между тем в них встречаются уникальные и редкие захоронения, как например, погребение хвалынской энеолитической культуры (Дремов И.И., Юдин А.И., 1992). В г.Саратове очень сильно пострадало в результате строительных работ раннесрубное поселение Вишневое (Дремов И.И., 1992).

Уникальные археологические памятники зачастую вынужденно подвергаются сплошным археологическим раскопкам, как например как Большой Ипатовский курган, почитавшийся местным населением (его даже посещали молодожены), в силу хозяйственной необходимости – через его территорию должен был пройти трубопровод. Но в данном случае памятник был подвергнут тщательному научному исследованию с применением всех современных методик и его материалы уже введены в научный оборот (Кореневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А., 2007).

Другой пример – Золотой курган в Хвалынском районе Саратовской области. Этот самый большой курган области был частично разрушен в годы Великой Отечественной войны при постройке рокадной железной дороги – железнодорожный путь прошел чуть ли не через центр насыпи. В 2005 году при сооружении второго железнодорожного пути курган был подвергнут дальнейшему разрушению – грунт с его насыпи брали для отсыпки полотна железной дороги. Курган вынужденно был срочно исследован археологическими раскопками (Мимоход Р.А., 2009).

В случае же с тремя рассмотренными выше памятниками археологии никакой необходимости в их срочном и полном исследовании нет, все городские проблемы (коттеджная застройка, новый участок под кладбище) вполне могут быть решены за счет других земельных участков.

Не подвергается сомнению научный потенциал памятников археологии Саратовской городской агломерации. Ведь за исключением древнейших периодов истории края, на этих памятниках представлены основные вехи истории проживания различных народов на территории агломерации, начиная с эпохи средней бронзы – с III тысячелетия до н.э. и до позднего средневековья.

Также комплексы всех трех археологических памятников представляются несомненно перспективными для использования в качестве туристических объектов. Дальнейшее комплексное изучение будет способствовать их охране как объектов культурного наследия и, позволит перейти к полноценному использованию этих памятников в туристических целях, что, несомненно, повысит уровень туристической привлекательности Саратовской области.

В Саратове уже есть объект, представляющий из себя музей под открытым небом – Музей боевой славы, который по праву является гордостью и визитной карточкой города. Несомненно, что восприятие экспонатов этого музея только усилится, если по контрасту дать возможность жителям и гостям Саратова увидеть город в его историческом контексте: на обзорной площадке средневекового города Увека, на Алексеевском

городище с культурными комплексами от эпохи средней бронзы до средневекового сельского поселения и на комплексе памятников у с.Шумейка в Энгельском районе.

Литература

- Баллод Ф.В.* Приволжские «Помпеи». М-Пг., 1923.
- Баринов Д.Г.* Новые погребения эпохи средней бронзы в Саратовском Заволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.
- Баринов Д.Г.* Золотоордынское поселение около поселка Шумейка // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2.
- Белорыбкин Г.Н.* Археологический музей под открытым небом на Юловском городище в г.Городище // Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация (матер. научн. конф.). Рязань, 1994.
- Беседин В.И.* О музеефикации Семилукского городища // Археологические памятники: выявление, охранное изучение и музеефикация (Тез. докл.). Воронеж, 1989.
- Брей У., Трамп Д.* Археологический словарь. М., 1990.
- Дворниченко В.В., Егоров В.Л., Зеленев Ю.А.* Поволжская археологическая экспедиция: история создания, организация и основные результаты исследований // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Труды ГИМ. М., 2002. Вып. 135.
- Дремов И.И.* Вишневое – поселение покровского времени в Саратове // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1992. Вып. 3.
- Дремов И.И.* Исследования на Шумейском городище в 2006 г. // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2008. Вып. 8.
- Дремов И.И., Юдин А.И.* Древнейшие подкурганые захоронения степного Заволжья // Российская археология, 1992. № 4.
- Иванова М.Г.* Древнеудмуртское городище Иднакар: некоторые итоги и перспективы исследований // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Ижевск-Глазов, 1999.
- Касанкин Г.И.* Жилище XIV в. на золотоордынском поселении у с.Подгорное // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2.
- Комеч А.* Лекарство от псевдорестаурации // Наследие народов Российской Федерации. 2002. № 2.
- Корневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А.* Большой Ипатовский курган на Ставрополье как археологический источник по эпохе бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа. М., 2007.
- Кочерженко О.В.* Курганы эпохи поздней бронзы у пос.Сторожевка // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.
- Кротков А.А.* Раскопки на Увеке в 1913 году // Тр. СУАК. 1915. Вып. 32.
- Лопатин В.А.* Смеловский грунтовый могильник (к проблеме формирования срубной культуры в степном Заволжье) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: Матер. междунар. научн. конф. Саратов, 1997.
- Лопатин В.А.* Культурные сооружения Смеловского могильника // Взаимодействие и развитие культур южного пограничья Европы и Азии: Матер. междунар. научн. конф. Саратов, 2000.
- Лопатин В.А., Хоркин Д.А.* Керамические литейные формы с поселения срубной культуры у с.Усть-Курдюм // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана

- и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2.
- Лылова М.И.* Проблемы музеефикации Дивногорского комплекса памятников // Археологические памятники: выявление, охранное изучение и музеефикация (Тез. докл.). Воронеж, 1989.
- Ляхов С.В.* Уникальное погребение эпохи средней бронзы из кургана у пос.Сторожевка (предварительная публикация) // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.
- Малышев А.Б.* Исследования Алексеевского городища в 2006 году // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2008. Вып. 6.
- Матюшин Г.Н.* О нижневолжских микролитах // СА. 1968. № 2.
- Медведь А.Н.* Музеефикация памятников археологии в России (прошлое и настоящее). М., 2004.
- Мимоход Р.А.* Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов // Материалы охранных археологических исследований. М., 2009. Т. 10.
- Наровчатский* государственный историко-археологический и природный музей-заповедник. Сборник материалов. Пенза, 1998.
- Недашковский Л.Ф.* Разведочные исследования золотоордынских памятников Саратовского района в 1993-1997 гг. // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратов, 1999. Вып. 3.
- Недашковский Л.Ф.* Раскопки Хмелевского I селища в 1999 году // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998-2000 годах. Саратов, 2001. Вып. 4.
- Останина Т.И.* Историко-культурный заповедник музей «Иднакар»: перспективы развития // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Ижевск-Глазов, 1999.
- Попов В.В., Волков Д.А.* Проблемы музеефикации археологических памятников костенковско-боршевского верхнепалеолитического района // Археологические памятники: выявление, охранное изучение и музеефикация (Тез. докл.). Воронеж, 1989.
- Сергеева О.В.* Раскопки грунтового могильника ямно-катакомбного времени около с.Шумейка // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2005. Вып. 6.
- Сергеева О.В., Хоркин Д.А.* Охранные археологические исследования Саратовского областного центра дополнительного образования «Поиск» в 1998-2000 гг. // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998-2000 годах. Саратов, 2001. Вып. 4.
- Сингатулин Р.А.* Применение метода инфракрасной стереофотограмметрии для разведки и идентификации археологических следов и остатков сооружений в условиях современной городской застройки // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2003. Вып. 3. Каменный век.
- Сингатулин Р.А.* Археологические разведки на территории поселка Увек и близлежащей акватории Волгоградского водохранилища в 2002 г. // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2005. Вып. 6.
- Сингатулин Р.А.* Археологические исследования на Увекском городище в 2005 г. // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2006. Вып. 7.
- Сингатулин Р.А.* Охранно-спасательные работы на территории Увекского городища в 2005 г. // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2008. Вып. 8.
- Смирнов А.* Как сегодня сохранить памятники археологии // Наследие народов Российской Федерации. 2002. № 2.
- Сокровища культуры Бурятии.* Специальный выпуск-приложение к журналу «Наследие народов Российской Федерации». 2002. № 1.

- Старков А.Е.* Проект организации особо охраняемой историко-культурной территории «Парк Андронов» в черте Перми // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Ижевск – Глазов, 1999.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Четверть века изучения средневековых городов Нижнего Поволжья //СА, 1984. № 3.
- Хартия* по охране и использованию археологического наследия // СА, 1991. № 3.
- Юдин А.И.* Музеефикация Алексеевского городища как типичного памятника Правобережья Волги // Сохранение, восстановление, использование исторического, культурного, природного наследия народов России. (Матер. Междунар. научн. - практ. конф.). Березники, 1998, с. 159-162.
- Юдин А.И.* Памятники археологии Саратовской области как перспективные объекты туристских маршрутов // Перспективы развития туристических ресурсов Саратовской области. Саратов, 1999, с. 14-24.
- Юдин А.И.* Исследования Алексеевского городища в 1998-2000 гг. с целью последующей музеефикации // Пермский регион: история, современность, перспективы (матер. междунар. научно-практ. конф.), Березники, 2001.
- Юдин А.И.* Алексеевское городище в г.Саратове // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998-2000 годах. Саратов, 2001а, с. 22-80. Вып. 4.
- Юдин А.И.* Увекское городище: правовой статус, проблемы охраны и исследования // Золотоордынскому городу Укеку семь с половиной столетий. Саратов, 2003.
- Юдин А.И.* Исследование курганов эпохи средней бронзы у с.Шумейка Энгельсского района // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2007. Вып. 5.

Рис. 1. Археологические памятники на территории Саратовской городской агломерации. 1 – средневековый город Увек; 2 – многослойное Алексеевское городище; 4 – средневековое селище и грунтовые могильники у с.Шумейка

С.В. Ляхов

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ИЗ КУРГАНОВ У СТАНЦИИ КУЛАТКА ХВАЛЫНСКОГО РАЙОНА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1993 году были проведены охранные раскопки курганного могильника расположенного в 2 км к юго-западу от железнодорожной станции Кулатка и в 12,6 км к западу от п.Елшанка Хвалынского района Саратовской области (Ляхов С.В., 1993). Курганная группа из 11 насыпей находится на вершине левого берега р.Терешки (рис. 1, 1-3). Всего в группе раскопано 3 кургана (1-3), в которых обнаружены 16 погребальных комплексов эпохи поздней бронзы.

Курган 1.

До начала раскопок слабовыраженная в рельефе насыпь определялась по нахождению на её поверхности кусков дерева, костей человека и животных, и, кроме того, выделялось более светлым грунтом на фоне чернозема. Форма кургана округлой формы, высота 0,17 м, диаметр 20 м (рис. 1, 4-5).

Стратиграфия: курган сооружен в один приём над основными и одновременными погребениями 2, 6, 8. Материковый выкид толщиной 0,05-0,15 м из погребения 6 фиксировался как в бровке, так и в плане. Залегавший на погребенной почве и С-овидный в плане выкид примыкал к юго-западной стенке могильной ямы. Всего в кургане обнаружено 8 погребений, 7 из которых относятся к эпохе поздней бронзы.

Погребение 1 (рис. 1) зафиксировано в 3,32 м к юго-юго-востоку от репера, на глубине 0,38 м¹. Погребение полностью разрушено. Параметры могильной ямы не прослеживалась, так как погребение совершено в насыпи. Поверх разрозненных костей человека отмечены остатки деревянного перекрытия. Поза и ориентировка погребённого не определены. Толщина сохранившейся доски 0,07 м. Инвентарь не обнаружен.

Погребение 2 (рис. 2, 1) устроено на глубине 0,55-0,57 м (0,3 м от уровня погребенной почвы) в центре кургана, в 2 м к северо-востоку от репера. Поверх ямы и в её заполнении, на глубине 0,25-0,48 м, прослежены остатки деревянного перекрытия, залегавшие следующим образом: поверх трех поперечных бревен, покоились четыре бревна, уложенные вдоль длинных сторон ямы, вплотную друг к другу. Окончания бревен выходили за края могильной ямы, в среднем на 0,10 м. Толщина колеблется от 0,07 до 0,25 м. Ширина – 0,15-0,25 м.

Могильная яма подпрямоугольной в плане формы (2,0 x 1,35 м) с округлыми углами длинной стороной ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. На дне ямы, ближе к северо-восточной стенке, залегал сильно разрушенный скелет подростка. По сохранившимся костям ног и черепа можно сказать, что погребённого уложили скорченно, на левом боку, головой на северо-восток.

Инвентарь:

---

¹ Здесь и далее глубины даются от нулевого репера.

1. Сосуд (фрагмент) глиняный, лепной, баночный формы залегал в районе груди погребённого. Орнамент в виде горизонтальной линии, ниже которой нанесены треугольники вершинами вниз, выполнен оттисками веревочки. Черепок в изломе черного цвета. Тесто плотное с примесью органики. Высота сосуда 12,6 см. Диаметр устья 16 см, - дна 9,5 см (рис. 2, 2).

Погребение 3 (кенотаф ?) (рис. 2, 3) устроено на глубине 0,77 м (0,28 м от уровня материка), в 5,12 м к северо-северо-востоку от репера. Могильная яма подпрямоугольной в плане формы (0,75 x 0,51 м) с округлыми углами длинной стороной ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Стенки вертикальные. Поверх ямы и в её заполнении, на глубине 0,49-0,61 м прослежены остатки трех продольных плашек толщиной до 0,07 м. Окончания бревен, залегавшие в 0,12 м друг от друга, выходили за края могильной ямы в среднем на 0,07 м. В заполнении и на дне могильной ямы костей человека, минеральных посыпок или органических подстилок не обнаружено.

Инвентарь:

1. Сосуд 1 глиняный, лепной, неорнаментированный, баночной формы стоял под юго-восточной стенкой, у её центральной части. Черепок в изломе черного цвета. Тесто рыхлое с примесью органики. Высота горшка 5,9 см. Диаметр устья 10,4 см, дна – 7,5 см (рис. 2, 4).

2. Сосуд 2 глиняный, лепной, неорнаментированный, с резко отогнутым венчиком находился в западном углу ямы. Черепок в изломе черного цвета. Тесто рыхлое с примесью органики. Высота сосуда 14,4 см. Диаметр устья 16 см, максимального расширения – 16,4 см, дна 10,6 см (рис. 2, 5).

3. Путовая (метаподия) кость лошади залегала с северо-западной стороны баночного сосуда.

Погребение 4 (рис. 2, 6) устроено на глубине 1,12-1,17 м (0,62-0,67 м от уровня материка), в 6 м к северо-северо-востоку от репера. До начала расчистки могильная яма по верхнему краю имела в плане форму неправильного прямоугольника (1,24 x 0,61 м) с округлыми углами и была длинной стороной ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Северо-восточная стенка, которая плавно сужалась, сильно выгнута, а с уровня 0,30 м от края ямы, как и остальные стенки, отвесно опускалась ко дну. Размеры по дну – 1,0 x 0,61 м. Поверх ямы и в её заполнении, на глубине 0,51-0,77 м прослежены остатки деревянного перекрытия в виде трех продольных бревен диаметром 0,07-0,15 м. Окончания бревен, залегавшие в 0,10 м друг от друга, выходили за края могильной ямы на 0,05-0,07 м. На дне ямы лежал скелет подростка скорчено на левом боку, черепом на северо-восток, лицевой частью на юго-восток. Кости рук и ног сильно согнуты. Между бедренными костями найдено ребро животного (МРС?).

Инвентарь:

1. Сосуд 1 лепной, округлободий, орнаментированный обнаружен в восточном углу ямы, перед лицевой частью. Верхняя часть тулова орнаментирована каплевидными наколами и наклонными оттисками мелко- крупнозубчатого штампа, образующими горизонтальные линии, между которыми помещены заштрихованные треугольники вершинами вверх. Черепок в изломе черного цвета. Тесто плотное с примесью органики и песка. Высота сосуда 11,3 см. Диаметр устья 13,0 см, максимального расширения тулова – 13,5 см, дна – 7,8 см (рис. 2, 8).

2. Сосуд 2 лепной, баночной формы, орнаментированный стоял с внешней стороны предплечий. Вся поверхность сосуда украшена каплевидными наколами и оттисками крупнозубчатого штампа в виде горизонтальных линий, состоящих из одинарного и парного зигзагов. Сосуд в верхней части, под устьем имеет два сквозных отверстия диаметром 0,6 см. Черепок в изломе черного цвета. Тесто рыхлое с примесью органики и

песка. Высота сосуда 8,5 см. Диаметр устья 9,2 см, максимального расширения тулова – 9,5 см, дна 6,9 см (рис. 2, 7).

Погребение 5 (рис. 3, 1) устроено на глубине 1,05-1,07 м (0,55-0,57 м от уровня материка), в 5,70 м к северо-северо-востоку от репера. Могильная яма подпрямоугольной в плане формы (1,10 x 0,65 м) с округлыми углами длинной стороной ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. В заполнении ямы встречены остатки перекрытия в виде небольших кусков дерева, которые, вероятно, были уложены вдоль длинных сторон ямы. На дне ямы, понижавшемся в сторону черепа, лежал скелет взрослого человека, скорченно, на левом боку, с небольшим завалом на грудь, черепом на северо-восток, лицевой частью на юг. Кости ног и рук согнуты. Кисти рук положены перед лицевой частью черепа. Стопы соединены.

Инвентарь:

1. Кольцо костяное обнаружено между нижними позвонками скелета. Поверхность изделия заполирована. Сечение сегментовидное. Диаметр 2,2 см, ширина 0,6 см (рис. 3, 2).

2. Сосуд 1 лепной, баночной формы, неорнаментированный стоял перед лицевой частью, между кистями рук. Черепок в изломе черного цвета. Тесто рыхлое, с примесью органики. Высота сосуда 9,2-9,4 см. Диаметр устья 11,3 см, максимального расширения тулова – 12,3 см, дна – 8,0 см (рис. 3, 3).

3. Сосуд 2 лепной, округлобокий, короткошейный, с отогнутым венчиком, неорнаментированный лежал поверх берцовых костей. Черепок в изломе черного цвета. Тесто рыхлое, с примесью органики. Высота горшка 18,2 см, шейки – 4,0 см. Диаметр устья 19,4 см, максимального расширения тулова – 18,8 см, дна – 11,4 см (рис. 3, 4).

Погребение 6 (рис. 3, 5) устроено на глубине 1,10-1,13 м (0,85-0,88 м от уровня погребенной почвы), в 5,0 м к югу от репера. Могильная яма подпрямоугольной в плане формы (1,05 x 0,57 м) с округлыми углами длинной стороной ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Поверх ямы и в её заполнении на глубине 0,27-0,57 м прослежены остатки деревянного перекрытия в виде трех бревен, положенных вдоль могилы, причем наиболее мощное бревно диаметром 0,30 м, находилось в центре. Окончания бревен, залежавшие почти вплотную друг к другу, выходили за края могильной ямы на 0,05-0,11 м. На дне, понижавшемся в сторону черепа, лежал частично сохранившийся скелет подростка, скорченно на левом боку, черепом на северо-восток, лицевой частью на юг. Кости рук и ног согнуты. Кисти рук сложены перед лицевой частью черепа.

Инвентарь:

1. Сосуд лепной, остросереберный, с высокой шейкой и со слегка отогнутым венчиком, неорнаментированный выявлен перед лицевой частью, поверх предплечий. Черепок в изломе черного цвета. Тесто рыхлое, с примесью органики. Высота горшка 8,8-9,1 см. Диаметр устья 9,7 см, ребра – 10,5 см, дна 6,6 см (рис. 3, 6).

Погребение 7 (рис. 4, 1) устроено на глубине 1,13-1,15 м (0,65 м от уровня материка) в 4,12 м к северо-северо-западу от репера. Могильная яма подпрямоугольной в плане формы (1,35 x 0,77 м) с округлыми углами длинной стороной ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Поверх ямы и в её заполнении на глубине 0,52-0,83 м прослежены остатки трех бревен, лежавших вдоль могилы, причем наиболее мощное (диаметр 0,35-0,37 м) находилось в центре. Окончания бревен, залежавшие плотно друг к другу, выходили за края могильной ямы в среднем до 0,1 м. На дне, понижавшемся в сторону черепа, лежал скелет взрослого человека, скорченно, на левом боку, черепом на северо-восток, лицевой частью на юго-восток. Кости ног и рук согнуты. Кисти рук положены перед лицевой частью черепа. Стопы залежали на боку и соприкасались между собой.

Инвентарь:

1. Бусы пастовые (24 шт.) круглые зонные и сурьмяные (8 шт.) круглые цилиндрические выявлены в районе черепа и шейных верхних позвонков. Пастовые бусы одно и двухчастные. Их размеры: 0,2-0,5 x 0,3-0,6 x 0,2 см (рис. 4, 2б). Размеры сурьмяных бус: 0,2-0,3 x 0,3-0,5 x 0,1 см (рис. 4, 2а).

2. Пронизки (2 шт.) бронзовые цилиндрические найдены среди бус. Размеры пронизок: 0,3 x 0,6 x 0,2 см (рис. 4, 3).

3. Сосуд 1 лепной, округлобокий, короткошейный, с отогнутым венчиком, орнаментированный находился за спиной погребенного. По шейке и по плечу округлыми наколками нанесен орнамент в виде двух горизонтальных линий. Поверхность сосуда ярко оранжевая. Черепок в изломе черного цвета. Тесто рыхлое, с примесью органики. Высота сосуда 14,3 см. Диаметр устья 15,0 см, максимального расширения тулова – 16,8 см, дна – 9,4 см (рис. 4, 5).

4. Сосуд 2 лепной, баночной формы, неорнаментированный зафиксирован с внешней стороны предплечий. На поверхности изделия видны смолянистые подтеки буро-коричневого цвета. Черепок в изломе черного цвета. Тесто рыхлое, с примесью органики. Высота сосуда 8,0 см. Диаметр устья 11,2 см, максимального расширения тулова 17,1 см, дна – 9,0 см (рис. 4, 5).

5. Сосуд 3 лепной, орнаментированный, баночной формы находился в южном углу ямы, среди путовых костей лошади. Верхняя часть тулова украшена резным орнаментом в виде двойного зигзага, между которым нанесены вертикальные линии. Косые резные линии украшали поверхность венчика. Черепок в изломе черного цвета. Тесто рыхлое, с примесью органики. Высота изделия 5,5 см. Диаметр устья 5,3 см, максимального расширения тулова – 5,9 см, дна – 3,9 см (рис. 4, б).

6. Путовые (метаподии) кости лошади от трех (?) особей лежали между стопами и юго-западной стенкой ямы.

Погребение 8 (рис. 4, 7) устроено на глубине 0,55-0,60 м (0,30-0,35 м от уровня погребной почвы) в центре кургана. Захоронение сильно повреждено землеройной техникой. Могильная яма подпрямоугольной в плане формы (2,0 x 1,5 м) с округлыми углами длинной стороной ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. На дне и в заполнении могилы сохранились остатки деревянного перекрытия, аналогичное перекрытию из погребения 2: поверх коротких поперечных плах уложены продольно длинные бревна. Толщина бревен достигает 0,15 м. На дне ямы, ближе к северо-восточной стенке залегал сильно разрушенный скелет подростка. По сохранившимся костям ног и черепа можно сказать, что погребенного уложили скорченно, на левом боку, черепом на северо-восток. Кости рук и ног согнуты. Нижние эпифизы предплечий перед находились лицевой частью черепа.

Инвентарь:

1. Развал неорнаментированного сосуда залегал в районе черепа, перед лицевой частью. Сосуд не восстанавливается.

2. Браслет (во фрагментах) бронзовый желобчатый найден на костях предплечья правой руки. Приблизительный диаметр изделия 4,4 см (рис. 4, 8).

3. Путовые (метаподии) кости лошади (4 шт.) лежали в 0,3 м к югу от стоп.

Курган 2.

Курган 2 (рис. 5) располагался в 0,17 км к ЮВ от кургана 1. Слабовыраженная в рельефе, округлая насыпь имела высоту 0,21-0,23 м и диаметр 12 м.

Стратиграфия: курган сооружен в один приём над основными и одновременными погребениями 3 и 5. Материковый выкид из погребения 3, С-овидный в плане, зафиксирован южнее ямы, на уровне погребенной почве. Также на погребенной почве, к за-

паду от могильной ямы покоился выкид из погребения 5, также С-овидный в плане. Всего в кургане обнаружено 5 погребений эпохи поздней бронзы.

Погребение 1 устроено на глубине 0,80-0,85 м (0,3 м от уровня материка), в 4,7 м к северо-западу от репера. Могильная яма подпрямоугольной в плане формы (1,70 x 0,90 м) длинной стороной ориентирована по линии северо-восток – юго-запад.

На дне ямы, понижавшемся в сторону черепа, лежали останки взрослого человека, скорченно, на левом боку, головой на северо-восток. Кости рук и ног согнуты. Кисти рук положены перед лицевой частью черепа. Четыре астрагала МРС лежали в 0,25 м к западу от тазовых костей. Другой инвентарь не обнаружен.

Погребение 2 устроено на глубине 0,65-0,70 м (0,10-0,15 м от уровня материка), в 3,42 м к юго-западу от репера. Могильная яма подпрямоугольной в плане формы (1,67 x 0,97 м) длинной стороной ориентирована по линии восток-северо-восток - запад-юго-запад. Захоронение сильно повреждено в процессе работы землеройной техники. На дне ямы, понижавшемся в сторону ног, лежал скелет взрослого человека, скорченно, на правом боку, черепом на восток-северо-восток. Кости рук и ног согнуты. В погребении вещей не обнаружено.

Погребение 3 (рис. 6, 1) устроено на глубине 1,10-1,12 м (0,7-0,73 м от уровня погребенной почвы) в центре кургана. Могильная яма подпрямоугольной в плане формы (1,83 x 1,37 м) с округлыми углами длинной стороной ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Захоронение сильно разрушено норами землеройных животных. В заполнении ямы встречены остатки перекрытия, в виде небольших кусков дерева толщиной до 0,15 м, залегавших беспорядочно. Кроме того, в заполнении найдены развал лепного сосуда и костяное кольцо, кости животного и человека. На дне ямы, понижавшемся в сторону черепа, лежали остатки скелета взрослого человека. По сохранившимся костям ног и таза можно говорить, что погребённого уложили скорченно, на левом боку, черепом на северо-восток.

Инвентарь:

1. Сосуд 1 лепной, округлобокий, короткошейный, с сильно отогнутым венчиком, неорнаментированный находился у колен погребенного. По тулову видны крупные хаотичные расчески. Черепок в изломе черного цвета. Тесто рыхлое, с примесью органики. Высота сосуда 15,2 см. Диаметр устья 16,8 см, максимального расширения тулова – 17,8 см, дна 9,4 см (рис. 6, 2).

2. Кольцо костяное обнаружено в заполнении могилы. Поверхность заполирована. Боковая сторона изделия орнаментирована парой горизонтальных углублений и имеет два сквозных отверстия, расположенных вертикально друг над другом. Ширина кольца 1 см. Диаметр кольца 2,4 см, отверстий – 0,2-0,3 см (рис. 6, 3).

3. Сосуд 2 лепной, округлобокий, короткошейный, со слабовыраженным плечиком и сильно отогнутым венчиком, неорнаментированный выявлен в заполнении ямы, на разных глубинах. Черепок в изломе черного цвета. Тесто рыхлое, с примесью органики. Высота сосуда 14,0 см. Диаметр устья 14,0 см, максимального расширения тулова – 15,2 см, дна 10,7 см (рис. 6, 4).

Погребение 4 (рис. 7, 1) устроено на глубине 0,74-0,80 м (0,24-0,30 м от уровня материка), в 4,0 м к юго-востоку от репера. Захоронение потревожено в процессе раскопок. Могильная яма подпрямоугольной в плане формы (1,67 x 1,10 м) с округлыми углами ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Южный угол ямы слегка скошен. На дне ямы, понижавшемся в сторону ног, лежал скелет взрослого человека, скорченно, на левом боку, черепом на северо-восток, лицевой частью на юго-восток. Кости ног и рук согнуты. Кисти рук положены перед лицевой частью черепа.

Инвентарь:

1. Бусы пастовые (15 шт.) круглые зонные и сурьмяные (5 шт.) круглые зонные и цилиндрические выявлены в районе черепа и шейных позвонков. Пастовые бусы одно-двухчастные. Их размеры: 0,2-0,4 x 0,3-0,5 x 0,1-0,3 см (рис. 7, 2а). Размеры сурьмяных бус: 0,2-0,3 x 0,2-0,4 x 0,1 см (рис. 7, 2б).

Погребение 5 (рис. 7, 3) устроено на глубине 1,0-1,15 м (0,6-0,75 м от уровня погребальной почвы), в 3,5 м к югу от центра. Могильная яма подпрямоугольной в плане формы (1,37 x 0,80 м) с округлыми углами длинной стороной ориентирована по линии северо-восток-юго-запад. Захоронение сильно разрушено норами землеройных животных. В заполнении ямы встречены остатки перекрытия и кости человека. Вероятно, перекрытие состояло из трех бревен, в центре которого было помещено наиболее мощное диаметром до 0,2 м. На дне, понижавшемся в сторону ног, лежали остатки скелета молодого человека. По сохранившимся костям ног и таза можно сказать, что погребенный был уложен скорченно на левый бок, головой на северо-восток.

Инвентарь:

1. Кольцо костяное с подквадратным внутренним отверстием лежало между черепом и северо-восточной стенкой. Поверхность изделия заполирована. Боковая сторона кольца орнаментирована двумя, не соприкасавшимися между собой, полосами заштрихованных треугольников, вершины которых направлены друг к другу. Диаметр изделия 2,2 см, ширина 1 см. Размеры отверстия 0,8 x 0,7 см (рис. 7, 5).

2. Сосуд лепной, округлобокий, короткошейный, со слабовыраженным плечиком и сильно отогнутым венчиком, неорнаментированный выявлен в ногах погребенного, в западном углу ямы. На поверхности видны следы хаотичных расчесов. Черепок в изломе черного цвета. Тесто рыхлое с примесью органики и песка. Высота горшка 15,7 см. Диаметр венчика 15,8 см, шейки – 15,1 см, максимального расширения тулова – 17,5 см, дна – 11,2 см (рис. 7, 4).

3. Астрагалы МРС (122 шт.) залегали между стопами и сосудом. Четыре астрагала имеют обработанные боковые стороны.

Курган 3.

Курган 3 (рис. 8) находился в 54 м к северо-западу от кургана 1 и в 240 м к северо-северо-западу от кургана 2. Сильно оплывшая насыпь округлой формы имела высоту 1,52-1,58 м и диаметр 50 м.

Стратиграфия: курган сооружен в один приём над основным и центральным погребением 3. Материковый выкид толщиной до 0,6 м из погребения 3 залегал на погребенной почве и фиксировался как в центральной бровке, так и в плане. С-овидный в плане выкид укладывался вдоль северо-западной стены ямы. Поверх могильной ямы, на уровне погребенной почвы, был сооружен бревенчатый настил из стволов диаметром 0,2-0,4 м и длиной до 2,8 м, уложенный по линии северо-запад – юго-восток. Настил покрывал площадь, подпрямоугольную в плане, размерами около 8 x 5 м, вытянутую по линии северо-восток – юго-запад. Выкид и бревна были перекрыты органическим тленом белого цвета толщиной до 0,12 м. В плане тлен представляет собой подпрямоугольную площадку размерами 10 x 7 м, ориентированную по линии северо-восток – юго-запад. В восточном углу этой площадки выявлено кострище округлой формы (0,3 x 0,33 x 0,05 м).

Вокруг насыпи прослежен ровик неправильной кольцевидной формы, без перемычек. Ров, глубиной 1,70-1,80 м, сооружался с уровня погребенной почвы, грунт из которого шел на строительство насыпи. Внешний диаметр рва 380 x 38,5 м, внутренний диаметр 35 м.

В 15 м к юго-юго-западу от центра, на уровне погребенной почвы обнаружено скопление костей крупного животного (лошадь?).

Всего в кургане обнаружено 3 погребения эпохи поздней бронзы.

Погребение 1 (рис. 9, 1) устроено на глубине 3,75 м (1 м от уровня материка), в 11,6 м к юго-западу от репера. Могильная яма подпрямоугольной в плане формы (1,86 x 1,45 м) с округлыми углами длинной стороной ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Поверх могилы и в её засыпке выявлено деревянное перекрытие из семи бревен, которые вплотную уложены друг к другу. Бревна толщиной 0,2 м, шириной 0,2-0,25 м, длиной чуть больше коротких сторон ямы, лежали поперек могильной ямы.

На глубине 0,6 м от края могилы обнаружено перекрытие сруба. Семь плах длиной до 1,05-1,1 м, шириной 0,1-0,2 м и толщиной до 0,1 м были также плотно уложены друг к другу. Подпрямоугольный сруб (1,50 x 1,10 м) сооружен в один венец, где более длинные бревна вставлены в распор короткими брёвнами. Толщина бревен 0,1-0,15 м. Внутри сруба на досках, шириной до 0,25 м, покрытых корой березы, лежал скелет взрослого человека, скорченно, на левом боку, с завалом на грудь, черепом на северо-восток, лицевой частью на восток. Кости рук и ног согнуты. Кисти рук положены перед лицевой частью. Стопы ног соприкасаются.

Инвентарь:

1. Кольцо костяное лежало в 0,03 м к северу от левого крыла таза. Поверхность изделия заполирована. Стороны кольца орнаментированы двумя, не соприкасавшимися между собой, полосами заштрихованных треугольников, вершины которых направлены друг к другу. Диаметр самого кольца 2,2 см, сквозного отверстия – 0,9 см, ширина – 1 см (рис. 9, 2).

2. Сосуд 1 (кубок) лепной острорёберный высокошейный с сильно отогнутым венчиком, орнаментированный выявлен между коленными суставами и юго-западной стенкой сруба. Вся поверхность сосуда украшена оттисками плоского штампа и косыми насечками, со сложным геометрическим орнаментом. В центральной части сосуда орнаментирован заштрихованными ромбами, которые разделяет горизонтальная линия насечек, нанесённая точно по ребру. Аналогичная полоса украшает устье сосуда. К ней примыкают заштрихованные треугольники вершинами вниз, которые касаются вершин ромбов. Также вершинами треугольники и ромбы соприкасаются в нижней части сосуда. Придонная часть украшена горизонтальной полосой елочного орнамента, выполненного косыми насечками. Подобными насечками орнаментирована поверхность венчика. Поверхность сосуда светло-желтого цвета. Черепок в изломе черного цвета. Тесто рыхлое, с примесью органики и песка. Высота горшка 16,1 см, шейки – около 3,5 см. Диаметр венчика 18,5 см, шейки – 17,5 см, ребра – 21,7 см, дна – 9,8 см (рис. 10, 1).

Сосуд 2 лепной, округлобокий, короткошейный, со слегка отогнутым венчиком, неорнаментированный залегал в южном углу сруба, восточнее сосуда 1. Поверхность сосуда темно-коричневого цвета. Черепок в изломе черного цвета. Тесто рыхлое, с примесью органики. Высота горшка 17,2 см, шейки – около 1,0 см. Диаметр венчика 21,1 см, шейки – 20,8 см, максимального расширения тулова – 21,4 см, дна – 10,2 см (рис. 10, 2).

4. Астргалы МРС находились в северном углу сруба, за черепом погребённого.

Погребение 2 (кенотаф ?) (рис. 10, 3) устроено на глубине 3,15-3,17 м (0,30-0,35 м от уровня погребной почвы), в 9,35 м к юго-юго-западу. Захоронение сильно повреждено землеройной техникой. Могильная яма подпрямоугольной в плане формы (1,32 x 0,97 м) с округлыми углами длинной стороной ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. На дне и в заполнении могилы сохранились остатки деревянного перекрытия, которое, вероятно, сооружалось следующим образом: поверх продольно длинных бревен были уложены короткие поперечные плахи. Толщина бревен достигает 0,15 м.

В заполнении и на дне могильной ямы костей человека и животных, минеральных посыпок или органических подстилок не обнаружено.

Инвентарь:

1. Сосуд лепной, баночной формы, высокошейный, с закрытым устьем, орнаментированный обнаружен под бревном перекрытия, около центральной части юго-западной стенки. Венчик и верхняя часть сосуда орнаментирована оттисками крупнозубчатого штампа, образующими заштрихованные треугольники, направленные вершинами вниз. Поверхность сосуда темно-коричневого цвета. Черепок в изломе черного цвета. Тесто рыхлое, с примесью органики. Высота горшка 13,4 см, шейки – около 4,5 см. Диаметр венчика 13,5 см, шейки – 14-15 см, максимального расширения – 15,3 см, дна 8,4 см (рис. 10, 4).

Погребение 3 устроено на глубине 4,51 м (2,01 м от уровня погребённой почвы), в центре кургана. Погребение полностью разрушено в древности. До начала расчистки пятно заполнения могильной ямы имело аморфное в плане очертание (5,04 x 3,62 м) длинной стороной ориентированное по линии северо-восток – юго-запад. Разрушенные стенки ступенчато и под наклоном опускались ко дну, которое приобрело подквадратную в плане форму размерами 2,80 x 2,44 м. Могильная яма ориентирована по сторонам света. Вероятно, что такие параметры могильная яма могла иметь перед погребением умершего. В заполнении по всей площади и на разных глубинах выявлены куски дерева, кости взрослого человека, обломки лепной керамики.

***

Особенности погребального обряда и инвентаря всех трех курганов указывают на относительную одновременность всех трех курганов и их принадлежность к раннему этапу срубной культуры эпохи поздней бронзы. Хронология определяется в первую очередь по керамике и изделиям из кости. Кубковидный сосуд из погребения 1 кургана 3 относится к разряду чрезвычайно редких для срубной культуры типов керамики и может быть сопоставлен по форме и некоторой степени и по орнаменту с двумя кубками из Нижнеозерецкого курганного могильника в Самарском Заволжье (Мочалов О.Д., 2004, с. 129-132, рис. 4, 6, 8). Аналогичные кубки, еще без поддона характерны для раннего этапа срубной культуры. А.П.Семенова относит погребения с кубками из Нижнеозерецких курганов к раннесрубным погребениям, не имеющим абашевских черт (Семенова А.П., 2000, с. 197, рис. 15, 13, 14), т.е. бережновской линии развития.

Напротив, костяные орнаментированные и неорнаментированные кольца-пряжки являются характерной принадлежностью памятников покровского этапа срубной культуры как в степном Поволжье (Памятники..., 1993, с. 133, табл. 3, 11; с. 146, табл. 16, 7), так и в лесостепном (Семенова А.П., 2000, с. 188, рис. 6, 2, 3), и также соотносятся всеми исследователями с ранним этапом позднебронзового века.

Однако погребальный обряд (ориентировки, сруб) и керамика без каких-либо покровских проявлений не оставляют сомнений в бережновской принадлежности раннесрубных захоронений из курганов у ст.Кулатка.

Литература

- Ляхов С.В.* Отчет об охранных раскопках курганов в Хвалынском, Питерском, Татищевском районах Саратовской области в 1993 году // Архив ИА РАН. 1993. Р-1.
- Мочалов О.Д.* Ранние кубковидные сосуды эпохи бронзы в Поволжье и на Урале // РА, 2004. № 2.
- Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье* // САИ. Саратов, 1993. Вып. В 1 – 10. Т. 1.
- Семенова А.П.* Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.

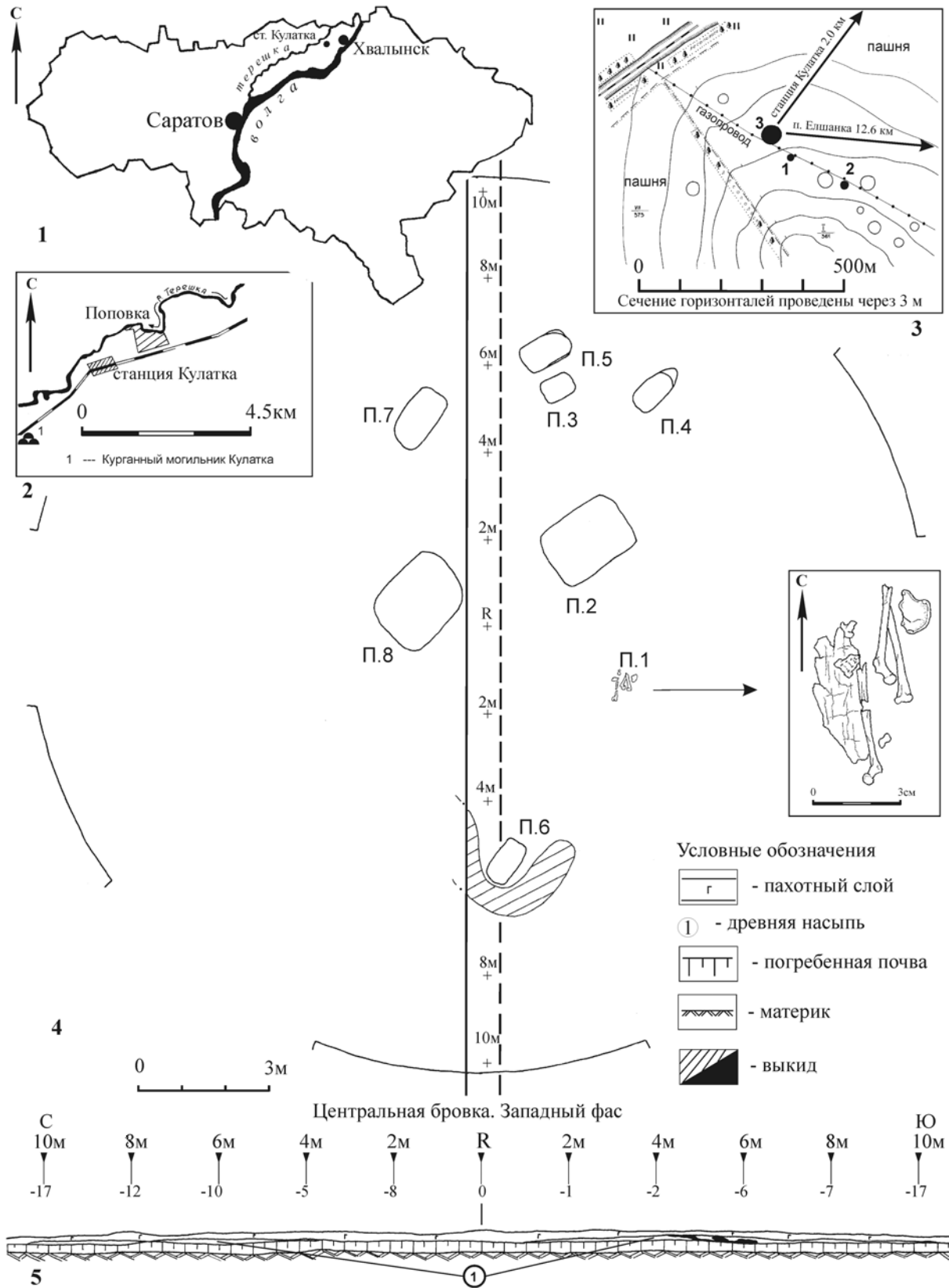

Рис. 1. 1 – схема Саратовской области; 2 – схема расположения курганного могильника около станции Кулатка; 3 – план курганного могильника Кулатка; 4 – план кургана 1; 5 – центральная бровка кургана 1

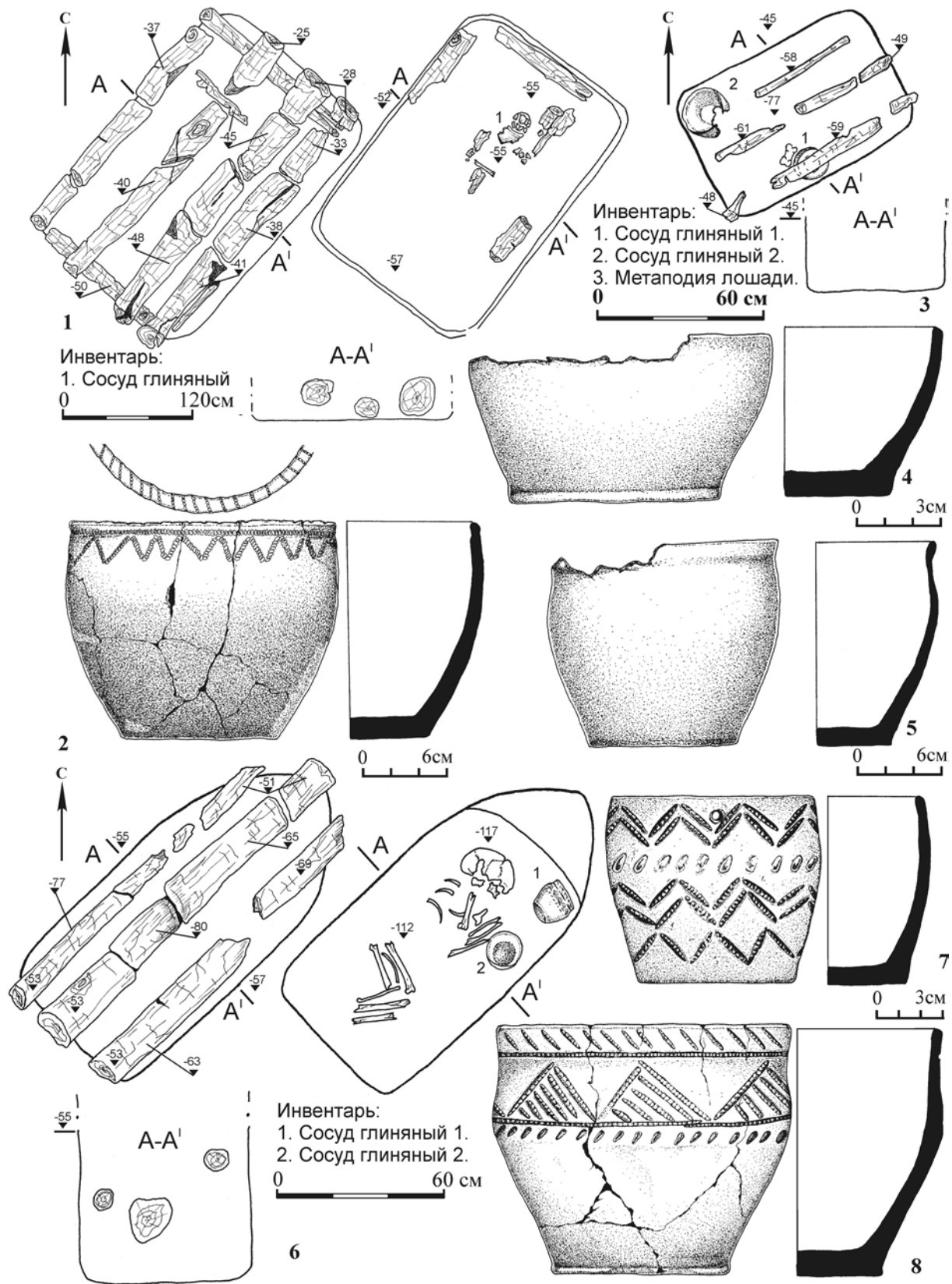

Рис. 2. Кулатка. Курган 1. 1— план и профиль погребения 2; 2— сосуд из погребения 2; 3— план и профиль погребения 3; 4-5— сосуды из погребения 3; 6— план и профиль погребения 4; 7-8— сосуды из погребения 4

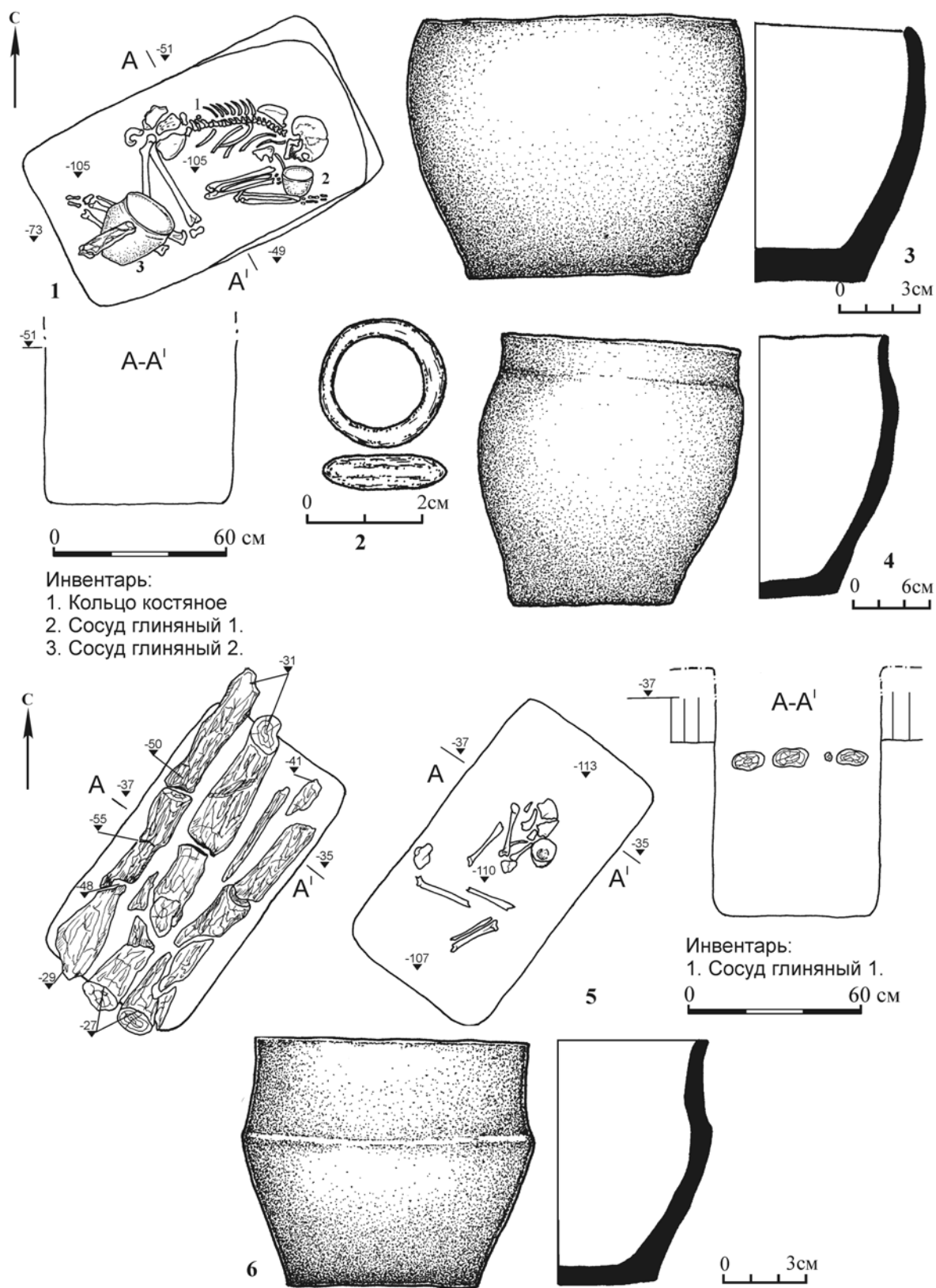

Рис. 3. Кулатка. Курган 1. 1 – план и профиль погребения 5; 2 – кольцо костяное из погребения 5; 3-4 – сосуды из погребения 5; 5 – план и профиль погребения 6; 6 – сосуд из погребения 6

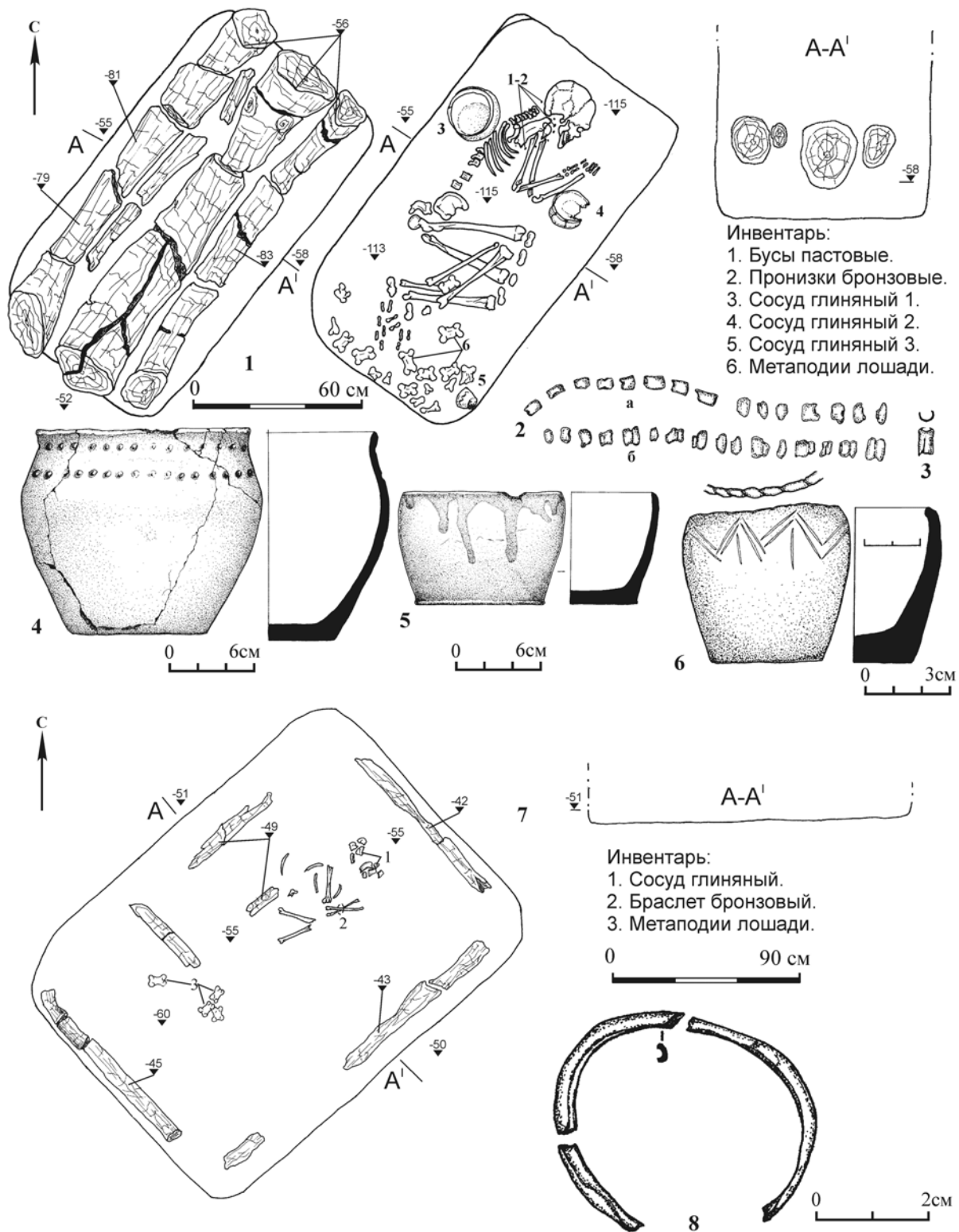

Рис. 4. Кулатка. Курган 1. 1 – план и профиль погребения 7; 2а – бусы сурьмяные из погребения 7; 2б – бусы пастовые из погр.7; 3 – пронизка бронзовая из погр. 7; 4-6 – сосуды из погр. 7; 7 – план погребения 8 и бронзовый браслет из него (8)

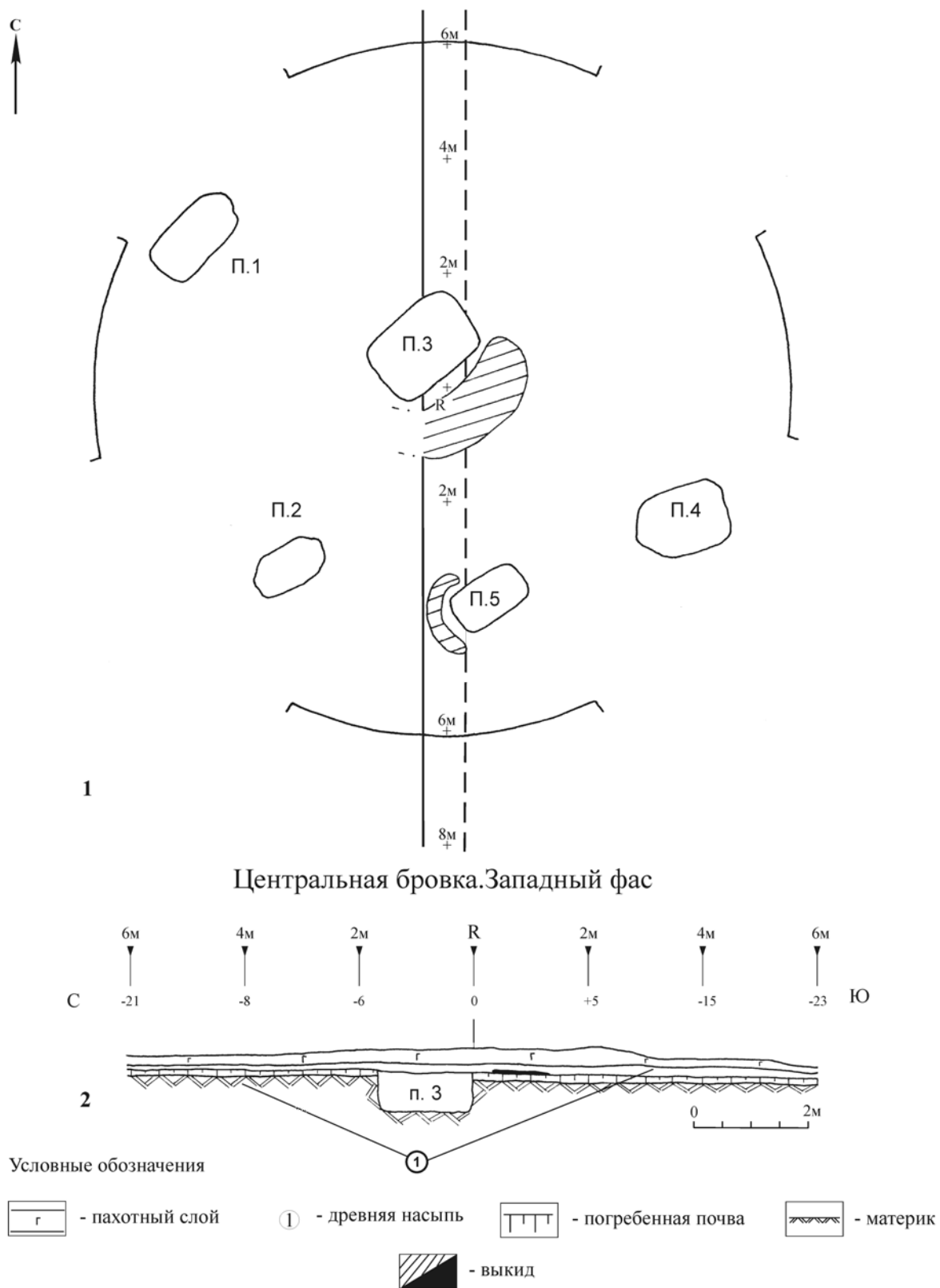

Рис. 5. Кулатка. Курган 2. 1 – общий план; 2 – центральная бровка

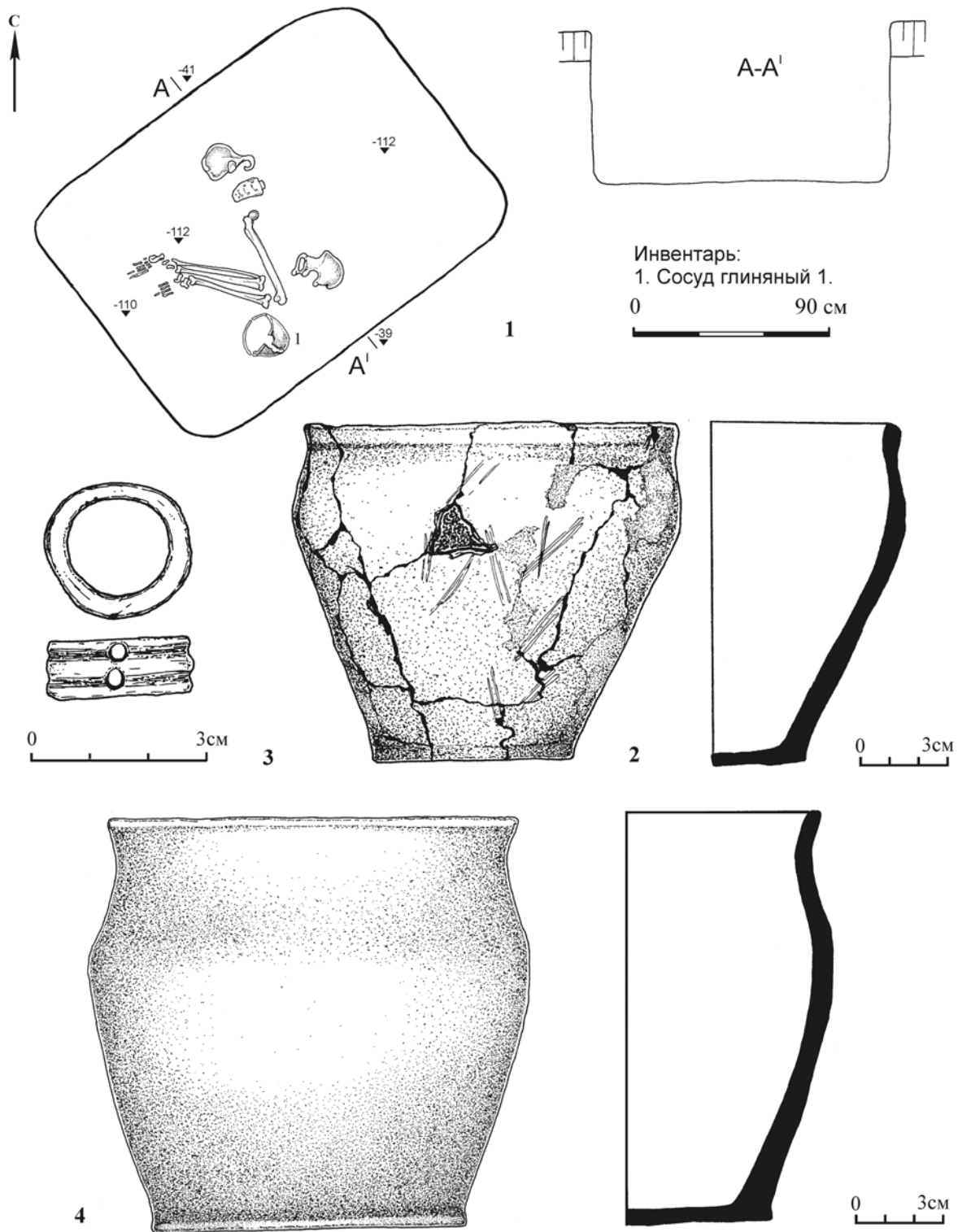

Рис. 6. Кулатка. Курган 2. 1 – план и профиль погребения 3 и находки из него (2-4); 2, 4 – сосуды; 3 – костяное кольцо

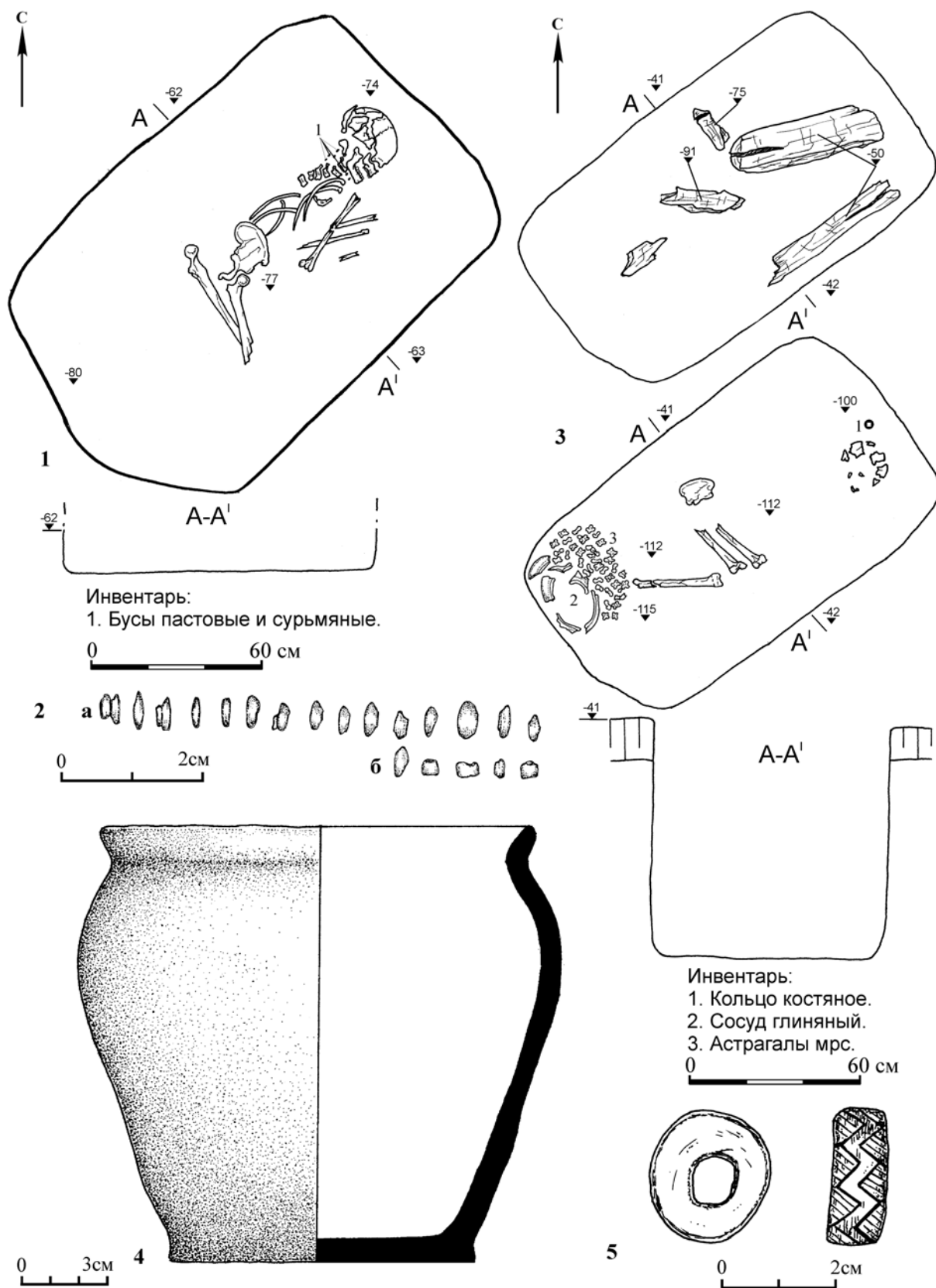

Рис. 7. Кулатка. Курган 2. 1 – план и профиль погребения 4; 2а – бусы пастовые из погребения 4, 2б – бусы сурьмяные из погребения 4; 3 – план и профиль погребения 5; 4 – сосуд глиняный из погребения 5; 5 – кольцо костяное из погребения 5

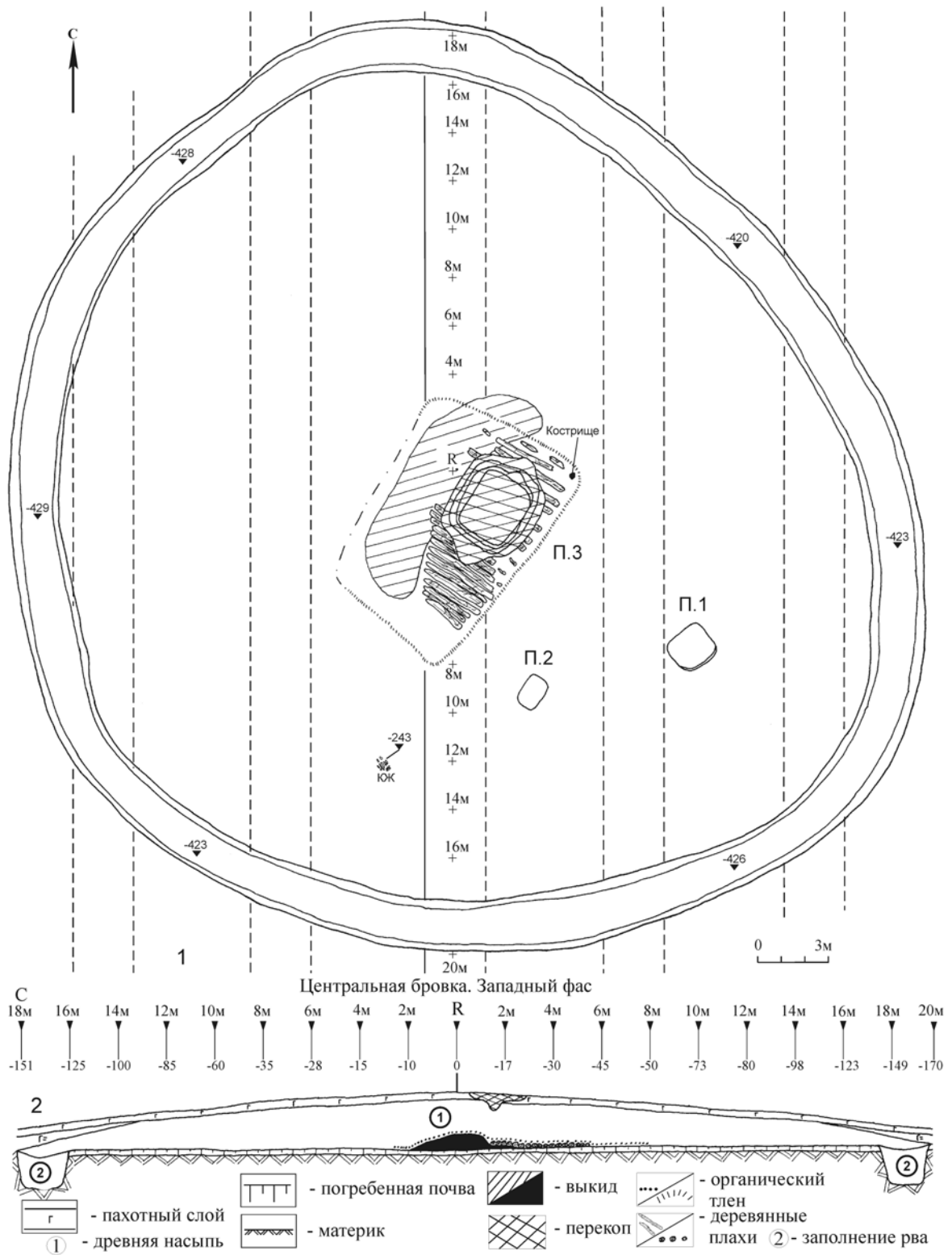

Рис. 8. Кулатка. Курган 3. 1 – общий план; 2 – центральная бровка

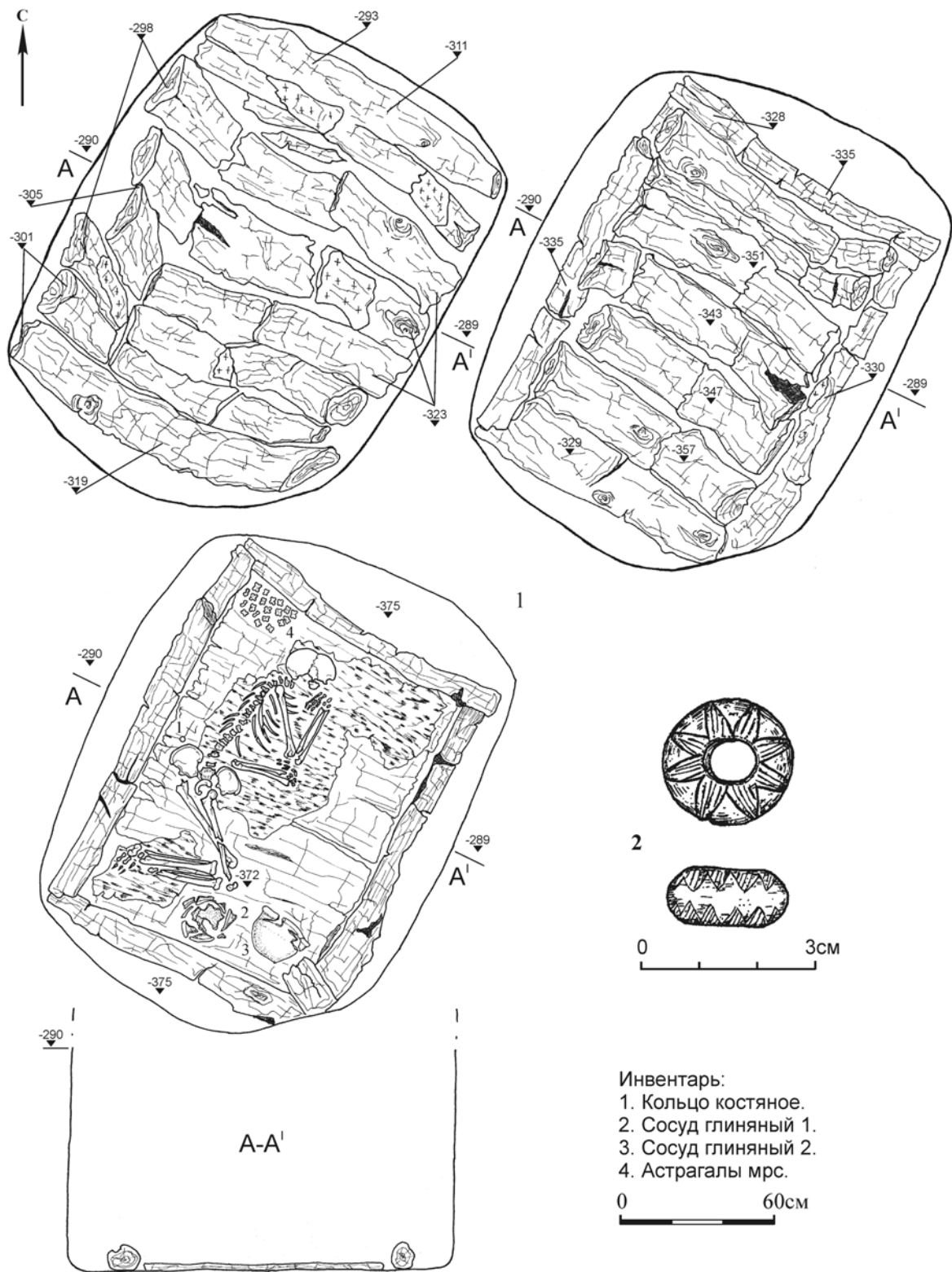

Рис. 9. Кулатка. Курган 3. 1 – погребение 1; 2 – костяное кольцо из погребения 1

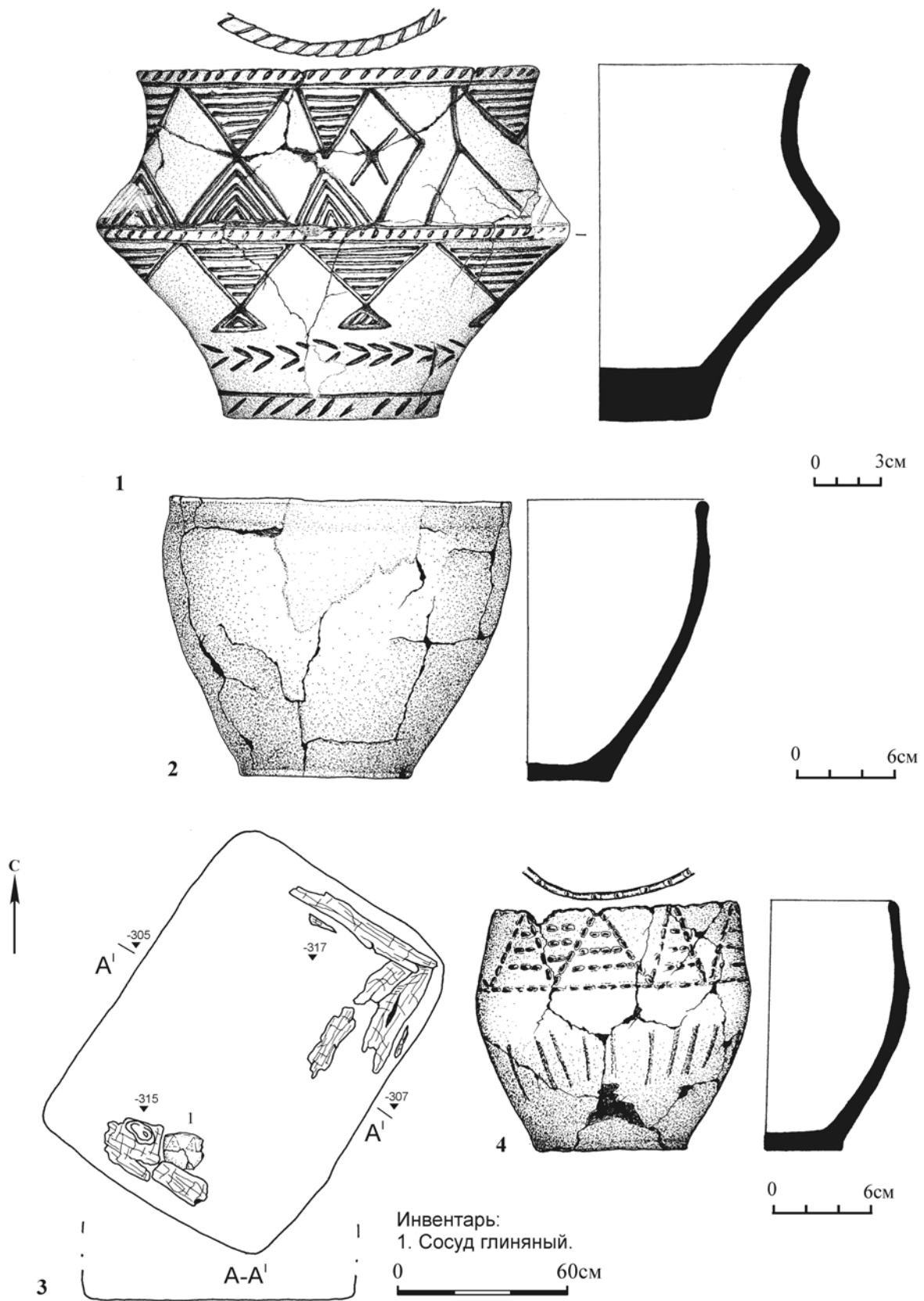

Рис. 10. Кулатка. Курган 3. 1- 2 – сосуды из погребения 1; 3 – план и профиль погребения 2; 2 – сосуд из погребения 2

В.А. Лопатин

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ НИЖНЯЯ КРАСАВКА В 2008 ГОДУ

Поселение эпохи поздней бронзы Нижняя Красавка-2 известно с конца 20-х годов прошлого столетия. В разные годы за ним вели наблюдения и осуществляли раскопки различных масштабов П.С.Рыков, Н.К.Арзютов, И.В.Синицын, Ю.В.Деревягин, В.А.Фисенко, В.И.Мельник, Н.М.Малов, Д.А.Хоркин, В.А.Лопатин. Этот памятник давно включен в историографию эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья и неоднократно упоминался в литературе по различным вопросам в контекстах изучения абашевской, покровской, срубной археологических культур, а также в области исследования металлообработки бронзового века (Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1935, с. 117-119; Арзютов Н.К., 1936, с. 37, 43; Синицын И.В., 1947, с. 175; Черных Е.Н., 1970, с. 62-66; Пряхин А.Д., 1971, с. 103; Деревягин Ю.В., 1976, с. 128; Малов Н.М., 1986, с. 30; Сергеева О.В., Хоркин Д.А., 2001, с. 90-92; Малов Н.М., 2007, с. 34-92; Лопатин В.А., 2008, с. 63-93; Мельник В.И., 2008, с. 234-244).¹

В 2007 г., после длительного перерыва, раскопки в Нижней Красавке были возобновлены, а затем продолжены в 2008 году. В первой публикации (Лопатин В.А., 2008) представлены материалы нескольких культурно-хронологических комплексов, полученных раскопками, и характеристики вскрытой части постройки. Последним сезоном исследований этот объект был выявлен полностью, поэтому основную цель данной работы автор видит в возможности показать своеобразие нового типа традиционного жилища раннесрубной культуры начала эпохи поздней бронзы. Определенный интерес для исследователей представляет также массовый керамический материал и отдельные находки, обнаруженные в слое, в котловане землянки и в связанных с ней закрытых комплексах.

По мере разработки культурного слоя и выборки заполнения жилищного котлована, была получена новая серия керамических материалов, которые в целом подтверждают выводы прошлого сезона о неоднократном посещении удобного участка на высокой левобережной террасе Медведицы. История поселка началась в эпоху средней бронзы с кратковременного присутствия носителей катакомбной культуры, оставивших фрагменты посуды, украшенной «ёлчным» орнаментом (рис. 1, 12, 13).

В начале эпохи поздней бронзы формируется основа стационарного поселения, маркированная в общем комплексе этого времени керамикой покровского типа (рис. 1, 2-11). В основном, это позднепокровские варианты посуды с признаками нивелировки абашевских элементов в строении венцов, но некоторые экземпляры демонстрируют их

---

¹ Подробнее об истории изучения и некоторых вопросах историографии Нижней Красавки изложено в предыдущей работе автора: *Лопатин В.А.* Поселение у с. Нижняя Красавка (по раскопкам 2007 года) // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 8. Саратов, 2008, с. 70-72.

устойчивость в виде утолщенных закраин, внутренних ребер и желобков, расчесов на внешней поверхности (рис. 1, 2, 3, 5, 9, 11). Орнаменты на сосудах скромны. Отметим лишь типичные для покровского типа сдвиги зубчатого штампа и гребенчатый оттиск (рис. 1, 3, 4, 5). По сравнению с предыдущим сезоном 2007 года, покровской керамики было найдено очень мало.

Абсолютное большинство находок составляет фрагментированная срубная посуда, связанная, в основном, с комплексом жилища. Здесь мы наблюдаем принципиальное подтверждение раннего характера этой керамики, что выражается в подавляющем преобладании баночных форм, особенно закрытых профилировок, явно меньшем содержании слабопрофилированных и округлобоких сосудов и совсем мизерном проценте ребчатых экземпляров (рис. 2; 3).

Поскольку работы этого сезона были сосредоточены преимущественно в жилой части постройки, где размещался приочажный комплекс, то не удивительно, что здесь довольно значительно количество фрагментов крупных хозяйственных корчаг (рис. 2, 1, 3, 5, 7, 10; 3, 2). Иногда на этих больших, предназначенных для хранения, сосудах встречаются элементы несложного декора в виде оттисков короткого штампа, каплевидных насечек, крестообразных фигур, сгруппированных в горизонтальные ряды и треугольники (рис. 2, 1, 5, 10).

Относительно более сложно украшены сосуды средних размеров, среди которых, кроме банок, встречаются слабопрофилированные и остросереберные экземпляры (рис. 2, 4, 6, 11; 3, 3-12, 15). Здесь можно отметить не только простые горизонтальные ряды, набранные овальными и клиновидными оттисками (рис. 2, 4; 3, 10, 15), но и сложные трехсюжетные композиции в виде зигзагов, ограниченных разделительными линиями, штрихованных, или с заполненными пространствами (рис. 2, 6, 11; 3, 5, 7). Если в позднепокровской керамике нередко встречается толченая раковина, то в примесях срубных сосудов из Нижней Красавки стабильно присутствуют песок, шамот, иногда дресва.

Индивидуальные предметы инвентаря, относящегося к бронзовому веку, можно условно разделить на костяные, каменные и глиняные изделия. Все они относятся к комплексу орудий придомного производства. В группе костяных инструментов представлены две проколки с обломленными остриями и тупик для мездрения сырой кожи (рис. 4, 1-3). В наборе каменных предметов выделяются кремневые скребки на отщепках (рис. 4, 5, 6), резчик на массивном кремневом сколе (рис. 4, 8), кремневый наконечник стрелы листовидной формы (рис. 4, 11), пластинчатые сколы и отщепы из кварцита (рис. 4, 9, 10, 12, 13). Из песчаника, серого мелкозернистого и железистого коричневого, изготовлены различные абразивы и орудия с ошлифованной поверхностью. Их функциональность различна: предметы округлой и яйцевидной форм могли использоваться как пестики, или пращевые снаряды (рис. 4, 14, 17), уплощенный, ошлифованный по всей поверхности абразив мог служить не только для полирования, но и в качестве отбойника (рис. 4, 18). В пользу этого свидетельствуют следы забитости на одной торцевой грани. Явным функциональным аналогом прошлогодней абразивной «пирамидке» (Лопатин В.А., 2008, с. 93, рис. 8, 23) являются два предмета, напоминающие так называемые «утюжки» (рис. 4, 15, 16). У этих полировальников такое же плоское рабочее основание и высокий, удобный для захвата корпус.

Глиняное пряслице, обнаруженное в заполнении котлована постройки (рис. 4, 4), никоим образом не укладывается в хронологическую типологию подобных вещей эпохи бронзы. С большой натяжкой его можно было бы отнести к группе цилиндрических прясел развитого срубного времени, если бы не столь округленный профиль этого предмета. Абсолютная аналогия в материалах срубной культуры мне не известна. Это

крупное изделие, но по «оливковидной» форме оно близко поздним пряслицам малых размеров, которые, наряду с биконическими, встречаются в материалах раннего железного века. Одно такое малое пряслице найдено в 2008 году на Нижней Красавке (рис. 4, 19).

Не исключено, что близкие по типу большое и малое пряслица могут относиться к позднебондарихинскому комплексу, материалы которого (нож, биконическое прясло, защитная и ямочно-гребенчатая керамика), зафиксированы раскопками 2007 года (Лопатин В.А., 2008, с. 86, рис. 1, 12-19). По сообщению В.И.Мельника, принимавшего участие в раскопках В.А.Фисенко, в 1973 году была обнаружена такая же позднебондарихинская керамика с оттисками зубчатого штампа и глубокими наколами-жемчужинами (Мельник В.И., 2008, с. 240, рис. 2, 5).

В некоторой степени, подтверждением тезиса А.А.Хрекова о возможном хронологическом стыке позднебондарихинского импульса с местным протогородецким (или раннегородецким?) массивом (Хреков А.А., 2000, с. 71) является находка фрагмента керамики с крупноячейстым «рогожным» орнаментом (рис. 4, 20). Это обстоятельство позволяет несколько уточнить время комплекса РЖВ на Нижней Красавке VIII-VI вв. до н.э.

Несколько фрагментов средневековой керамики дополнили небольшой комплекс нижнекрасавского золотоордынского кочевья. В 2008 году найдены характерный венчик серой русской корчажки, и обломки красноглиняной посуды с характерным полосчатым орнаментом (рис. 4, 21-24). Один фрагмент представляет собой заготовку дисковидного пряслица. Обломку стенки гончарного сосуда придали округлую форму и в середине, двумя встречными коническими сверлинами, наметили канал веретена, но, почему-то, не завершили работу.

В результате последних двух лет изучения Нижней Красавки для этого интересного памятника стал актуальным также вопрос о развитии строительной традиции срубной культуры. Раскопками 2007-2008 гг. получены новые материалы, позволяющие судить о характере домостроения и выявлен объект, принципиально отличающийся от всех известных в регионе полуземлянок эпохи поздней бронзы. Большая постройка № 2² расчищена в центральной части поселения, почти не затронутой работами прошлых лет (рис. 1).

Протяженность постройки по продольной оси составила 31 м. Жилище представляло собой длинное прямоугольное строение, ориентированное с юго-запада на северо-восток, с выходом в юго-западную сторону, по направлению к естественному понижению – древней задернованной балке, ведущей к реке. Котлован постройки имеет подпрямоугольную форму, его продольная ось, ориентированная с юго-запада на северо-восток, совпадает с направленностью входа (рис. 5).

Работы 2008 года были сосредоточены на участке, примыкающем к прошлогоднему раскопу с северо-восточной стороны. Здесь продолжены выборка заполнения котлована постройки № 2 и расчистка внутренних объектов жилища в его, противоположной входу, северо-восточной половине. В направлении с ЮЗ на СВ от центральной, влажной от близости грунтовых вод, западины котлована наблюдаются постепенное повышение уровня пола и совершенно иная ситуация в строении внутреннего интерьера полуземлянки. Здесь, в жилом отсеке, несколько изменяется характер профилировки стен. Если в привходовой части юго-восточная продольная стена была более пологой, чем северо-западная, то теперь она становится заметно круче, а столбовые ямы вырыты

---

² Постройка № 1 – незначительная часть разрушенного полуземляночного котлована с керамикой покровского и срубного типов – была здесь раскопана на краю берегового обнажения Д.А. Хоркиным в 1999 г.

к ней вплотную. Северо-западная стена и особенно северный угол котлована очень пологи. Участок в квадратах №№ 85, 91, 93 даже напоминает ступени дополнительного северного выхода, приуроченного к угловому участку жилища.

Площадка жилого пространства имеет подквадратную форму и слабо наклонена с востока на запад, в среднем примерно на 0,4 м. Центром этого пространства являются два больших очага, а в восточном углу размещается небольшой световой очажок. Над очагами, вероятно, встроенная в конструкцию кровли, крепилась квадратная рама вытяжного отверстия, и сам характер перекрытия здесь был другим, скорее всего шатровым. Об этом свидетельствуют четыре самые глубокие ямы №№ 40, 41, 45 и большая, вписанная в очажное понижение комплекса № 6. В них, безусловно, должны были стоять наиболее мощные опоры. Это обстоятельство, заметно отличающее устройство задней, жилой части постройки, от передней привходовой, позволяет предполагать возможное разгораживание основного и подсобного помещений поперечной перегородкой, которая могла проходить по линии ям №№ 68, 57, 52. Проем прохода, видимо, не был фиксированным, он мог просто драпироваться тяжелой занавесью, или подвесным плетнем.

Шесть ям №№ 42, 43, 59-61, 63 приурочены к задней торцевой стене постройки. Ямы продольного юго-восточного контура выражены гораздо лучше, чем на северо-западном краю котлована, их несравнимо больше (ямы №№ 46-55), они глубже и, кроме того, чаще расположены.

Выделяются две неглубокие ямы №№ 66, 67 в восточном углу постройки около светового очажка. Назначение этих углублений неясно. Возможно, они обозначают некие производственные места. Точно так же выбиваются из общего контекста ямы №№ 62 и 64, выявленные в северной части жилой половины. Яма № 65 явно выполняла хозяйственные функции хранения, поскольку в ней зафиксирован неполный развал корчаги (рис. 2, 1). Большая воронковидная яма № 56 могла быть мусоросборником, она размещалась вне жилого пространства, сразу за предполагаемой линией поперечной перегородки.

В раскопе зафиксированы объекты, которые требуют отдельного описания и более подробной характеристики. Это два внутренних очага, световой очажок, а также скопления артефактов, столбовые и хозяйственные ямы, связанные с конструктивными особенностями и внутренним интерьером постройки.

Скопление в северной части котлована – зафиксировано в квадратах №№ 92, 94, 95, 97, непосредственно в северном углу жилища. Здесь, на глубине от -246 до -285 выявлено скопление артефактов с весьма обширной дисперсией – 3,2x1,5 м. Скопление растянуто по линии «юго-запад – северо-восток». Не исключено, что здесь мы имеем дело с остатками некоего домашнего святилища, и вот почему. Прежде всего, в вещественном наборе комплекса обращает на себя внимание избранный характер некоторых предметов, имеющих сходные признаки. Это три нижние челюсти взрослых особей КРС с преднамеренно отделенными крайними резцовыми отделами. Две из них лежали в северо-восточной части скопления, в створе столбовой ямы № 61, образуя полуокружье, вероятно, вокруг истлевшей опоры. Третья челюсть, видимо, смещенная со своего первоначального места находилась в стороне, в 0,8 м к юго-западу.

На противоположном юго-западном краю скопления расчищена компактная группа камней, сложенных аккуратным блоком. В 0,9 м от них, восточнее, лежали кости КРС (ребро, часть лопатки, пястная фаланга), среди которых находилось хорошо сохранившееся костяное орудие для кожевенного производства – целый тупик, изготовленный из нижней челюсти лошади (рис. 4, 3). Внутренний край альвеол с коренными зубами и зубы резцового отдела аккуратно срезаны и вычищены, а внешний край зато-

чен, наподобие вогнутого серповидного лезвия, и имеет следы сработанности. Общая длина предмета от переднего резцового края до выемки дужки – 37 см.

В пределах скопления обнаружены также несколько фрагментов лепной керамики: два обломка слабопрофилированных сосудов с каплевидными насечками и прочерченными короткими отрезками; придонная часть крупного реберчатого сосуда, украшенного гребенчатым штампом. В процессе расчистки найден также каменный предмет округлой формы (пест или пращевой снаряд) размерами 6х5,7х4,3 см, изготовленный из серого песчаника (рис. 4, 14).

Как часть атрибутики домашнего ритуала, данный набор артефактов, возможно, был посвящен культу углового столба (яма № 61), расположенного в северной части дома, около дополнительного входа.

Внутренний очаг 1 – выявлен в 2 м от юго-восточной стены жилого помещения. Это сложное сооружение в продолговатой яме с неровными стенками, разделенной на два отсека. Глубина ямы от уровня пола составляла 0,4 м. Продольная ось очажного углубления ориентирована с юго-запада на северо-восток, размеры углубления составляют 1,37х0,8 м. В юго-западной части ямы, на ровной площадке с отметкой -345, аккуратным блоком были сложены крупные камни (железистый песчаник) со следами воздействия огня. Между камнями встречались мелкие угли и золистые фракции грунта. Размеры каменной выкладки 0,6х0,55 м, высота 0,25 м.

В северо-восточном отсеке были вырыты две различные по размерам и глубине ямы. Признаки огня в них не отмечены. Южнее размещалась большая и глубокая яма диаметром 0,44 м, с отвесными стенками и ровным дном, с отметкой -402 от 0R, то есть 0,57 м от уровня общего очажного углубления, или 0,97 м от уровня пола землянки. Севернее, почти вплотную (в 4 см), располагалась яма поменьше, диаметром 0,22 м и глубиной 0,19 м от уровня дна очага. Можно предположить, что это следы мощной опоры с фахверком, которая поддерживала южный угол центральной рамы шатровой кровли. Несколько смущает близкое расположение источника высокой температуры с каменной кладкой, но подобные варианты столбовых опор, приближенных к очагам, известны, например, в большой постройке поселения Чесноково-2, исследованной Н.М.Маловым на р. Деркуле (Северо-Западный Казахстан) в 1988-1989 гг. (Памятники срубной..., 1993, с. 198, табл. 68).

Внутренний очаг 2 – зафиксирован в центральной части жилого пространства, на расстоянии всего 0,65 м севернее очага 1. В этом аморфном углублении с неровными стенками угадываются две, некогда раздельно вырытые, ямы: одна очажная, а вторая – углубление под корчагу, входившую в состав приочажного комплекса. Позже, в процессе многолетнего использования, очевидно, в результате постоянного выгребания золы и горячих углей, которые перемещались к большой корчаге, стоявшей отдельно, возникла канавка с абсолютной отметкой -324, что на 0,16 м глубже ближайшего участка пола постройки. Образовавшееся общее углубление, с очагом и корчагой, ориентировано своей продольной осью с юго-запада на северо-восток. Протяженность комплекса по той же оси составляет 2,25 м. Размеры очажной ямы (северо-восточный отсек комплекса) 1,4х1,2 м, глубина в полу постройки 0,2 м. Размеры корчажного углубления (юго-западная часть комплекса) 1,1х0,55 м, глубина в полу 0,31 м.

В северной части очажной ямы четко прослеживается довольно мощный слой оранжевого прокала (толщиной до 6 см). Размеры линзы прокаленного грунта 0,65х0,55 м.

Световой очажок – выявлен в восточном углу жилой части котлована постройки, в квадрате № 82. Это очень слабое углубление овальной формы с пологими краями, размерами 0,58х0,42 м, ориентированное в широтном направлении. Глубина очажка в

полу постройки всего 9 см. В центре углубления расчищен слабый розоватый проквал с вкраплениями золы и мельчайших угольков диаметром 0,22 м. Толщина прокала до 2 см.

Среди грунтовых ям, выявленных в задней, противоположной входу, части котлована постройки № 2, выделяются два основных функциональных типа: столбовые и (предположительно) хозяйственные. Большие углубления, условно обозначенные как хозяйственные ямы, неглубоки. Почти все они сосредоточены во внутреннем пространстве жилища (№№ 65-67) и лишь две вынесены за пределы жилого пространства в переднее помещение (№№ 56 и 58). Из них две (№№ 66 и 67) условно отнесены к хозяйственным ямам, обозначающим производственное место, две интерпретированы в качестве мусоросборников и одна (№ 62) предположительно связывается с ритуально-хозяйственным комплексом № 5.

Столбовые ямы каркасной конструкции жилого отсека постройки № 2 условно можно разделить на 5 групп:

- ямы столбовых опор северо-западного контура котлована (№№ 59, 68), на которые опирались боковая продольная балка и северо-западный скат кровли;
- ямы столбовых опор юго-восточного контура котлована (№№ 46-55), которые поддерживали противоположную боковую продольную балку и юго-восточный скат кровли;
- ямы опор, фиксировавших задний торцевой контур каркаса и поддерживавших короткую балку шатровой части конструкции кровли (№№ 42, 43, 60, 61, 63);
- ямы опор, задействованных в системе поперечной перегородки (№№ 52, 57, 68);
- ямы опор, фиксировавших балки квадратной рамы дымового отверстия (№№ 40, 41, 44, 45, 64, большая яма из очажного комплекса № 6).

Землянка в Нижней Красавке реконструируется как большое строение с двускатной кровлей и длинным тамбуром входа. Навес над тамбуром, скорее всего, был невысоким и плоским. Кровля нежилой привходовой части постройки реконструируется как двускатная, причем, оба склона крыши нижними краями опирались непосредственно на грунт, а точнее на земляной вал, сооруженный из выкида на северо-западном, северном, восточном и юго-восточном краях котлована. Иначе была устроена кровля задней жилой части постройки. Наличие ям от столбов, которые поддерживали раму дымового отверстия над очагами, указывает на пирамидально-шатровый характер этой части крыши. Предполагается, что скаты шатра могли опираться на заднюю половину контура и балку поперечной перегородки. Верхними краями скаты шатра опирались на квадратную раму вытяжного отверстия. Размеры проема рамы весьма внушительны (4x4 м), поэтому выше нее это свободное пространство также должно было достраиваться, например, плахами, которые укладывались по диагонали, выстраивая вершину пирамиды с оставлением небольшого отверстия для вытяжки дыма очагов.

Думается, что близость столбовых опор к стенам котлована в жилом помещении должна указывать на наличие невысоких стен надстройки каркасного типа, которые были драпированы плетнем, снаружи обмазаны смесью глины и золы, а изнутри утеплены камышовыми матами.

Осевая коньковая балка передней части дома могла крепиться северо-восточным концом на юго-западную сторону рамы, а ее юго-западная концевка – на поперечную балку привходовой конструкции.

Все приведенные выше предположения – не более чем рабочая версия, которая нуждается в тщательной проверке и инженерных расчетах при реконструкции и построении модели нижнекрасавской постройки № 2.

***

Постройка № 2 полуземляночного типа с каркасно столбовой конструкцией стен, тамбурного входа и сложной системой двускатно-шатровой кровли была возведена на втором этапе развития памятника, связанном с культурно-хронологическим комплексом срубной культуры эпохи поздней бронзы. На дне котлована зафиксирована керамика, относящаяся именно к срубной культуре, здесь выявлены признаки камнеобработки, расчищены хозяйственные и столбовые ямы, позволяющие, отчасти, составить представление о характере этого сооружения.

Внутренний интерьер вскрытой площади землянки беден, особенно в передней привходовой половине. Между столбовыми опорами юго-восточного контура в этой части жилища дополнительно были врыты короткие подпорки, на которых, очевидно, закреплялась мощная жердь, поддерживавшая край деревянного настила спальных нар. Горизонтальная основа под настилом была вырублена непосредственно в материковом грунте юго-восточного борта котлована. В целом эта часть постройки представляется подсобной, холодной в зимнее время, предназначенной не для жилья, а исключительно для хозяйственных занятий, хранения топлива и, возможно, содержания молодняка скота. Поэтому указанное выше спальное место могло быть только летним, специально удаленным от очагов.

В зимнее время, напротив, вся жизнь семьи была сосредоточена в жилой половине, отделенной от холодной передней – легкой поперечной перегородкой. Если общая площадь постройки без тамбура довольно внушительна – 191,25 кв. м, то такой же показатель выделенного жилого пространства составляет всего 81 кв. м, то есть 42,35%. Здесь сосредоточены два очага с функциями обогрева жилья и приготовления пищи. В состав приочажных комплексов входили не менее пяти крупных корчаг, предназначенных для хранения различных продовольственных ингредиентов и большое количество кухонных сосудов средних размеров, в которых, вероятно, готовили пищу.

Составы очажных масс не имеют признаков домашнего бронзолитейного производства, здесь совершенно отсутствуют такие признаки, как шлаки и сплески, хорошо известные на других срубных поселениях (Синицын И.В., 1949, с. 195-224; Лопатин В.А., 2002, с. 56-58; Лопатин В.А., Четвериков С.И., 2006, с. 117). Это означает, что металлообработка была полностью вынесена за пределы жилья, и здесь, в Красавке, можно ожидать открытие специализированного производственного помещения – металлообрабатывающей мастерской.

Вместе с тем, к кругу домашних занятий, которые осуществлялись непосредственно в постройке № 2, можно предположительно отнести камнеобработку, поскольку здесь обнаружены не только готовые изделия – наконечники дротика и стрелы (рис. 4, 11), скребки (рис. 4, 5, 6), различные абразивы (рис. 4, 15, 16, 18), но и специфические отходы этого производственного процесса – отщепы, сколы, сырьевые обломки (рис. 4, 7-10, 12, 13). Кроме того, по находкам костяных тупика, проколоч, глиняных и костяных пряслиц (рис. 4, 1-4) можно сделать вывод о придомном характере обработки кости, а также кожевенного производства и шерстопрядения.

В целом, этот комплекс пока можно квалифицировать как раннесрубный, возможно, формирующийся в ходе позднепокровской нивелировки культурных признаков. Об этом свидетельствуют не только смешанный характер керамики в культурных отложениях межземляночного пространства, но и ранний облик постройки. По принятой классификации жилище определяется как большое *комплексное хозяйственно-жилое* строение. Кроме того, керамика, относящаяся непосредственно к жилищу, преимущественно баночных и слабопрофилированных форм, с малым процентом реберчатой посуды, несомненно, диагностируется как раннесрубная. Большое количество изделий из

камня, а также признаки домашней камнеобработки, с одной стороны, подчеркивают важность этой производственной сферы, косвенно свидетельствующей в пользу дефицита металлических орудий, а с другой – также характеризуют весь комплекс, как ранний, еще только формирующийся культурный феномен позднебронзового века.

Сложившаяся, в общих чертах, систематизация традиционного жилья эпохи поздней бронзы основана, прежде всего, на принципе функциональности (Лопатин В.А., 1992, с. 55-74). В ряду известных в Нижнем Поволжье жилищ постройка из Нижней Красавки занимает особое место, демонстрируя один из переходных вариантов по принципу устройства кровли (от двускатной к шатровой). Две группы строений, маркирующие раннесрубный (двускатная) и развитый (шатровая) этапы развития строительной традиции, связываются между собой именно комбинированными типами жилищ, которые исследованы в Чесноково и Нижней Красавке.

В динамике строительной традиции эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья пока можно наметить типологический ряд, начинающийся с простых двускатных строений в Трумбицком (Лопатин В.А., 2002, рис. 5, 2, 3), сменяющийся или сосуществующий с более сложными двускатными домами, оснащенными боковыми пристройками в Успенке и Преображенке (там же, рис. 7, 4; 16, 4). В конце раннесрубного периода появляются также сооружения с двускатно-шатровыми вариантами кровли в Чесноково (там же, рис. 18, 13, 14) и Нижней Красавке (рис. 5).

На развитом срубном этапе Поволжья чесноковский вариант с передним айваном находит дальнейшее развитие в виде традиционного жилья тазабагьябской культуры в Южном Приаралье – полуземлянки типа Кокча-15 и Джанбас (Итина М.А., 1977). В Волго-Донье формируется чистый шатровый тип полуземляночного дома – постройки Максютново, Быково-2, Ляпичев Хутор (Синицын И.В., 1949; Попова Т.Б., 1960, с. 269-281; Грязнов М.П., 1953, с. 146). Очевидно, главным принципом, повлиявшим на обособление таких строений, можно считать стремление вывести за пределы жилого пространства все придомные производственные процессы, но, прежде всего, – животноводство и металлообработку.

На финальном отрезке бронзового века мы пока не знаем сооружений с комбинированными типами кровли. В это время существуют дома как с двускатными, так и с шатровыми крышами. Иногда оба типа сооружений встречаются на одном поселении, например, в Смеловке-1 (Памятники срубной..., 1993, с. 181). Важно отметить, что все, созданные в ходе развития домостроения, конструктивные особенности продолжали сохраняться на протяжении всей второй половины II тыс. до н.э., изменяясь лишь в деталях, чаще всего в обустройстве внутреннего интерьера.

ЛИТЕРАТУРА

- Арзютов Н.К.* О чем говорят курганы. Саратов, 1936.
- Грязнов М.П.* Землянки бронзового века близ хутора Ляпичева на Дону // КСИИМК. М.-Л., 1953. Вып. L.
- Деревягин Ю.В.* Юному туристу-археологу // Изучай родной край и берегай его богатства. Саратов, 1976.
- Итина М.А.* История степных племен Южного Приаралья. М. 1977.
- Круглов А.П., Подгаецкий Г.В.* Родовое общество степей степей Восточной Европы // Известия ГАИМК. М.-Л., 1935.
- Лопатин В.А.* Постройки срубных поселений степного Заволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1992. Вып. 3.
- Лопатин В.А.* Срубные поселения степного Волго-Уралья. Саратов, 2002.

- Лопатин В.А., Четвериков С.И.* Родовой некрополь Песковатского поселения // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2006. Вып. 4.
- Лопатин В.А.* Поселение у с. Нижняя Красавка (по раскопкам 2007 года) // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2008. Вып. 8.
- Малов Н.М.* Историография вопроса о срубно-абашевском взаимодействии в Нижнем Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986.
- Малов Н.М.* Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2007. Вып. 5.
- Мельник В.И.* Поселения эпохи бронзы у с. Нижняя Красавка // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2008. Вып. 6.
- Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье* // САИ. Саратов, 1993. Вып. В 1-10.
- Попова Т.Б.* Памятники срубной культуры в окрестностях с. Быково // МИА. М., 1960. № 78.
- Пряхин А.Д.* Абашевская культура в Подонье. Воронеж, 1971
- Сергеева О.В., Хоркин Д.А.* Охранные археологические исследования Саратовского областного центра дополнительного образования «Поиск» в 1998-2000 гг. // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998-2000 годах. Саратов, 2001. Вып. 4.
- Синицын И.В.* Археологические работы в Саратовской области в 1945 г. // КСИИМК, 1947. Вып. XVII.
- Синицын И.В.* Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья // СА–XI. М.-Л., 1949.
- Хреков А.А.* Городецкие поселения лесостепного Прихоперья // Поволжский край. Проблемы истории и археологии Саратовского Поволжья. Саратов, 2000. Вып. 11.
- Черных Е.Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. М., 1970. № 170.

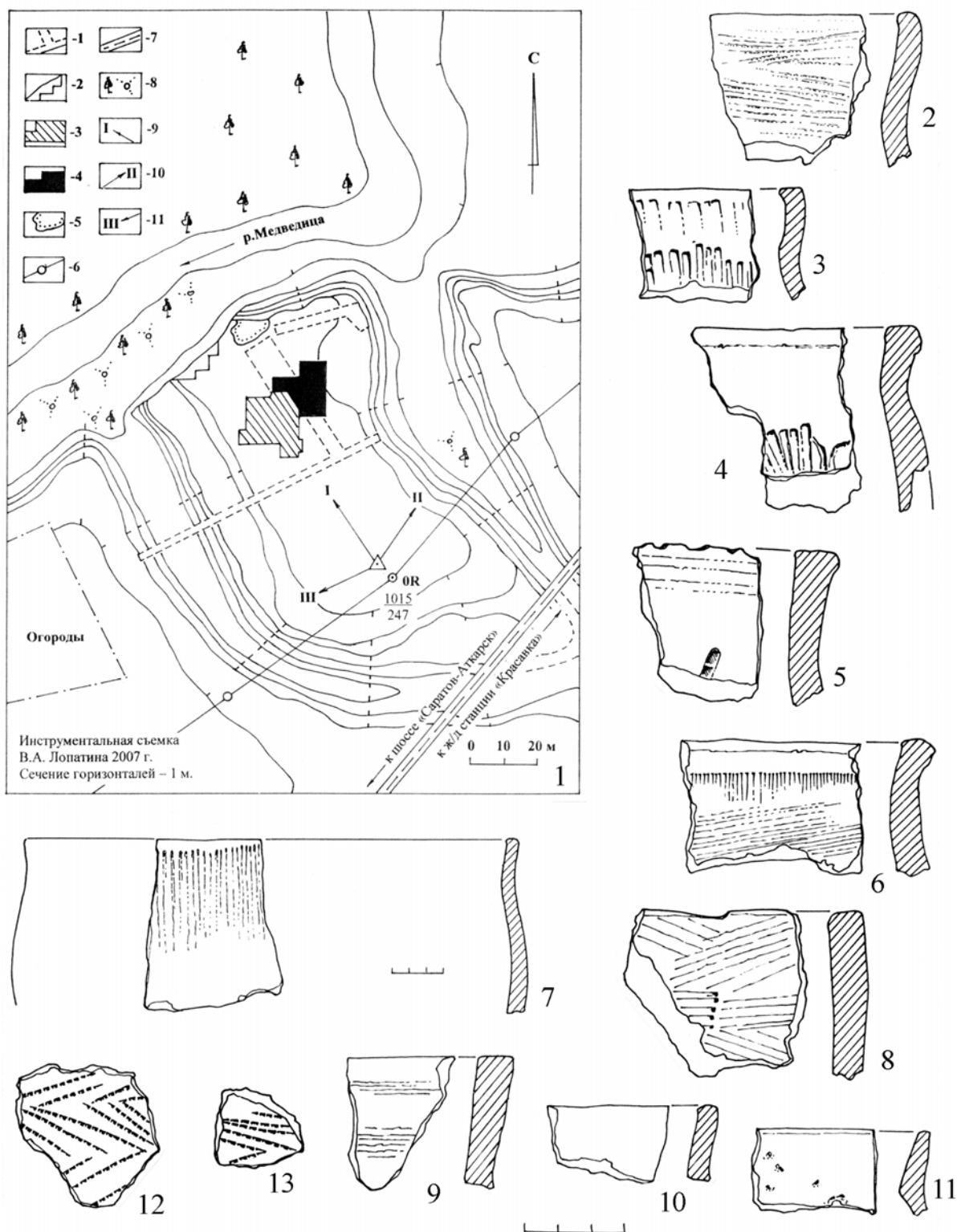

Рис. 1. Поселение Нижняя Красавка.

1 – план памятника: 1 – траншеи В.А. Фисенко 1973 года; 2 – раскоп Д.А. Хоркина 1999 года; 3, 4 – раскопы В.А. Лопатина 2007-2008 годов; 5 – котлован зенитной батареи ВОВ; 6 – ЛЭП; 7 – грейдер; 8 – лес, кустарник; 9 – направление на г. Аткарск (4 км); 10 – до ст. Красавка 2 км; 11 – до с. Нижняя Красавка 1 км; 2-11 – керамика покровского типа; 12, 13 – катакомбная керамика

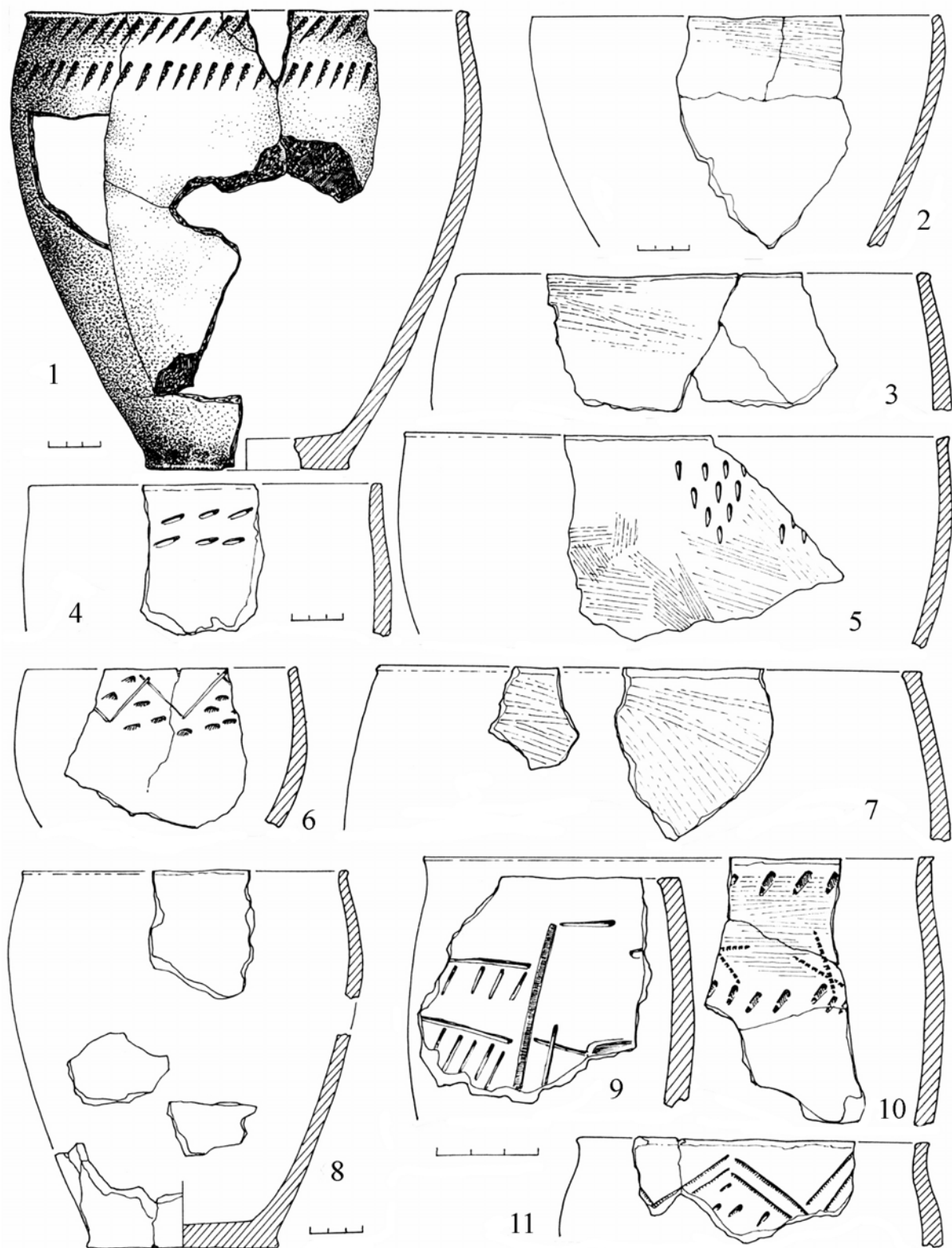

Рис. 2. Материалы поселения Нижняя Красавка. Сосуды срубной культуры из заполнения жилищного котлована

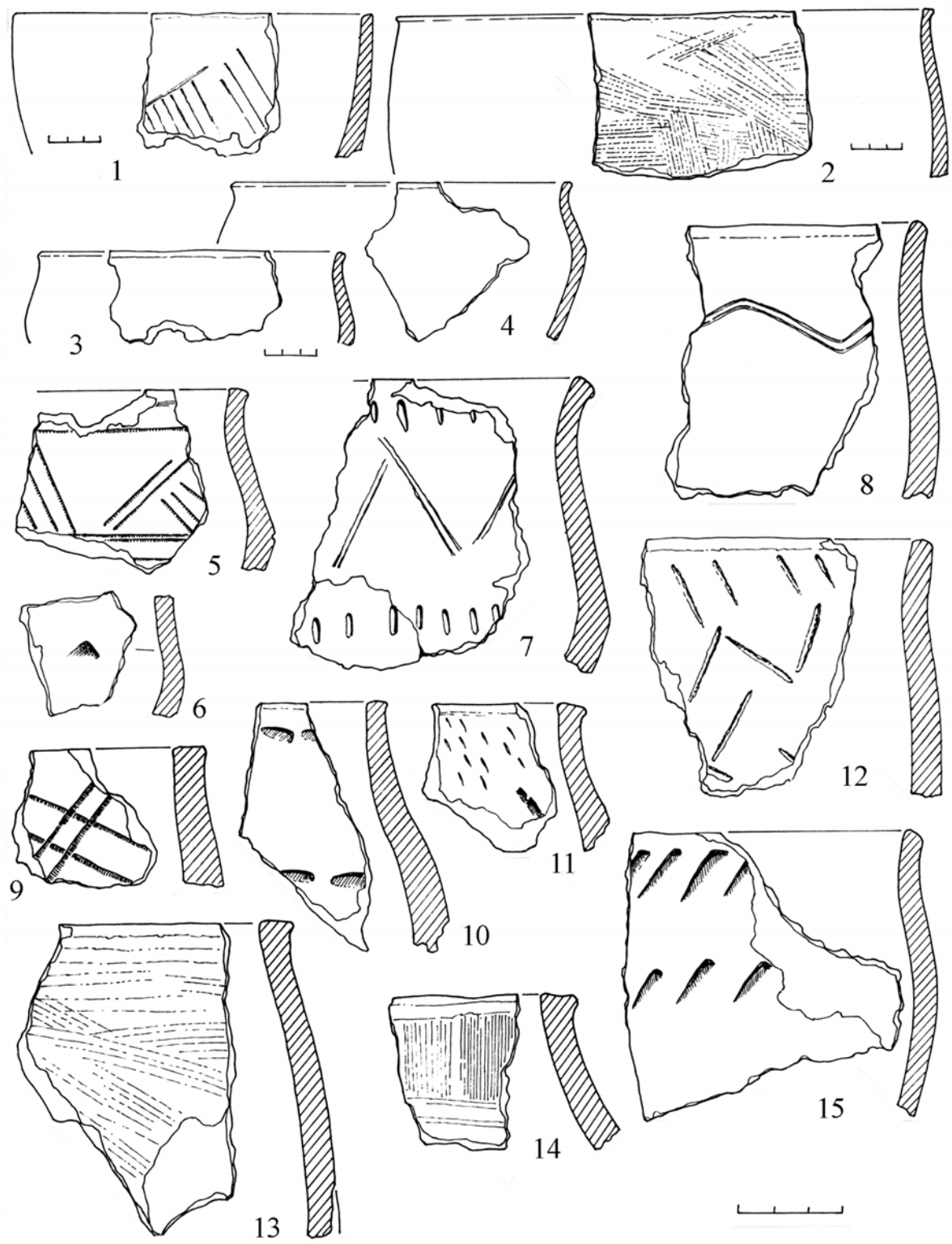

Рис. 3. Материалы поселения Нижняя Красавка. Срубная керамика из заполнения жилищного котлована

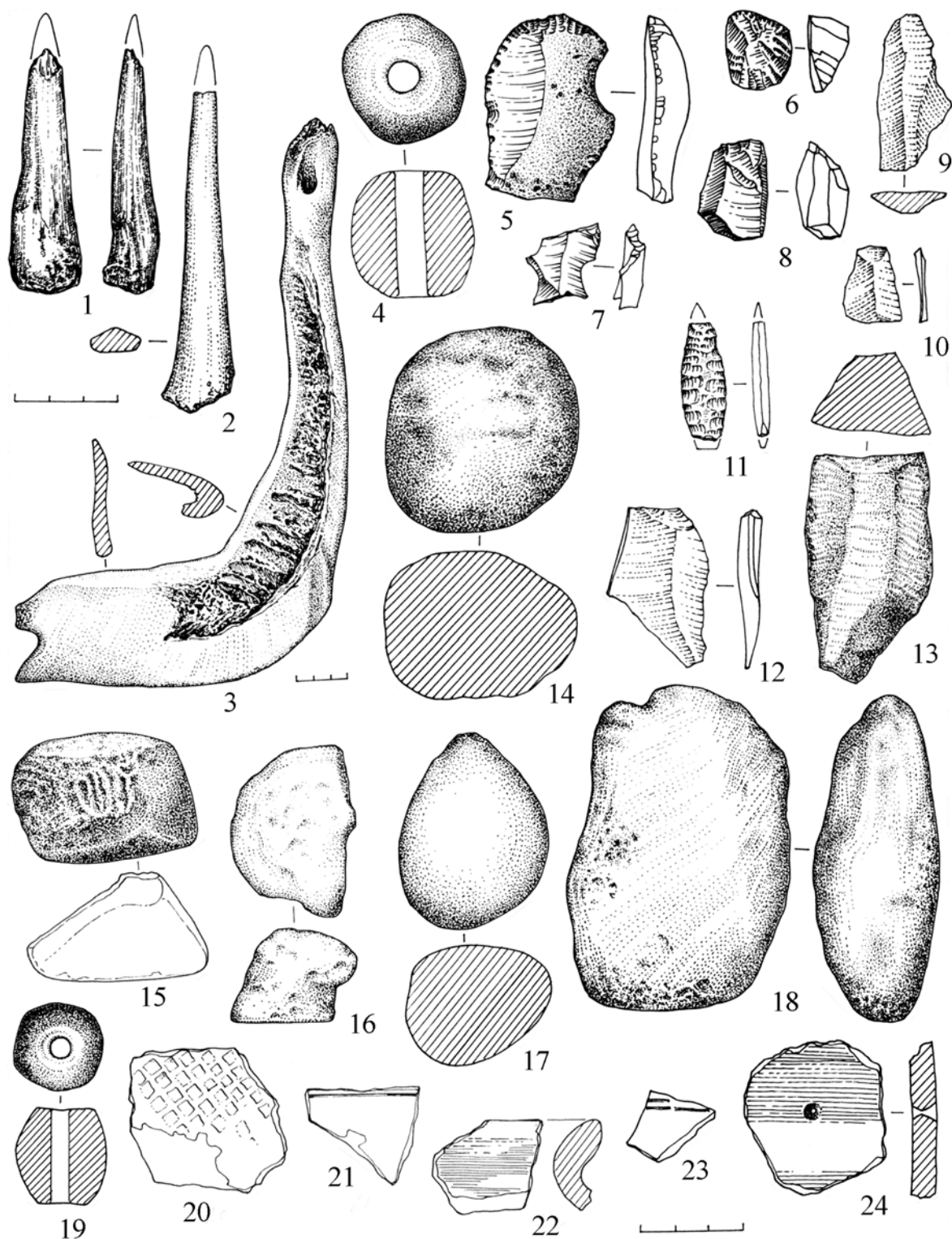

Рис. 4. Вещевой материал поселения Нижняя Красавка. 1-18 – предметы эпохи бронзы; 19, 20 – предметы раннего железного века; 21-24 – керамика золотоордынского времени. 1-3 – кость; 4, 19-24 – глина; 5-8, 11 – кремь; 9, 10, 12, 13 – кварцит; 14-18 – песчаник

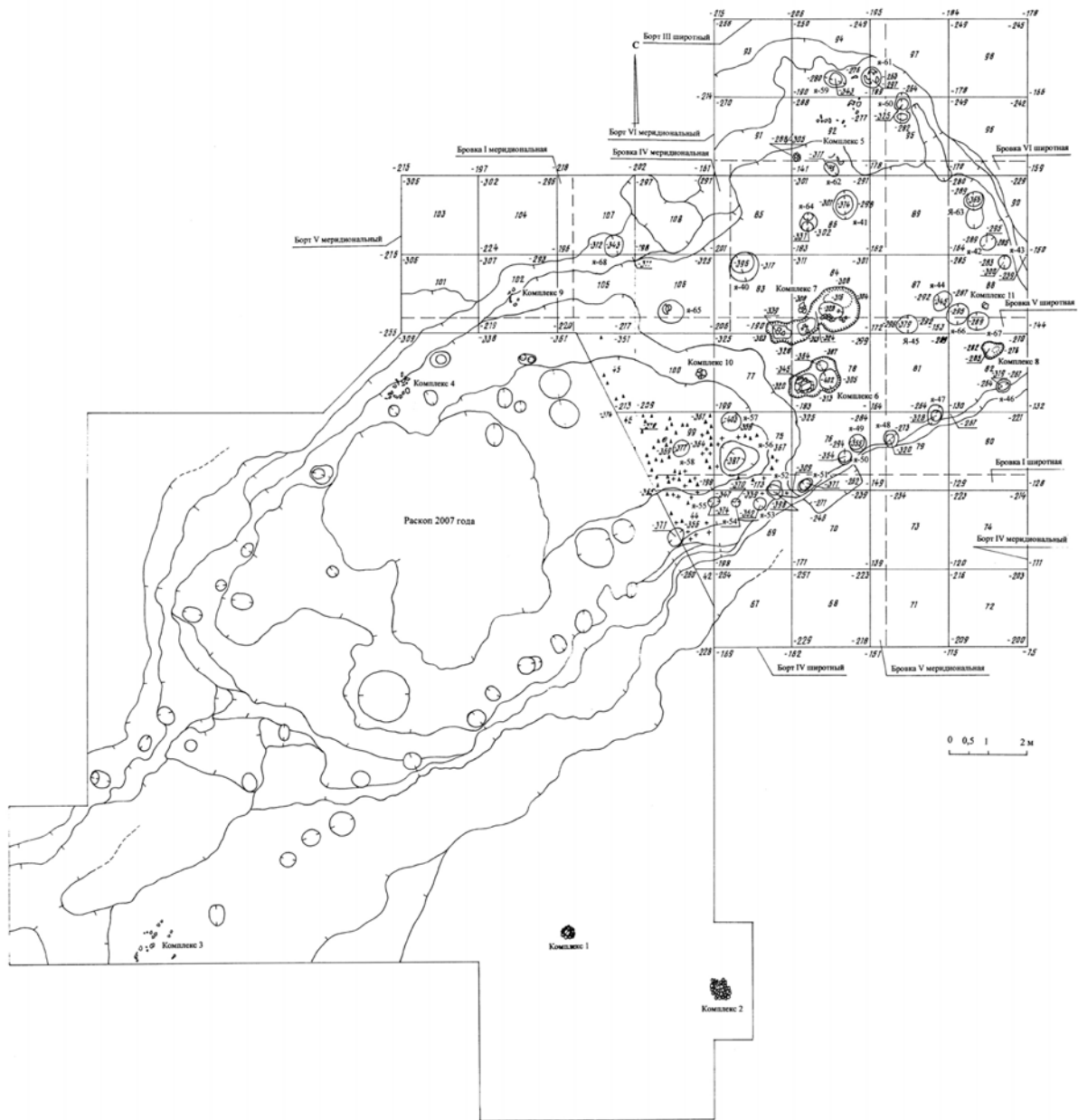

Рис. 5. Котлован постройки № 2 на поселении Нижняя Красавка

В.В. Цимиданов

СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В СРУБНОМ ОБЩЕСТВЕ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Интерес к социологической интерпретации погребений срубной культуры, возникший в 1920-е годы и породивший большое количество гипотез (историографию см.: Цимиданов В.В., 2004 а, с. 6-27), продолжает сохраняться и сейчас. По нашим подсчетам, с 2001 г. было опубликовано не менее 114 (!) работ, где затрагивалась данная проблематика. Хотя в большинстве случаев это делалось вскользь, имеются и исследования, где на рассмотрении социальной структуры срубного общества авторы останавливались достаточно детально. В частности, большой интерес представляют появившиеся в последние годы работы А.И.Юдина и А.Д.Матюхина (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2005; Юдин А.И., 2007 б; 2007 в) (последние две статьи – два варианта одной работы, и при этом, вариант «2007 б» – более полный). Они, несомненно, заслуживают того, чтобы мы на них отреагировали. Стоит сказать, что в процессе написания данной работы большую помощь оказали нам А.Н.Усачук, В.А.Подобед и Ю.Б.Полидович.

Авторы заинтересовавших нас статей исходят из четко сформулированного принципа, согласно которому «более точные выводы будут получены при работе не с массивом погребений, полученных с территории какого-либо региона, а с конкретным комплексом погребений, происходящих из одного памятника и отражающих развитие общества на непродолжительном хронологическом отрезке». В противном случае «картина получается усредненной, размытой» (Юдин А.И., 2007 б, с. 146).

На наш взгляд, такой подход не вполне верен. Во-первых, результатом его является ограничение объема сводок. В частности, структура раннесрубного общества рассматривается на массиве из 74 погребений могильников Кочетное и Золотая Гора, а структура общества позднего этапа – на 52 комплексах могильника Новопокровка 2. Как мы полагаем, данные сводки все-таки недостаточно репрезентативны для получения объективных выводов. По законам математической статистики, выборка должна содержать не менее 200 единиц. Только в таком случае выявленные в ней закономерности можно распространять на весь массив, из которого она сделана (Иванова С.В., Цимиданов В.В., 1993, с. 25)

Во-вторых, предлагаемый подход таит опасность получения неверных выводов еще и в силу того, что социальная дифференциация часто имела (и имеет) территориальный аспект, т.е. различные общины могли различаться по своей структуре. Соответственно, то, что демонстрируют работы авторов, не есть социальная структура срубного общества, а есть структуры коллективов, оставивших рассматриваемые могильники. Ситуация же в других коллективах могла быть иной. Так, если бы авторы решили рассмотреть структуру раннесрубного общества на примере не Золотой Горы и Кочетного, а Покровского могильника, у них не появилось бы оснований говорить о «воинах-колесничих», ибо в Покровске нет псалий. С другой стороны, в Золотой Горе и Кочетном нет инсигний власти. Отсюда, по логике авторов, следовало бы сделать вывод, что

носителей власти в срубном обществе не было. Современный социолог, изучающий, скажем, уровень жизни населения, не может ограничиться тем, что посетит какой-нибудь элитный район столицы (или областного центра) или, напротив, улочку на окраине вымирающего провинциального городка. Он должен побывать, как минимум, в обоих этих местах. И тогда выводы его будут более близки к реальной картине. Соответственно, и при изучении древних социумов опора на 1-2 могильника таит в себе угрозу увидеть лишь часть общества, отнюдь не тождественную другим его частям.

В силу отмеченного, наиболее корректным является подход тех исследователей, которые, занимаясь социологической интерпретацией погребальных комплексов, стараются привлечь максимально большие выборки (см., например: Бунятян Е.П., 1985; Колесников А.Г., 1993, с. 76-102; Иванова С.В., 2001).

Еще один момент в работах А.И. Юдина и А.Д. Матюхина вызывает у нас некоторые сомнения. Как отмечено выше, в качестве источников для изучения структуры раннесрубного общества авторы используют погребения могильников Кочетное и Золотая Гора. При этом, они, среди прочих тезисов, выдвигают и такие:

- 1) оба могильника «являются закрытыми комплексами, сооруженными на протяжении небольшого отрезка времени» (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006, с. 44);
- 2) могильники синхронны (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006, с. 52);
- 3) оба они должны быть отнесены к выделяемой В.В. Отрощенко «покровско-мосоловской культуре» (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006, с. 68).

Первые два тезиса трудно опровергнуть, как, впрочем, трудно и доказать. А вот с третьим возникает достаточно очевидная неувязка. Особенно это видно в случае с Золотой Горой. В погребениях курганов 1 и 4 присутствовали псалии типов, которые не встречаются в срубной культуре. Как верно отметили авторы, орнаментированный псалий из к. 4 находит близкие аналогии в потаповско-синташтинских, доно-волжских абашевских и покровских комплексах (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006, с. 52). Псалии из погребения к. 1 не имеют полных аналогий, но типологически очень близки к псалию из погребения доно-волжской абашевской культуры из Красного I, 1/2 (Матвеев Ю.П., 2005, рис. 2, 7). Учитывая все отмеченное, погребения курганов 1 и 4 неправомерно рассматривать как раннесрубные, несмотря на то, что по обряду оба захоронения к срубным довольно близки. Псалии заставляют считать данные комплексы предсрубными, ибо к настоящему времени достаточно надежно установлено, что памятники потаповского типа, синташтинская культура и доно-волжская абашевская культура, с которыми, судя по псалиям, следует синхронизировать погребения курганов 1 и 4, предшествовали по времени срубной культуре (Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 2000, с. 133-134; Отрощенко В.В., 2002, с. 13).

Применительно к памятникам покровского типа (покровской культуры) Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья подход должен быть дифференцированным. Ряд авторов выступает за то, чтобы делить их на ранние и поздние (см., например: Цимиданов В.В., 1992 а, с. 3-9; 2005, с. 71-75; Малов Н.М., 1994, с. 10-11; Лапшин, 2006, с. 23-24). Есть некоторые основания допускать синхронность срубных памятников с памятниками покровского типа, но – лишь с поздними. Соответственно, использовать для изучения социальной структуры срубного общества ранние покровские погребения (времени щитковых псалиев) неправомерно. Это – все равно, что для изучения структуры срубного общества Среднего Поволжья подключать памятники потаповского типа, а применительно к Среднему Дону относить к срубной элите т.н. «воинов-колесничих» доно-волжской абашевской культуры.

Что же касается конкретно могильника Золотая Гора, то у нас возникает впечатление, что курганы 1 и 4 являются более ранними (по нашей терминологии - раннепокровскими), а курганы 2, 3, 5 и 6 – более поздними. Повторяем, доказать это крайне

трудно, ибо в последних курганах слишком мало находок, которые давали бы узкую дату. Однако, уместно сослаться на сурьмяные подвески из погребения 8 кургана 5 (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006, рис. 20, 6). Как показали разработки Р.А. Литвиненко, комплексы, содержащие подобные находки, скорее всего, являются позднепокровскими (Литвиненко Р.А., 1996, с. 99). К такому же выводу пришел и Н.М. Малов (2003 а, с. 131). Нас смущает, однако, то, что и в первой, и во второй группе курганов выявлены захоронения, демонстрирующие довольно редкий знак – присутствие челюстей кабанов. Так что, возможно, Золотая Гора все-таки гомогенна, и все курганы данного могильника датируются раннепокровским временем, но тогда их комплексы вообще неправомерно использовать для изучения социальной структуры раннесрубного общества.

Ситуация с могильником Кочетное – не менее сложна. В кенотафах курганов 6 и 7, увы, отсутствовала керамика. Захоронения курганов 5, 11 и 12 почти не содержали узко датирующихся предметов, по керамике же они – вполне срубные. Настолько срубные, что вообще неясно, почему авторы отнесли их к раннему этапу, а не к развитому. В кенотафах обнаружены ножи (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006, рис. 6, 2; 8, 1, 2), которые типологически больше «тянут» на предсрубное время. Интересен и «серп» (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006, рис. 8, 3). Из тех аналогий, которые приведены ему в публикации, наиболее показательными являются «серпы-струги» петровской и абашевской культур (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006, с. 48). Согласно разработкам В.А. Дергачева и В.С. Бочкарева, «серпы типа Кочетное» относятся к I этапу периодизации этих авторов, т.е. к предсрубному времени (Дергачев В.А., Бочкарев В.С., 2002, с. 41, рис. 1). Отсюда с достаточной долей вероятности можно датировать курганы 6 и 7 более ранним временем, чем остальные в данном могильнике.

После этих предварительных замечаний перейдем к рассмотрению некоторых высказанных А.И. Юдиным и А.Д. Матюхиным идей. Мы полностью согласны с авторами в том, что реконструкция социальной организации на основе погребальных комплексов – «достаточно сложный процесс в силу специфики первоисточника», и что искать в Ригведе и Авесте объяснительные модели следует очень осторожно (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2005, с. 36). Верно и то, что относительно степени социальной дифференциации в срубном обществе существует два диаметрально противоположных взгляда (историографию см.: Цимиданов В.В., 2004 а, с. 12-17). Часть исследователей считает, что расслоение зашло достаточно далеко, другие не склонны с этим соглашаться. Первых намного больше, но, как известно, истина в науке не определяется большинством голосов. Сами же А.И. Юдин и А.Д. Матюхин солидарны со вторыми. Они склонны отстаивать гипотезу, согласно которой «не существовало значительной социальной дифференциации, а общество эпохи поздней бронзы – это позднее первобытное общество, только подходящее к стадии разложения» (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2005, с. 36).

Не лишне напомнить, что социальная дифференциация как таковая вовсе не появилась лишь на стадии «разложения первобытного общества» (более корректно назвать эту эпоху не «эпохой разложения», а «эпохой классовообразования», но это – не принципиально). Она, судя по этнографическим данным, могла существовать намного раньше – в раннеродовой общине охотников и собирателей. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы по коренным австралийцам. В австралийских социумах взрослые очень различались по своему общественному положению. У мужчин оно было более высоким, чем у женщин. В среде же самих мужчин более влиятельными являлись те, кто был старше. Жизнь представителей сильного пола была пронизана духом соперничества. Почти каждый из мужчин стремился повысить свой престиж. Шансы для этого

были особенно велики у т.н. «специалистов», среди которых можно выделить следующие группы:

- а) лидеры общин (локальных групп);
- б) колдуны, знахари, шаманы. Часто они выдвигались на роль лидеров общин;
- в) люди, прославившиеся в стычках;
- г) искусные охотники;
- д) мастера, делавшие наиболее красивые наконечники копий, особенно – типа Кимберли;
- е) творческие люди – специалисты в резьбе по дереву, художники, танцоры, певцы и т.д.

Перечисленные лица зачастую не только имели высокий престиж, но и обладали определенными привилегиями:

- 1) принимали более активное участие в руководстве жизнью общин;
- 2) более широко участвовали в религиозной жизни;
- 3) были менее скованы табу, а потому имели больше возможностей для выбора самостоятельной линии поведения;
- 4) пользовались некоторыми материальными преимуществами. Например, они часто получали подарки в виде различных вещей (которые обычно потом, в свою очередь, дарили). Считалось правилом хорошего тона отдавать «специалистам» часть охотничьей добычи. В принципе, они могли вообще не охотиться – мясо было им гарантировано, но предпочитали делать это;
- 5) имели право на большее количество жен, чем другие мужчины;
- 6) нередко приобретали право неприкосновенности. Те, кто нарушал его, карались мстителями из многих локальных групп;
- 7) имели неплохие шансы передавать свою социальную роль по наследству.

«Специалисты», опираясь на свои привилегии, порой становились настоящими тиранами. К счастью, бывало это редко (Кабо В.Р., 1963, с. 141; Артемова О.Ю., 1987, с. 109-165; 1992, с. 62-69).

Естественно, мы не собираемся применять австралийскую модель для трактовки срубных материалов. Тем не менее, данные по австралийскому и многим другим обществам охотников и собирателей показывают, что даже в социумах с присваивающей экономикой аномалией является вовсе не социальная дифференциация, а как раз эгалитарность, столь импонирующая А.И. Юдину и А.Д. Матюхину. Современные представления об эгалитарных обществах восходят, по сути, не к результатам анализа конкретных этнографических материалов, а к априорным представлениям Ж.-Ж. Руссо и его последователей о «добродетельных дикарях», жизнь которых якобы была идиллической во всех отношениях. На фундаменте подобных идей сложилась марксистская концепция «первобытного коммунизма», под которую затем очень долго подгоняли и этнографические, и археологические факты. Реальная же история человечества была иной, причем в ряде регионов возможно допускать существование социального неравенства уже в позднем палеолите (Фролов Б.А., 1986, с. 20-21; Артемова О.Ю., 1992, с. 78-79).

Стоит, однако, сделать важное уточнение. Социальная дифференциация в доклассовых обществах могла существовать а двух формах:

- 1) базировавшаяся на отношениях собственности;
- 2) проявлявшаяся во внеэкономической сфере.

Вторая форма – более ранняя и не обязательно приводит к образованию классов. Первая, напротив, возникает относительно поздно и порождает процессы классового образования (Артемова О.Ю., 1992, с. 79-80).

Как уже давно установлено, мощный толчок к разложению первобытного общества дала производящая экономика (Хазанов А.М., 1974, с. 88-89; Шнирельман В.А., 1989, с. 404). Развитие скотоводства, которое было доминирующей отраслью экономики во многих степных обществах бронзового века, в том числе, похоже, и у срубников, создало предпосылки для развития имущественной дифференциации. Скот, как показывают этнографические данные по самым разным народам, уже на ранних этапах развития скотоводства не находился, в отличие от земли, в общественной собственности. Для социумов скотоводов была характерна т.н. «обособленная» собственность на животных (иногда ее именуют даже частной). Субъектами собственности являлись семьи, причем скот между ними распределялся неравномерно. На основании этого постепенно возникали различные формы эксплуатации (Бунятян К.П., 1992, с. 5-11; Бунятян Е.П., Отрощенко В.В., 1995, с. 103-109).

Взаимосвязь между развитием скотоводства и прогрессированием социальной дифференциации четко показывают материалы степных культур. Так, могильники эпохи мезолита демонстрируют погребальный обряд, который отражает поло-возрастное деление общества, но не дает почти никаких «защепок» относительно социальной дифференциации (Хлобыстина М.Д., 1979, с. 48-59; Телегин Д.Я., 1985, с. 107). В ранних неолитических могильниках можно видеть, в целом, ту же картину (Хлобыстина М.Д., 1979, с. 59-62; Телегин Д.Я., 1991, с. 28-30). Но в захоронениях позднего неолита – эпохи, когда скотоводство все более распространялось в степях, появились булавы (Телегин Д.Я., 1991, с. 31) – предметы, которые можно трактовать как инсигнии власти. Интересно и присутствие в некоторых погребениях кристаллов горного хрусталя (Телегин Д.Я., 1991, с. 18, рис. 29, 7). Их порой трактуют как украшения (Телегин Д.Я., 1991, с. 18), однако многочисленные этнографические материалы свидетельствуют о том, что кристаллы использовались в ритуальной практике (Харнер М.Жд., 1994, с. 85-86). Это позволяет допускать, что погребавшиеся с ними лица могли быть служителями культа.

Эпоха энеолита была ознаменована появлением еще более ярких погребений, демонстрирующих как «богатство» инвентаря, так и присутствие в его составе булав, «скипетров», полированных кремневых топоров, бронзовых украшений и других престижных вещей. Данные захоронения многими авторами рассматриваются как проявление социальной дифференциации общества (Даниленко В.Н., 1974, с. 97; Шапошникова О.Г., 1987, с. 14; Васильев И.Б., 1995, с. 4).

Среди погребений степных культур эпохи бронзы мы также можем найти немало таких, которые демонстрируют отклонения по тем или иным признакам от основной массы однокультурных захоронений. Отклонения от «канонического» погребального обряда могут быть порождены самыми разными причинами (Цимиданов В.В., 2006 а, с. 196) (хотя чаще все-таки, как показывают разработки и западных, и восточноевропейских авторов, - социальными). Поэтому стоит приветствовать подход А.И. Юдина и А.Д. Матюхина, согласно которому более корректно при социологической интерпретации захоронений опираться не на единичные признаки, а на их комплекс. К признакам, «определяющим» «социальный статус погребенных», авторы отнесли величину курганной насыпи и могильной ямы, место могилы под курганом, число погребений под ним, способ захоронения (труположение, трупосожжение, кенотаф), качественный состав инвентаря и др. (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2005, с. 37-38).

Перечислив все эти признаки и сделав оговорку, что при их использовании мы все равно можем получить лишь крайне гипотетическую картину (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2005, с. 37-38) (с чем мы полностью согласны), авторы рассматриваемых работ приступают к анализу погребений могильников Золотая Гора и Кочетное. Выделив 4 «экстраординарных» погребения, они заостряют внимание на том, что данные комплексы «не вписываются в критерии культурных признаков, применяемых к другим

срубным погребениям» (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2005, с. 38). Как отмечено выше, это «невписывание» может иметь довольно простую причину: «экстраординарные» погребения по времени не синхронны «рядовым». Авторы находят другое объяснение данному парадоксу. Они считают, что перед нами – проявления «субкультуры социальной верхушки общества» (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2005, с. 38). Подобные идеи высказывались и раньше (см., например: Бочкарев В.С., 1982, с. 20; 1991, с. 26). Их во многом можно принять, но при этом следует в каждом конкретном случае очень осторожно относиться к культурной атрибуции «экстраординарных» погребений.

Упомянутую «верхушку» А.И. Юдин называет «воинами-колесничими» (Юдин А.И., 2007 б, с. 143). Как мы полагаем, данный термин применительно к рассматриваемой территории не вполне корректен. В Саратовском Поволжье нам известно 15 погребальных комплексов с псалиями. Это – захоронения из Бородаевки II, 1/21 (Памятники., 1993, табл. 1, № 79), Березовки, 3/2 (Дремов И.И., 1997, с. 147-149), Идолги, к. 3 (Малов Н.М., 2003 б, с. 186), Ново-Яблоновки, 1/1 (Усачук А.Н., Африканов Ю.А., 2007, с. 205; А.Н. Усачук любезно сообщил нам, что в погребении была стрела, не упомянутая в тексте публикации), Дубового Гая (Юдин А.И., 2007 а, с. 53-54), Краснополя, 2/4 (Малов, 1983, с. 206-207), Усатово, G5 (Памятники., 1993, табл. 1, № 29); Старицкого, 1/2 (Памятники., 1993, табл. 1, № 48), Сторожевки, 1/1 (Кочерженко О.В., 1996, с. 53), Сторожевки, 2/2 (Ляхов С.В., 1996), Золотой Горы, 1/1; 4/1 (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006, с. 21-23, 25-26), Клещевки (информация А.Н. Усачука), Тарумовки I, 2/1 (информация А.Н. Усачука), Суворовского, 2/1 (информация А.Н. Усачука). Лишь в первых пяти из данных погребений выявлены маркеры воинского статуса, к каковым мы относим предметы вооружения. Правда, захоронения из Клещевки, Тарумовки и Суворовского разрушены, а потому нет полной уверенности, что изначально в них не было оружия. Но даже если абстрагироваться от этих трех погребений, все равно окажется, что в большинстве комплексов (7 из 12) знаков воинского статуса нет. Что касается пса依ев, то они сами по себе такими знаками вряд ли являются. Авторы приводят весьма показательный пример того, как захоронение с данными предметами (но без оружия) оказывается вовсе не воинским (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2005, с. 38). К тому же, факт широкого использования степными племенами эпохи бронзы боевых колесниц и, соответственно, существования воинов-колесничих отнюдь не бесспорен (Цимиданов В.В., 1996 б; Бороффка Н., 1999, с. 80; Виноградов Н.Б., 2004, с. 275). Добавим, что, по нашему мнению, среди перечисленных выше погребений с пса依ями лишь комплекс из Усатово, вероятно, относится к срубному времени, остальные же – предсрубные. Таким образом, гипотеза о существовании «воинов-колесничих» в срубном обществе не подкрепляется надежными аргументами.

Тем не менее, воинство как социальная группа у срубников все-таки существовало. Об этом свидетельствуют погребения с оружием срубного времени, которые известны в некоторых могильниках. Это – захоронения из Бородаевки, 9/10 (Миронов В.Г., 1991, с. 61-62), Меркеля, G2/4 (Синицын И.В., 1947, с. 78), Визенмиллера, 2/1 (Памятники., 1993, табл. 1, № 31), Зауморья, 1/1 (Ляхов С.В., 1992, с. 93, 95), Натальино II, 7/1 (Малов Н.М., 1991, с. 16-18), 8/1, 11/1 (Памятники., 1993, табл. 1, № 3). Привлечение перечисленных комплексов к изучению социальной структуры раннесрубного общества позволило бы авторам рассматриваемых работ получить более полную картину. В частности, любопытно то, что в Зауморье погребенный был подростком. Это может свидетельствовать о наследовании воинского статуса.

Анализируя курганы с несколькими погребениями под общей насыпью, авторы пишут, что все эти захоронения – «рядовые», и что нет оснований «видеть в этой группе погребений какую-либо существенную социальную стратификацию». С таким допущением трудно согласиться. Так, в курганах 5 и 12 могильника Кочетное выявлено

11 погребений взрослых, в том числе – 2 парных (взрослый и ребенок; 2 взрослых). При этом, на фоне могильных ям с площадью 1,0-1,8 кв.м выделяется яма с площадью 2,7 кв.м (5/7). Показательно, что именно это захоронение содержало бронзовый нож и кости животных (ниже - КЖ). Большие размеры имела и еще одна яма – 2,3 кв.м (5/10). Здесь также выявлены КЖ. Они присутствовали еще в двух захоронениях данного кургана (5/8 и 5/9), но здесь ямы не отличались крупными размерами. Интересно, что в к. 12, где исследовано 7 погребений взрослых, в т.ч. 1 парное, лишь последнее содержало КЖ. Кроме того, в данном кургане нет ни одного захоронения в больших ямах. Таким образом, возникает впечатление, что в курганах 5 и 12 погребали представителей двух разных генеалогических групп, причем первая занимала более высокую социальную позицию.

Ситуация в Золотой Горе тоже показательна. Здесь в к. 5 все индивидуальные захоронения взрослых были совершены в ямах с площадью до 1,9 кв.м. В к. 3, напротив, площадь всех ям захоронений взрослых была в интервале 2,0-2,7 кв.м. В к. 6 два погребения были совершены в больших ямах (2,3 и 3,0 кв.м). Одно из них, к тому же, содержало нож, КЖ и костяную втулку неясного назначения.

Довольно неординарное захоронение выявлено и в к. 5 (п. 8). Здесь обнаружены КЖ на дне могилы и в нише.

Таким образом, на фоне «рядовых» захоронений выделяется группа таких, которые демонстрируют знаки, относимые нами к ранговым. В отличие от нас и многих других исследователей (см.: Цимиданов В.В., 2004 а, с. 9), А.И. Юдин и А.Д. Матюхин не склонны причислять к социально значимым признакам мясную пищу. Они настаивают на том, что наличие или отсутствие ее в погребении определялось возрастом, а не социальной позицией, и замечают: «В противном случае мы будем вынуждены считать практически все взрослые погребения социально выделенными в особую группу» (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2005, с. 39). Это опасение, как мы полагаем, является беспочвенным применительно к срубной культуре. Так, в могильнике Кочетное из 12 погребений взрослых остатки мясной пищи выявлены только в половине, и при этом, 3 из данных захоронений были совершены в больших ямах (5/7; 5/10; 11/3), 1 являлось основным в индивидуальном кургане (11/3), 1 содержало нож (5/7). Напротив, из 6 погребений взрослых, где КЖ отсутствовали, ни одно не демонстрирует знаков «индивидуальный курган», «большая яма», «нож». Вероятно, не случайна и определенная корреляция КЖ с металлом. Так, из 6 погребений с КЖ в половине были металлические изделия (нож, накладка от чаши, набор украшений). Напротив, из 6 захоронений без КЖ лишь в 1 был металл (височные подвески). Так что, материалы Кочетного несколько не противоречат гипотезе, против которой авторы выступают.

А вот в Золотой Горе – иная ситуация. Правда, не ясно, насколько уместно относиться к остаткам мясной пищи челюсти кабанов. Не исключено, что семантика их иная. Остальные же погребения с КЖ на фоне комплексов без таковых мало чем выделяются. Возможно, это – иллюзия, проистекающая из нерепрезентативности выборки, но не исключено, что применительно к памятникам покровского типа, к каковым относится данный могильник, гипотеза исследователей и верна.

Не совсем понятной является логика А.И. Юдина и А.Д. Матюхина, когда они пишут: «Отсутствие инвентаря в погребениях второй группы показывает, что в обществе еще не произошло дифференциации по отношению к собственности» (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2005, с. 40). По-видимому, авторы исходят из посылки, что упомянутая «дифференциация» обязательно должна вызывать появление «богатых» погребений. С этим трудно согласиться. Во-первых, религия часто накладывает ограничения на помещение в могилу большого числа вещей, что мы видим, например, в зороастризме, христианстве, мусульманстве. Во-вторых, - не количество погребального инвентаря, а

вещи с высоким семиотическим статусом в его составе зачастую фиксируют особое общественное положение умершего (Антонова Е.В., 1989, с. 264).

У А.И. Юдина и А.Д. Матюхина вызывает сомнение наша идея о развитии срубного общества рассматриваемой территории по военному пути политогенеза. Для этого у них «нет никаких данных» (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2005, с. 40). Действительно, в обоих рассматриваемых могильниках нет ни одного погребения с оружием и инсигниями власти. Но обращение к другим могильникам Саратовского Поволжья демонстрирует достаточно хорошо выраженную корреляцию предметов вооружения со знаками статуса властителя. Нам известно на данной территории 5 погребений срубного времени с инсигниями власти: Меркель, G2/4 (Синицын И.В., 1947, с. 78), Бородаевка, 9/10 (Миронов В.Г., 1991, с. 61-62), Покровск, юго-восточная группа, 25/1 (Памятники..., 1993, табл. 1, № 23), Натальино II, 6/1, 7/1 (Малов Н.М., 1991, с. 15-18). В первых трех выявлены фрагменты жезлов-тростей, в остальных – булавы. При этом, в 3 из 5 погребений (Бородаевка, 9/10; Натальино II, 7/1; Меркель G2/4) обнаружены и предметы вооружения. Учитывая отмеченное, говорить о военном пути политогенеза вполне правомерно.

В целом, исследователи не отрицают существования в раннесрубном обществе «родовой верхушки», хотя и подчеркивают отсутствие «значительной социальной дифференциации» (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2005, с. 40). А.И. Юдин представляет себе структуру этого общества трехступенчатой:

- 1) воины-колесничие;
- 2) главы родов (погребения в индивидуальных курганах, не являющиеся «экстраординарными»);
- 3) рядовое население, погребения которого «социально не дифференцированы» (Юдин А.И., 2007 б, с. 143).

В качестве рабочей гипотезы такую схему можно принять, но – с тремя оговорками:

- а) «воинов-колесничих» корректнее, в свете отмеченного выше, называть просто воинами;
- б) «главы родов» с таким же успехом могут быть главами иных коллективов;
- в) «рядовое население» едва ли являлось социально однородным.

Какой была картина в более позднее время? Уже в работе, посвященной рассмотрению могильников Кочетное и Золотая Гора, выдвинут тезис о том, что «десятки курганных могильников развитого периода срубной культуры, исследованных в степном и лесостепном Поволжье, дают поразительно единообразный погребальный обряд без каких-либо признаков социальной дифференциации» (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2005, с. 40). Этот тезис получил развитие в работах А.И. Юдина, где рассматривалось общество срубников на позднем этапе (том, что в более ранних работах именовался «развитым»). В качестве базы источников исследователь использовал 52 погребения из 4 курганов могильника Новопокровка 2 (Саратовское Правобережье). Тщательно проведенный автором анализ позволил ему утверждать, что эти погребения относятся к короткому хронологическому отрезку (Юдин А.И., 2007 б, с. 144). Во всех четырех курганах было по несколько погребений. Сравнивая их с комплексами раннего этапа, исследователь отмечает «полное отсутствие экстраординарных, резко выделенных по составу инвентаря и погребальному обряду захоронений» (Юдин А.И., 2007 б, с. 144) (имеются в виду погребения «воинов-колесничих»). Каждый курган содержал по два центральных погребения, выделявшихся на фоне остальных «своим устройством, размерами и содержанием погребального инвентаря» (Юдин А.И., 2007 б, с. 144). Именно им было присуще «сложное устройство надмогильного перекрытия, покровские черты в керамике, головные украшения» (Юдин А.И., 2007 б, с. 144). Вместе с тем, данные захоро-

нения, по сравнению с «экстраординарными» раннего этапа, «имеют более скромные как размеры, так и погребальный обряд». Автор сопоставляет их с погребениями «второй группы» ранних могильников. Он замечает, что на раннем этапе данные захоронения совершались под индивидуальными курганами, а теперь – «под общей насыпью», в окружении других могил (Юдин А.И., 2007 б, с. 145).

В каждой из пар погребений одно своими размерами превосходило второе и было мужским. Второе в 1 случае тоже было мужским (но с более младшим возрастом умершего), в 2 - женским и в 1 - подростковым (Юдин А.И., 2007 б, с. 145). Подобные пары хорошо известны и на более западной территории. Мы называем их погребениями доминанта и спутника и допускаем, что данные пары фиксируют какие-то отношения зависимости (Цимиданов В.В., 2004 а, с. 90-91). Впрочем, феномен существования этих пар заслуживает дальнейшего изучения.

Констатируя присутствие в женских погребениях из упомянутых пар украшений, плакированных золотом, исследователь справедливо отмечает, что в срубной культуре «золото в погребальном инвентаре не является показателем социальной выделенности» (Юдин А.И., 2007 б, с. 145). Наши разработки показывают то же самое (Цимиданов В.В., 2004 б, с. 278).

А.И. Юдин обращает внимание и на то, что в погребениях мужчин из данных пар инвентарь представлен только сосудами. По мнению автора, эти захоронения отличались от остальных, выявленных под той же насыпью, лишь размерами ям. Были ли в них КЖ, не уточняется (Юдин А.И., 2007 б, с. 145).

Рассмотрев особенности захоронений могильника, А.И. Юдин считает возможным заявить: «В итоге получается, что все основные признаки, привлекаемые в качестве определяющих социальный статус и ранг погребенного (Цимиданов, 2004, с. 28-69) здесь «не работают» (Юдин А.И., 2007 б, с. 145). Ниже автор добавляет: «Говорить о статусах и рангах в позднем срубном обществе в научном отношении было бы некорректно. По крайней мере, на материалах Новопокровки 2» (Юдин А.И., 2007 б, с. 146). Исследователь пишет, что если попытаться применить к данному могильнику предложенные нами критерии выделения статусных и ранговых групп, то в нем практически не окажется «рядовых» погребений (Юдин А.И., 2007 б, с. 146). Констатируя, что знаки статусов и рангов равномерно распределены практически по всем погребениям, автор делает вывод, что позднесрубное общество имело «эгалитарный характер... с минимальной социальной стратификацией» (Юдин А.И., 2007 б, с. 147).

Мы надеемся, что со временем появится полная публикация могильника. Тогда можно будет проверить, насколько правомерен «суровый приговор», вынесенный нашим идеям. Пока же заметим, что выводы об эгалитарности позднесрубного общества базируются на очень небольшой выборке. Мы попытались рассмотреть данную проблему с привлечением захоронений других могильников развитого этапа срубной культуры Саратовского Поволжья. Всего было учтено 347 захоронений из курганов и грунтовых могильников (см. Приложение).

Среди лиц, погребенных в одиночных захоронениях, 107 взрослых, 24 подростка и 137 детей. Кроме того, 14 погребений являлись парными. Из них 6 – захоронения взрослого с ребенком, 3 – взрослого с подростком, 3 – двух взрослых и 2 – двух подростков. В еще 4 могилах выявлено по 3 костяка (3 взрослых; 2 взрослых и ребенок; взрослый и 2 ребенка; взрослый, подросток и ребенок). Сразу стоит отметить, что приведенные показатели по числу детей и подростков в сводке не отражают реальной картины, ибо у антропологов существуют сильные разногласия относительно возрастной грани между этими группами (Цимиданов В.В., 2008, с. 60). Данные о возрасте, выраженные в годах, имеются лишь по немногим комплексам. В подавляющем же большин-

стве случаев возраст определен с помощью терминов «ребенок» и «подросток». Поэтому детские и подростковые погребения мы будем ниже рассматривать суммарно.

Захоронения взрослых (к ним мы условно отнесли и коллективные погребения, где вместе со взрослыми были погребены дети и подростки) разделены нами на 4 группы:

- а) погребения из индивидуальных курганов;
- б) погребения из курганов с несколькими основными захоронениями;
- в) впускные погребения
- г) погребения грунтовых могильников.

В таблице 1 приведены данные по частоте встречаемости некоторых знаков в каждой из групп. Здесь можно обратить внимание на некоторые моменты. В группе а) знак «большая яма» выражен наиболее сильно по сравнению с другими группами. Уточним, что применительно к рассматриваемой территории, как показало составление графика, большими для одиночных погребений можно считать ямы с площадью 2,0 и более кв.м. Избыточным числом сосудов в погребении для Саратовского Поволжья, в отличие от территории Украины, можно считать 3 и больше. Этот знак также наиболее выражен в группе а). То же касается знака «нож». Знак «мясная пища» в группе а) выражен намного сильнее, чем в группе б). Но в группе в) он выражен еще сильнее. Данному моменту можно дать то объяснение, что различные ранговые знаки могли являться «синонимичными» и, соответственно, в социумах, оставивших захоронения группы в), ранг значительно чаще подчеркивался именно данным знаком, чем другими.

Знак «украшения» достаточно сильно выражен во всех группах, причем в группе а) – слабее всего. Отсюда видно, что присутствие в погребениях рассматриваемой территории украшений (как единичных, так и наборов) ранговым знаком не является. Отмеченное, похоже, касается и знака «ритуалы вне могилы». Здесь имеются в виду предметы, обнаруженные за пределами могильной ямы, на перекрытии ее и в заполнении. Применительно к территории Украины данный знак мы считаем ранговым, но на территории Саратовского Поволжья он, вероятно, «не работает». В целом же, как и следовало ожидать, именно в группе а) ранговые знаки выражены сильнее всего. Группы б), в) и г) также содержат комплексы с ранговыми знаками, т.е., в соответствующих группах людей не все были «рядовыми», но таковые составляли от 51,7% до 85,7%.

Обращение к погребениям детей и подростков (табл. 2) показывает, что и они изредка демонстрируют ранговые знаки. Это мы считаем проявлением практики наследования социальной позиции. Самое интересное заключается в том, что те захоронения, которые были совершены под индивидуальными курганами, не демонстрируют никаких ранговых знаков, кроме знака «курган». Возможно, это - лишь результат недостаточной репрезентативности выборки. Но не исключено, что за отмеченным фактом кроются какие-то моменты, лежащие в области семантики погребального обряда.

Итак, авторы попытались реанимировать старую идею о «социальной деэволюции» (термин В.С. Бочкарева (1995, с. 28)) срубного общества и возврате его к эгалитарности. Кстати сказать, увлечение этой идеей пережили и мы. В 1990 г. на полевом семинаре в г. Днепропетровск автором этих строк был сделан доклад, в котором утверждалось, что срубные погребения с территории Украины «отражают реальный переход от стратифицированного к эгалитарному обществу в сабашиновское время» (Цимиданов В.В., Дегерменджи С.М., 1997, с. 90). Впрочем, к тому моменту, когда спустя 7 лет тезисы семинара были наконец опубликованы, более углубленное изучение срубной культуры породило у нас большой скепсис относительно идеи о «социальной деэволюции» срубного общества.

Вместе с тем, мы полностью согласны с А.И. Юдиным в том, что возврат общества на более низкий уровень социального развития – явление, часто имеющее место в

истории. Об обратимости политогенеза и процессов классообразования неоднократно писали и восточноевропейские (Першиц А.И., 1986, с. 35; Шнирельман В.А., 1988, с. 8), и западные авторы (Миллер Дж., 1984, с. 222). Например, это имело место у кочевников Евразии (Хазанов А.М., 1975, с. 273; Марков Г.Е., 1976, с. 312-313; Нейхардт А.А., 1982, с. 181; Мурзин В.Ю., 1989, с. 149-151; Селецкий Б.П., 1992, с. 7), населения таежной Сибири (Соловьев А.И., 1987, с. 106, 144; Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И., 1989, с. 172), эскимосов Чукотки (Арутюнов С.А., Крупник И.И., 1982, с. 154), индейцев майя (Ко М., 2001, с. 148-150).

Исследователи, сталкиваясь с подобными ситуациями на археологических и иных материалах, допускают разные причины данного явления, в т.ч. - такие:

а) *ухудшение климата, различные природные катаклизмы, эпидемии* (Арутюнов С.А., Крупник И.И., Членов М.А., 1982, с. 154; Ко М., 2001, с. 149);

б) *кризис экономики* (Пицхелаури К.Н., 1979, с. 88; Алекшин В.А., 1991, с. 16-17; Ко М., 2001, с. 149);

в) *переход от скотоводства к земледелию* (Пицхелаури К.Н., 1979, с. 87);

г) *давление врагов, военные поражения* (Берзин Э., 1984, с. 33; Дударев С.Л., 1984, с. 28; Гуляев В.И., 1986, с. 22; Миняев С.С., 1988, с. 116; Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И., 1989, с. 172; Лот А., 1989, с. 37-39; Селецкий Б.П., 1992, с. 7; Ко М., 2001, с. 149, 150);

д) *исчезновение внешнего фактора, способствовавшего усилению военной элиты* (Дударев С.Л., 1984, с. 27; Соловьев А.И., 1987, с. 106);

е) *социальные катаклизмы, внутренние усобицы* (Рус А., 1986, с. 230; Шукин М., 1986, с. 27; Миняев С.С., 1988, с. 116-117; Галич М., 1990, с. 138-139; Ко М., 2001, с. 149).

При этом, исследователи, как правило, стараются найти не одну причину, а их комплекс.

Но тут возникает вопрос: на основании каких данных можно проследить «социальную деэволюцию». Археологи, допускающие, что она имела место в том или ином обществе, обычно отталкиваются от результатов сравнения памятников разных периодов. Если более поздние материалы выглядят менее эффектно, чем ранние, появляется гипотеза, что общество стало эгалитарным. При таком подходе, однако, есть опасность попасть в психологическую «ловушку». Внешний «блеск» культуры мы нередко воспринимаем как свидетельство высокого уровня социального развития ее носителей. И, напротив, культура, выглядящая «скромнее», порождает иллюзию примитивности ее общественного уклада. На деле ситуация не столь проста. Поясним это на примере, который, конечно, далек территориально и хронологически от срубной проблематики, но довольно показателен. Речь идет об острове Пасхи. Еще Дж. Кук, посетивший его и увидевший, с одной стороны, многочисленные каменные монументы (в то время уже не возводившиеся), а, с другой, – хижины местных жителей, сделал вывод о том, что в прошлом на острове обитал народ, стоявший на значительно более высоком уровне развития (Ланге П.В., 1987, с. 235). В дальнейшем эта идея получила много сторонников. Тем не менее, исследования современных специалистов по полинезийской этнографии показали, что и после того, как в результате внутренних конфликтов, имевших социальную окраску, население острова отказалось от возведения каменных статуй, его общество осталось сильно дифференцированным. В нем существовали наследственная власть вождей, господствующие роды, эксплуатация (Бутинов Н.А., 1985, с. 149, 150, 158-168).

Л. Дегранпре в XVIII веке писал об африканских «королях» (которые обладали довольно сильной властью): «... этот король – негр, который ходит обнаженный, босой, ест руками, сидит на земле и живет в соломенной хижине» (Томановская О.С., 1980, с. 9). Вспомним, наконец, советскую элиту. Она всячески подчеркивала свое «пуриганст-

во» (в отличие от элиты досоветского и постсоветского времени) и, однако, не переставала от этого быть элитой, а руководимое ею общество отнюдь не являлось эгалитарным. Таким образом, «скромность» культуры не есть признак лишь эгалитарного общества.

И еще один момент. Иллюзия «социальной деэволюции» и возврата к эгалитаризму чаще всего возникает, когда исследователи сравнивают между собой материалы разных культур, относящихся к разным эпохам и зачастую генетически не связанных (или – слабо связанных) между собой (см., например: Пицхелаури К.Н., 1979, с. 87; Алекшин В.А., 1991, с. 17; Шувалов П.В., 1991, с. 34; Бочкарев В.С., 1995, с. 27; Бунятян Е.П., 2000, с. 42). Отсюда видно, что при изучении социальной структуры любого общества не стоит искать «эталон» в других социумах. Данное общество следует оценивать не по контрасту с другими, а само по себе. При таком подходе вероятность попасть в «ловушку» сильно уменьшается.

Возвращаясь к срубникам Нижнего Поволжья, отметим следующее. Конечно, при желании, можно называть исчезновение социальной группы воинов «деэволюцией». Авторы рассматриваемых работ пишут: «Применительно к социальным условиям Поволжья, вероятно, оказалось, что воинская верхушка, оставившая экстраординарные погребения, после периода формирования культуры и установления стабильной ситуации в обществе, оказалась не нужна ему» (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2005, с. 39). По мнению А.И. Юдина, воины были «отвергнуты» обществом «в силу инертности социально-экономического уклада степных скотоводов» (Юдин А.И., 2007 б, с. 143). Такие изменения в обществе он называет «эволюционными» (Юдин А.И., 2007 б, с. 143). Нам также доводилось писать об исчезновении военной элиты у срубников на определенном этапе развития (Цимиданов В.В., 1992 б, с. 34; 1996 а, с. 82; 2001; 2006 б, с. 81). Понять, что стоит за этим явлением, трудно. Однако, термин «эволюция» в данном случае вряд ли будет корректным. В истории мы не найдем ни одного примера, когда военная элита (и элита вообще) добровольно сдала бы свои позиции и мирно самоликвидировалась. Да и вообще, как мы полагаем, из всех общественных явлений эволюционно может развиваться лишь экономика (и то – не всегда). Изменения же в социальной структуре всегда революционны. Что касается «деэволюции», то для нее нужны весьма серьезные причины (выше мы их перечислили). Применительно же к территории Саратовского Поволжья раннесрубного времени можно отметить, что данный период, судя по археологическим материалам, не являлся кризисным ни в плане экологии, ни с экономической, ни с «внешнеполитической» точки зрения. Есть некоторые основания считать, что исчезновение социальной группы воинов было следствием внутренних конфликтов в обществе, но это была не гибель элиты, а смена элит (Цимиданов В.В., 2006 б, с. 81-82).

Как показывает привлечение выборок, более обширных, чем те, которые использовали авторы рассматриваемых работ, говорить об эгалитарности срубного общества развитого этапа на рассматриваемой территории неуместно. Массив погребений довольно четко распадается, по меньшей мере, на две совокупности: группа а) и группы б)-г). Первая из них может быть с достаточными основаниями отнесена к социальной верхушке.

Кроме того, если мы станем на позиции А.И. Юдина, совершенно непонятным окажется существование на финальной стадии срубной культуры Нижнего Поволжья «элитного» погребения из Комсомольского, Астраханская обл., где в кенотафе находились бронзовый клепанный котел, нож, «бритва», каменные пест и растиральник, золотая височная подвеска и другие предметы (Отрощенко В.В., 2001, с. 161-162).

Ситуация, имеющая место в срубной культуре Поволжья, во многом близка той, которая прослеживается на материалах Алакуля. В.В.Ткачев пишет: «В целом, алакуль-

ское общество развитого этапа несет на себе отчетливый отпечаток эгалитарности, проявлявшейся в значимости половозрастных субструктур в системе погребальной обрядности». Но тут же добавляет: «Однако вряд ли можно говорить о деэволюции общественных институтов. Видимо, на смену военно-аристократическому пути политогенеза, характерному для синташтинской эпохи, изголосоы (в смысле – отголоски – В.Ц.) которого сохранялись еще в раннеалакульское (петровское) время, пришел другой, механизмы которого еще предстоит выяснить. Но сомневаться в ранжированности алакульского общества не приходится...» (Ткачев В.В., 2003, с. 85). Как мы полагаем, автор верно понял суть ситуации: за «деэволюцией» может стоять именно смена пути политогенеза. Применительно к срубной культуре Саратовского Поволжья можно констатировать, что на смену военному пути, имевшему место в раннесрубное время, пришел иной. Возможно, – аристократический, возможно, – плутократический или, скажем, теократический. Пока что сделать окончательный вывод невозможно – проблема требует специального рассмотрения.

В данной связи не лишне обратиться и к материалам Прикамья. В VIII-VI вв. до н.э. здесь, у населения, оставившего раннеананьинские памятники, существовал «ярко выраженный институт военных вождей и воинской элиты», о чем свидетельствуют многочисленные воинские погребения. В позднеананьинскую и гляденовскую эпохи таких захоронений уже нет, хотя на соседних с Прикамьем территориях они сохраняются. Гляденовские погребения довольно однообразны, инвентарь в них отсутствует (Лепихин А.П., 2007, с. 119). Казалось бы, есть основания допускать возврат общества к эгилитаризму, однако, как отмечает А.П. Лепихин, существование в данное время сложных святилищ делает более вероятным иное предположение – в социуме произошла смена элит: воинство вытеснили служители культа (Лепихин А.П., 2007, с. 119).

Аналогичные коллизии происходили в истории неоднократно. Сошлемся хотя бы на данные по пруссам. В XII в. у них, судя по материалам археологии, практически исчезают воинские погребения. Письменные источники позволяют понять, что стояло за этим: прусская дружина, вследствие конфликта со жрецами, мигрировала на другие территории. В итоге жречество заняло господствующее положение в обществе (Гуляев В.И., 1990, с. 107-108).

На наш взгляд, А.И. Юдину стоило бы уточнить, что он понимает под эгалитарным обществом. Дело в том, что современные этнографы находят «первобытный эгалитаризм» разве что в социумах бушменов, пигмеев и некоторых других бродячих охотников и собирателей с технологией каменного века (Артемова О.Ю., 1992, с. 70-71). Соответственно, употребление термина «эгалитарный» применительно к срубному обществу, которое в своем экономическом и технологическом развитии все-таки ушло намного дальше, чем упомянутые социумы, как-то режет слух.

Э.Стайкл обратил внимание на особенности погребального обряда эгалитарных обществ, важнейшими из которых являются две:

- 1) погребальный инвентарь представлен, главным образом, предметами, использовавшимися в производственной сфере;
- 2) символы социального статуса носят, преимущественно, индивидуальный характер (Stickel E., 1968).

Рамки работы не позволяют детально проанализировать срубный погребальный обряд на предмет наличия или отсутствия данных явлений. Поэтому вкратце отметим лишь несколько моментов. Среди некерамического инвентаря орудия, использовавшиеся в производстве, составляют очень малый процент. Нами было учтено на рассматриваемой территории 98 захоронений с таким инвентарем. Данные о частоте встречаемости конкретных категорий и некоторых (но не всех) сочетаний приведены в таблице 3. Правда, функциональное назначение части предметов не ясно или спорно (астрагалов,

фаланг крупного рогатого скота, путовых костей лошади, «фаллического предмета», костяных колец и втулки, бронзовых обойм, берестяных коробочек, туеска и двух предметов плохой сохранности, костяных трубочек, необработанных камней). Орудиями, использовавшимися в производстве, можно считать абразив, шило, иглу, костяную проколку, пряслице. С некоторой натяжкой к таковым можно причислить и костяные трубочки, опираясь на гипотезу об их использовании в доении (Галкин Л.Л., 1975). А вот ножи к данному блоку вещей не относятся, ибо в погребениях они имели вполне определенную семантику – выступали как предметы для резки мяса. В целом, лишь 13 погребений (13,3% в массиве захоронений с некерамическим инвентарем и 2,8% в массиве из 467 учтенных срубных погребений региона) содержали изделия, использовавшиеся в производстве. Следовательно, первой из отмеченных черт эгалитарных обществ срубное не обладало.

Что касается второй черты, то ее наличие противоречит повторяемость знаков статуса. В частности, на территории срубной общности нам известно 9 погребений с каменными топорами (властители высшего ранга), 24 погребения с булавами (властители среднего ранга), 33 погребения с жезлами-тростями (властители низшего ранга), 21 погребение со стрелами (воины), 38 погребений, содержавших деревянные чаши с бронзовыми накладками (служители культа), 9 погребений с плетями (служители культа). Но, что еще более важно, многие знаки демонстрируют корреляцию. Приведем лишь некоторые примеры:

Сочетание «стрелы + большая яма + КЖ» встречено 6 раз;

«стрелы + большая яма + нож» – 5;

«стрелы + большая яма + булава» – 4;

«стрелы + большая яма + кенотаф» – 4;

«стрелы + большая яма + кенотаф + булава» – 2;

«стрелы + большая яма + кенотаф + нож» – 2;

«чаша + большая яма» – 11;

«чаша + КЖ» – 9;

«чаша + кремация» – 6;

«чаша + нож» – 5;

«чаша + деревянное блюдо» – 2;

«чаша + большая яма + КЖ» – 4;

«чаша + большая яма + нож» – 2;

«чаша + кремация + КЖ» – 2.

Эти и многие другие примеры показывают, что в погребальном обряде срубной культуры существовала достаточно сложная знаковая система, связанная с социальной сферой.

В заключение отметим, что, несмотря на нашу критическую оценку ряда положений, выдвинутых в работах А.И.Юдина и А.Д.Матюхина, появление данных работ стоит только приветствовать. Надеемся, авторы продолжают свои поиски, но – с привлечением более широких сводок погребальных памятников.

Приложение

Список учтенных погребений развитого этапа с территории

Саратовского Поволжья

1. Алексашкино, п. 1-3 (Пятых Г.Г., 1991, с. 94-96);
2. Баратаевка, Е17/1-5, 7 (Памятники..., 1993, табл. 1, № 4);
3. Белогорское, 1/1-3 (1970 г.); 1/1-4 (1972 г.), 2/1, 3; 3/1-3 (Максимов Е.К., Малов Н.М., Ким М.Г., 1991, с. 71-88);
4. Большая Дмитриевка II, 5/1-4 (Матюхин А.Д., 1992, с. 51-53);

5. Бородаевка I (Боаро), G7/2, 4; D24/1; D28/1; D29; D31/1 (Памятники..., 1993, табл. 1, № 5);
6. Бородаевка II (Калмыцкая Гора), 2/1-3, 6 (Памятники..., 1993, табл. 1, № 7);
7. Бородаевка III (Рунталь), 6/1, 2; 7/1 (Памятники..., 1993, табл. 1, № 8);
8. Букаровка I, 5/1-4; II, 1/1-4; 3/1-5; одиночный курган (Ляхов С.В., 1994, с. 93, 95);
9. Генеральское, п. 1-8 (Памятники..., 1993, табл. 2, № 1);
10. Зауморье, одиночный курган (Ляхов С.В., 1992, с. 90-95);
11. Калач, п. 1-9, 11-14, 16-25 (Тихонов В.В., 1996, с. 37-52);
12. Караман, 1/2 (Памятники..., 1993, табл. 1, № 10);
13. Краснополье, E14/1, 2 (Памятники..., 1993, табл. 1, № 27);
14. Крутояровка, E1; E2 (Памятники..., 1993, табл. 1, № 4);
15. Кураевский, 2/4 (Памятники..., 1993, табл. 1, № 43);
16. Малый Узень, 1/2 (Пярых Г.Г., Фараджев А.А., 1984, с. 244-246);
17. Мирное III, 1/1; 2/1; 3/1; 4/1 (Памятники..., 1993, табл. 1, № 32);
18. Мирный, 2/3, 4 (Памятники..., 1993, табл. 1, № 33);
19. Мирный III, 1/1; 2/1; 3/1-4; 4/1-29; 5/1; 6/1, 2; 7/1-4; 8/1; 9/1; 10/1; 11/1; 12/1; 13/1-4 (Захариков А.П., Цыбрий В.В., 2007, с. 94-96);
20. Мурманская I, 1/1-4 (Лопатин В.А., Малов Н.М., 1988, с. 130-139);
21. Натальино II, 16/1, 2; 19/1, 2; 20/1, 2; 21/1-5 (Памятники..., 1993, табл. 1, № 3);
22. Новое Привольное, п. 1-7, 9-15, 17-32, 34, 35, 37 (Памятники..., 1993, табл. 2, № 2);
23. Новолиповка, 26/2; 27/1, 2; 28/1 (Памятники..., 1993, табл. 1, № 12);
24. Новотулка I, 1/3, 8, 9; 2/2-7; 3/4, 6-8; 4/1-8; 5/1-4 (Памятники..., 1993, табл. 1, № 39);
25. Осиновка, 2/4, 6, 7; 3/2; 4/1, 2; 5/1; 6/1; 9/1-7 (Памятники..., 1993, табл. 1, № 14);
26. Питерка I, 1/1, 5-7; 2/1; II, 1/6; 2/1 (Памятники..., 1993, табл. 1, № 40, 41);
27. Подшибаловка, 4/3 (Памятники..., 1993, табл. 1, № 38);
28. Покровск, одиночное погребение (Памятники..., 1993, табл. 1, № 22);
29. Решетниково, 1/1; 2/3 (Памятники..., 1993, табл. 1, № 42);
30. Ровное (Зеельман), A11/1, 2; A12 (Памятники..., 1993, табл. 1, № 28);
31. Ровное, 1/1, 4; 2/4; 3/4, 7-10; 4/1, 2, 5, 6, 12, 14, 17, 19-21; 7/1-3; 8/7; 10/5, 6; 14/4; 15/1 (Синицын, 1966, с. 24-61);
32. Саратовка I, 2/2; 3/1, 2; 4/1; 5/1 (Памятники..., 1993, табл. 1, № 17);
33. Скатовка, 10/2, 3; 12/1; 17/ 1, 14; 21/1-3 (Синицын, 1959, с. 166, 168, 170, 172, 174-176);
34. Степное, D19/2, 3 (Памятники..., 1993, табл. 1, № 16);
35. Суслы II, к. 4, 8-10; 20/2; 23/3; 33 (Памятники..., 1993, табл. 1, № 15);
36. Сухая Саратовка II, 2/1-5; 4/1, 2; 5/1, 2 (Памятники..., 1993, табл. 1, № 18);
37. Тонкошуровка, C22/1-4 (Памятники..., 1993, табл. 1, № 13);
38. Усатово, F17 (Памятники..., 1993, табл. 1, № 29);
39. Успенка, 2/2 (Памятники..., 1993, табл. 1, № 2);
40. Чапаевка, 2/1 (Памятники..., 1993, табл. 1, № 9);
41. Южный, 1/3-6; 2/1; 5/1; 6/1, 2; 7/1, 2; 8/1; 9/1; 10/2-4; 11/1-4; 12/1; 14/1-3; 16/1-3; 17/1, 2, 5 (Захариков А.П., Цыбрий В.В., 2007, с. 96-98).

Литература

- Алекшин В.А.* Отражение социального расслоения населения в погребальных обрядах // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб., 1991.
- Антонова Е.В.* Рец.: В.А. Алекшин. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л., 1986 // СА. 1989. № 3.
- Артемова О.Ю.* Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. М., 1987.

- Артемова О.Ю.* Первобытный эгалитаризм и дифференциация статусов у охотников и собирателей // Исследования по первобытной истории. М., 1992.
- Арутюнов С.А., Крупник И.И., Членов М.А.* «Китовая аллея». Древности островов пролива Сенявина. М., 1982.
- Берзин Э.* Вслед за железной революцией // Знание – сила. 1984. № 8.
- Бороффка Н.* Некоторые культурные и социальные взаимосвязи в бронзовом веке Евразии // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Челябинск, 1999.
- Бочкарев В.С.* Развитие общества и прогресс вооружения (По материалам поры поздней бронзы юга Восточной Европы) // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1982.
- Бочкарев В.С.* Волго-Уральский очаг культурирования эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурирование в историческом аспекте. СПб., 1991.
- Бочкарев В.С.* Карпато-Дунайский и Волго-Уральский очаги культурирования эпохи бронзы (опыт сравнительной характеристики) // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. СПб., 1995.
- Бунытян Е.П.* Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV-III вв. до н.э.). Киев, 1985.
- Бунытян К. П.* Розвиток форм власності у первісному суспільстві // Археологія. 1992. № 3.
- Бунытян Е.П.* Об уровне развития степных обществ Украины поздней бронзы // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи. Воронеж, 2000.
- Бунытян Е.П., Отрощенко В.В.* Формы собственности на скот и способы их изучения по археологическим данным // Хозяйство древнего населения Украины. Ремесла и промыслы древнего населения Украины. Киев, 1995.
- Бутинов Н.А.* Социальная организация полинезийцев. М., 1985.
- Васильев И.Б.* Предисловие // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. Самара, 1995.
- Виноградов Н.Б.* Синташтинские и петровские древности Южного Урала. Проблема соотношения и интерпретации // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004.
- Галич М.* История доколумбовых цивилизаций. М., 1990.
- Галкин Л.Л.* Одно из древнейших практических приспособлений скотоводов // СА. 1975. № 3.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И.* Легенды и были таежного края. Новосибирск, 1989.
- Гуляев В.И.* Предисловие // Рус А. Народ майя. М., 1986.
- Гуляев В.И.* Проблемы интерпретации погребального обряда в археологии // КСИА. 1990. № 201.
- Даниленко В.Н.* Энеолит Украины. Киев, 1974.
- Дергачев В.А., Бочкарев В.С.* Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев, 2002.
- Дремов И.И.* Материалы из курганов у с. Березовка Энгельсовского района и некоторые вопросы социокультурных реконструкций эпохи поздней бронзы // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2.

- Дударев С.Л.* Социальный аспект раннего этапа освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне р. Терека (IX-VII вв. до н.э.) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.
- Захариков А.П., Цыбрий В.В.* Охранные раскопки в Саратовской области в 2003 году // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2007. Вып. 5.
- Иванова С.В.* Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 2001.
- Иванова С.В., Цимиданов В.В.* О социологической интерпретации погребений с повозками ямной культурно-исторической общности // Археологический альманах. Донецк, 1993. № 2.
- Кабо В.Р.* Каменные орудия труда австралийцев в собраниях МАЭ // Сборник Музея антропологии и этнографии. М. – Л., 1963. Т. XXI.
- Ко М.* Майя. Исчезнувшая цивилизация: легенды и факты. М., 2001.
- Колесников А.Г.* Трипольское общество Среднего Поднепровья (опыт социальных реконструкций в археологии). Киев, 1993.
- Кочерженко О.В.* Курган эпохи поздней бронзы у пос. Строжевка // Охрана и исследование памятников археологии в Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996.
- Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.* Памятники потаповского типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.
- Ланге П.В.* Горизонты Южного моря: История морских открытий в Океании. М., 1987.
- Лапшин А.С.* Памятники раннего и среднего этапов эпохи поздней бронзы Волго-Донского региона (по материалам погребальных памятников): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб, 2006.
- Лепихин А.Н.* Костица гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. Пермь, 2007.
- Литвиненко Р.А.* Сурьмяные подвески в памятниках степной бронзы и их кавказские аналогии // Между Азией и Европой. Кавказ IV-I тыс. до н.э. СПб., 1996.
- Лопатин В.А., Малов Н.М.* Срубные погребения в подбоях на Еруслане // СА. 1988. № 1.
- Лот А.* Туареги Ахаггара. М., 1989.
- Ляхов С.В.* Заволжские памятники эпохи поздней бронзы // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1992. Вып. 2.
- Ляхов С.В.* Погребения эпохи поздней бронзы из Букатовских курганов // Срубная культурно-историческая область. Саратов, 1994.
- Ляхов С.В.* Уникальное погребение эпохи поздней бронзы из кургана у пос. Сторожевка (предварительная публикация) // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996.
- Максимов Е.К., Малов Н.М., Ким М.Г.* Белогорские курганы // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1991. Вып. 2.
- Малов Н.М.* Конструктивные особенности псаля из Краснополя // СА. 1983. № 4.
- Малов Н.М.* Погребения с булавами и втоками Натальинского могильника // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1991. Вып. 2.
- Малов Н.М.* Культурные типы памятников срубной культурно-исторической области (концептуальные основы) // Срубная культурно-историческая область. Саратов, 1994.
- Малов Н.М.* Литейные формы и предметы литейного производства с нижеволжских поселений срубной культурно-исторической области // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. М., 2003 а. Ч. I.
- Малов Н.М.* Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследование в 2001 году. Саратов, 2003 б. Вып. 5.

- Марков Г.Е.* Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.
- Матвеев Ю.В.* О векторе распространения «колесничих» культур эпохи бронзы // РА. 2005. № 3.
- Матюхин А.Д.* Исследование курганов у с. Большая Дмитриевка // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1992. Вып. 2.
- Миллер Дж.* Короли и сородичи М., 1984.
- Миняев С.С.* Сюнну // Исчезнувшие народы. М., 1988.
- Миронов В.Г.* Погребения покровского времени кургана № 9 у села Бородаевка // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1991. Вып. 2.
- Мурзин В.Ю.* О государственности кочевых скифов // Проблеми історії та археології Української РСР. Київ, 1989.
- Нейхардт А.А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982.
- Отрощенко В.В.* Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). К., 2001.
- Отрощенко В.В.* Історія племен зрубної культурно-історичної спільності: Автореф. дис. ... докт. іст. наук. Київ, 2002.
- Памятники срубной культуры.* Волго-Уральское междуречье // САИ. Саратов, 1993. Вып. В1-10.
- Першиц А.И.* Вождество // Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986.
- Пицхелаури К.Н.* Восточная Грузия в конце бронзового века. Тбилиси, 1979.
- Пятых Г.Г.* Алексашкинский бескурганый могильник и его место среди однотипных памятников // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1991. Вып. 2.
- Пятых Г.Г., Фараджеев А.А.* Малоузенский курган эпохи бронзы // СА. 1984. № 1.
- Рус А.* Народ майя. М., 1986.
- Селецкий Б.П.* Некоторые случаи миграций кочевников, сыгравшие решающую роль в развитии оседлых обществ // Античная цивилизация и варварский мир. Ново-черкасск, 1992. Ч. I.
- Синицын И.В.* Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья // Ученые записки СГУ. Саратов, 1947. Т. XVII.
- Синицын И.В.* Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. 1959. № 60.
- Синицын И.В.* Древние памятники Саратовского Заволжья // Археологический сборник. Саратов, 1966.
- Соловьев А.И.* Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск, 1987.
- Телегин Д.Я.* Мезолитическая эпоха // Археология Украинской ССР. Киев, 1985. Т. 1.
- Телегин Д.Я.* Неолитические могильники мариупольского типа (свод археологических источников). Киев, 1991.
- Тихонов В.В.* Грунтовый могильник Калач в Саратовском Заволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996.
- Ткачев В.В.* Погребение архаического лидера эпохи поздней бронзы из могильника Илекшар I в западном Казахстане // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск, 2003. Вып. 2.
- Томановская О.С.* Лоанго, Каконго и Нгойо. М., 1980.
- Усачук А.Н., Африканов Ю.А.* К вопросу о щитковых псалях из дерева // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Уфа, 2007.
- Фролов Б.А.* Этапы формирования общества // Атеистические чтения. М., 1986. Вып. 15.

- Хазанов А.М.* Разложение первобытного строя и возникновение классового общества // Первобытное общество. М., 1974.
- Хазанов А.М.* Социальная история скифов. М., 1975.
- Харнер М.Дж.* Путь шамана или шаманская практика: руководство по обретению силы и целительству. М., 1994.
- Хлобыстина М.Д.* Древнейшие могильники Нижнего Поднепровья как памятники социальной истории // СА. 1979. № 3.
- Цимиданов В.В.* Две группы воинских погребений середины II тыс. до н.э. в Волго-Донском регионе // Материалы археологического семинара. Донецк, 1992 а. Вып. 1.
- Циміданов В.В.* Час виникнення легенди про походження скіфів (Перша версія Геродота) // Археологія. 1992 б. № 1.
- Цимиданов В.В.* Воинские погребения эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград, 1996 а.
- Цимиданов В.В.* Еще раз о колесницах степной Евразии эпохи поздней бронзы // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит - бронзовый век). Донецк, 1996 б. Ч.1.
- Цимиданов В.В.* Эпический социум нартов и степные общества эпохи бронзы // Проблемы археологии и архитектуры. Донецк-Макеевка, 2001. Т.1.
- Цимиданов В.В.* Социальная структура срубного общества. Донецк, 2004 а.
- Цимиданов В.В.* Украшения в погребальном обряде срубной культуры: социальный и половозрастной аспект // Археологический альманах. Донецк, 2004 б. № 14.
- Цимиданов В.В.* Доно-волжская абашевская культура и памятники покровского типа: к проблеме соотношения // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. М., 2005.
- Цимиданов В.В.* Срубная культурно-историческая общность: мужчины и женщины // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ, 2006 а. № 5.
- Цимиданов В.В.* Срубная общность в свете циклических теорий развития // Донецкий археологический сборник. Донецк, 2006 б. № 12.
- Цимиданов В.В.* Возрастная стратификация общества срубной культуры // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ, 2008. № 8.
- Цимиданов В.В., Дегерменджи С.М.* Хозяйственно-культурное развитие и социальная структура позднесрубного общества // Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязи Востока и Запада в эпоху поздней бронзы. Киев – Николаев – Южноукраинск, 1997.
- Шапошникова О.Г.* Эпоха раннего металла в степной полосе Украины // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев, 1987.
- Шнирельман В.А.* Производственные предпосылки разложения первобытного общества // История первобытного общества. Эпоха классового образования. М., 1988.
- Шнирельман В.А.* Возникновение производящего хозяйства. М., 1989.
- Шувалов П.В.* Славянское общество дунайского периода (469-604) // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб., 1991.
- Щукин М.* Третий мир древней Европы // Знание – сила. 1986. № 4.
- Юдин А.И.* Бассейн реки Терешки в позднем бронзовом веке // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2007 а.
- Юдин А.И.* Изменение погребального обряда как отражение социальных процессов в первобытном обществе срубной культуры на примере новых памятников // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2007 б. Вып. 8.

- Юдин А.И.* Эволюция социальной структуры срубного общества на позднем этапе культуры (на примере курганного могильника Новопокровка 2) // XVII Уральское археологическое совещание. Екатеринбург-Сургут, 2007 в.
- Юдин А.И., Матюхин А.Д.* Социальная структура раннесрубного общества по материалам могильников Кочетное и Золотая Гора // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2005. Вып. 6.
- Юдин А.И., Матюхин А.Д.* Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное. Саратов, 2006.
- Stickel E.* Status differentiation at the Rincon site // Archeological Survey Annual Report. Los Angeles, 1968. № 10.

Таблица 1.

**Частота встречаемости некоторых знаков в массивах погребений
взрослых (%)**

Знаки	Группы погребений			
	А. Погребения индивидуальных курганов	Б. Основные погребения курганов с несколькими захоронениями	В. Впускные погребения	Г. Погребения грунтовых могильников
	35*	29	52	7
1. Большая яма	57,1	34,5	9,6	--
2. Мясная пища	22,9	13,8	28,8	--
3. Избыточное число сосудов (3 и более)	14,3	3,4	1,9	14,3
4. Нож	14,3	3,4	1,9	--
5. Украшения	11,4	20,7	17,3	28,6
6. Ритуалы вне могилы	5,7	6,9	5,8	14,3
7. Отсутствие перечисленных знаков	14,3	37,9	53,8	57,1
8. Отсутствие знаков 1-4, 6	22,9	51,7	59,6	85,7

* - число погребений в группе

Таблица 2.

Частота встречаемости некоторых знаков в массивах погребений детей и подростков (%)

Знаки	Группы погребений			
	А. Погребения индивидуальных курганов	Б. Основные погребения курганов с несколькими захоронениями	В. Впускные погребения	Г. Погребения грунтовых могильников
	6	62	68	27
1. Мясная пища	--	8,1	7,4	11,1
2. Избыточное число сосудов (3)	--	3,2	--	--
3. Нож	--	--	--	3,7
4. Украшения	--	9,7	1,5	7,4
5. Ритуалы вне могилы	--	3,2	--	--
6. Отсутствие перечисленных знаков	100,0	79,0	91,2	77,8
7. Отсутствие знаков 1-3, 5	100,0	93,5	92,6	85,2

Таблица 3.

**Частота встречаемости погребений с различными категориями
некерамического инвентаря**

Категории и некоторые их сочетания	Число погребений с данной категорией (сочетанием)	Удельный вес в массиве из 98 захоронений с некерамическим инвентарем (%)
Украшения, в т.ч. наборы	59	60,2
Бронзовый нож	16	16,3
Стрела	7	7,1
Жезл с навершием в виде булавы	2	2,0
Жезл-трость	3	3,1
Псалий	1	1,0
Плеть	1	1,0
Астрагал мелкого рогатого скота	20	20,4
Астрагал крупного рогатого скота	4	4,1
Фаланга крупного рогатого скота	1	1,0
Путовая кость лошади	2	2,0
«Фаллический предмет»	1	1,0
Деревянный сосуд без металлической накладки	2	2,0
Деревянный сосуд с накладкой	3	3,1
Костяное «кольцо»	2	2,0
Костяная втулка	1	1,0
Бронзовая обойма, «скрепка»	3	3,1
Берестяная коробочка	2	2,0
Берестяной «туесок»	1	1,0
Фрагмент непонятного предмета из бересты	2	2,0
Абразив	1	1,0
Бронзовая игла*	2	2,0
Бронзовое шило**	4	4,1
Шило + пряслице	1	1,0
Шило + игла + пряслице	1	1,0
Костяная проколка	1	1,0
Костяная трубочка	3	3,0
Необработанный камень	2	2,0
Осколок кварцита	1	1,0
Фрагмент кремневой пластины	1	1,0

* - без учета комплекса, где игла сочеталась с шилом и пряслицем

** - без учета комплексов, где шило сочеталось с пряслицем

МЕГАЛИТЫ СОСНОВКИ

Активное разрушение древних поселений, расположенных в прибрежной зоне Волгоградского водохранилища, продолжается уже более пятидесяти лет, если считать от 22 декабря 1958 г. – момента пуска первого гидроагрегата ГЭС. Заполнение ложа водохранилища естественным образом поглотило часть не исследованных полностью исторических памятников. Но и после установления его зеркала уровень интенсивности некоторых опасных экзогенных процессов, уничтожающих сохранившиеся по берегам Волги следы жизнедеятельности древнего человека, остается катастрофически высоким. Одну из наибольших угроз для памятников (если исключить непосредственное антропогенное разрушение) представляют получившее в настоящее время широкое развитие вдоль всей береговой линии водохранилища разрушение берегов, связанное с волнами и прибоем (абразионные процессы).

До перекрытия Волги берег от абразии предохраняла большую часть года ширина бечевника. Многоводные годы наблюдались не часто, продолжительность пика половодья не превышала нескольких недель, да и сама Волга была намного уже, что значительно снижало энергетические характеристики волн. Резкий рост абразионных рисков связан с искусственным поддержанием большую часть года однородно высокого уровня зеркала из-за проблем судоходства и энергетики. Естественно, скорость отступления берега не везде одинакова. Она зависит от литологии берегового уступа, его конфигурации (с учетом розы ветров) и т.п. Но так как древние поселения, курганы, могильники чаще всего занимали наиболее выдающиеся мысы над Волгой, они в первую очередь исчезают буквально на глазах.

В докладе губернатора Саратовской области П.Л.Ипатова на заседании в Перми Совета при полномочном представителе Президента РФ в ПФО по вопросу "О задачах по комплексному использованию и охране водных ресурсов" от 6 сентября 2006 г. было официально зафиксировано, что "ежегодно берег отступает от 2 до 8 метров. Многолетние наблюдения показывают, что процесс переработки берегов не только не затухает, а, вопреки прогнозам, продолжается не менее интенсивно. На отдельных участках он даже активизируется, доходя до 5-12 м в год. С момента создания водохранилищ берег "отступил" на 40-120 м, а в отдельных створах до 260 м. Исследования показывают, что в той или иной степени процессу переработки подвержено более 600 км береговой полосы, т.е. около 2/3 общей протяженности".

Так, у с. Привольного, где П.Д.Рау было зафиксировано поселение эпохи бронзы и Золотой Орды, Саратовской гидрогеологической экспедицией отмечено за 35 лет наблюдений смещение берегового уступа к востоку в среднем на 80 м ($V_{\text{ср}} \sim 2\text{м/год}$). Расположенное вблизи с. Узморье золотоордынское селище (Розалиев П., 1910, с. 122-123), содержащее также материалы срубной культуры (Кочерженко О.В., Малов Н.М., 1985, с. 156), разрушается при средней скорости отступления берега 1,4 м/год (по данным Территориального центра мониторинга геологической среды). Не щадит волна и высокое Правобережье: у с.Дубовки за 50 лет береговая линия отодвинулась почти на 90 м (с разрушением старых захоронений). Как показали личные наблюдения автора, происходит обрушение могильников также на Студенке и Еланке, в Ахмате и Мордовом.

Причем перерабатываются, превращаются в пыль, уходят под воду, как и пятьдесят лет тому назад, многие недостаточно изученные памятники. Так, из четырех зал, посещавшихся старожилами до заполнения водохранилища Семибратской пещеры, (уцелевшие две из них были осмотрены Д.С.Худяковым в конце 60-х годов) чудом сохранилась последняя. Многие исчезающие объекты все еще проблематичны (нет достоверно обоснованного определения площади, культурной принадлежности, возраста и пр.). Примером такой исчезнувшей под натиском волжских волн страницы истории в ближайшее время могут стать все более поглощаемые наносами галечника очень крупные, неизвестно когда и кем обработанные глыбы песчаника и известняка, впервые замеченные автором на бечевнике у с.Сосновки в июле 2006 г., функциональное назначение которых пока вызывает много вопросов.

Небольшое село Сосновка (бывшая колония Шиллинг), расположенное на правом берегу р.Волги на границе Саратовского и Красноармейского районов, было основано 14 августа 1764 г. (Плеве И.Р., 1998, с. 296). В 1769 г., когда через него проезжал академик И.И.Лепехин, поселение насчитывало всего 404 колониста, занятых, по его описанию, огородничеством и хлебопашеством (Лепехин И.И., 1821, с. 381-382). В 1798 г. в нем проживало 660 человек (Плеве И.Р., 1998, с. 296), а к концу XIX в. – около 2500 жителей. В селе функционировали 20 промышленных заведений (кожев., сапожн., вязальн., столярн., каретн.), 6 лавок, пассажирская и товарная пристани (Семенов В.П., 1901, с. 496). Это был процветавший перевалочный пункт, с которого начинался сухопутный волок между реками Волгой и Медведицей, перевозились "лес, железо, рогожи, лубья, др. предметы", кроме того, в колонии находилась одна из лучших сельских кожевен (Нейдгардт П.П., 1862, с. 69). В настоящее время село постепенно разрушается и вымирает.

Все вышеперечисленные товары и производства органично связаны с поселением при дороге, но они не проясняют нахождения на относительно небольшой площади села очень крупных обработанных и необработанных глыб камня, некоторые из которых было бы весьма проблематично переместить даже с помощью современной техники (рис. 1). Странные, никак не связанные с известной прошлой и современной жизнью с. Сосновки мегалиты¹, более характерные для Средиземноморья или Кавказа, но не Саратовского Поволжья, вызывают естественные вопросы. Кем, когда и зачем была создана высокая концентрация литологического материала на ограниченной площади ничем не примечательного, казалось бы, села, где нет данных о существовании поблизости каменоломенных промыслов, никогда не планировались "великие стройки" современности? Сложность датирования комплекса вызвала необходимость привлечения данных нескольких научных направлений по исследуемой территории.

Впервые на картах эта территория появляется, вероятно, у Адама Олеария, где на карте путешествия 1636 г. (с его и штурмана пометками верст от и до "Sarato") обозначен остров Бродин (Олеарий А., 1870, вклейка). Брод, точнее Сосновский пережат, был одним из наиболее мелких на среднем и нижнем течении Волги. Мелководье доходило до 80 см в межень (4 четв. 2 верш.) (Спутник..., 1910, л. 13), что значительно упрощало переправу людям и животным.

Пережат связан с рассечением Волгой крупного поднятия, существование которого впервые (несколько схематично, захватывая всю территорию от Увекского поднятия до Сосновки) отмечено в работе И.Ф.Синцова (1870). А.Н.Рождественский, на основании собственных и П.М.Быстрицкой наблюдений, полученных при проведении крупномасштабной структурно-геологической съемки 1945- 946 гг., пришел к выводу, что Багаевско-Горючкинские поднятия не связаны ни с Саратовскими, ни с Доно-Медве-

---

¹ В работе использовано изначальное понимание мегалита: "мега" - от греч. мегас - большой и литос - камень.

дицкими дислокациями, и могут быть выделены в особую группу тектонических нарушений Саратовского Поволжья. "Горючкинское поднятие ориентировано не в северо-восточном, как мы полагали раньше, а в широтном направлении, имеет плоский свод и флексуобразное крыло, оконтуривающее свод полукольцом с северо-запада, запада, юго-запада и юга. Данное поднятие прослеживается в восточном направлении в бассейне р.р.Губернаторовки и Мекатной (правые притоки р.Волги) и далее по Левобережью Волги, которая сечет эту структуру вкрест простирания (рис. 2). К северу от Горючкинской структуры расположено Багаевско-Увекское поднятие с таким же широтным простиранием своей длинной оси" (Рождественский А.Н., 1949, с. 184). Оформление поднятия связано, по его мнению, с преакчагыльскими восходящими движениями (что подтверждает снимок автора 2007 г. – рис. 3). С.К.Гореловым в 1956-1957 гг. на основании геоморфологического анализа установлено, что зона Багаевско-Горючкинских дислокаций испытывала поднятия и в новейшее время и является тектонически активной (Рогозин И.С., Дунаева Г.В., 1962, с. 38).

Активная тектоника данного района могла способствовать не только обмелению Волги с возникновением переката, но также, вероятно, формированию на месте выходов богатых карбонатами вод, пробивавшихся в зоне повышенной трещиноватости сквозь верхнемеловые породы, сильно выщелоченных органогенных обломочных глыб известняков (рис. 1) с характерными натечными формами кальцита. Таким образом, небольшая пирамидальная скала могла образоваться на месте своего современного нахождения или несколько выше по склону из-за бывшего когда-то в неогене источника (на юго-западной поверхности скалы вплотную к кальцитовым коркам сохранились отпечатки окаменевших листьев и стеблей тростника, напоминающего камыш – растительности кайнозоя). Ниже по течению ручья, бечевнику и даже левому берегу Волги также отмечены глыбы и мелкий гравий этого камня (глыбы вместе с другими мегалитами нанесены на космоснимок – рис. 4).

Естественная скальная пирамида, с выходами по внешней стороне яркой малиновой охры, к тому же у переправы через р. Волгу, не могла не привлечь внимание древнего человека. Следы его пребывания многократно замечены в ближайших окрестностях.

1. Древнейшей находкой, возможно, является обломок каменного орудия (молота?), найденный в километре севернее села, у подножья г. Эрбузикоф на берегу р.Волги в 1981 г. А. Стекловым (по данным архива Д.С.Худякова).

2. Временным интервалом энеолит-ранняя бронза, вероятно, можно датировать собранные автором по бечевнику р.Волги между устьями рек Северная и Южная Сосновки фрагменты керамики со штампованным орнаментом, тесто которых имеет значительные включения грубо истолченной раковины (рис. 5, 8), а также с мелкогребенчатым зигзагообразным орнаментом (рис. 7).

3. К первой половине III тыс. до н.э. относятся найденные И.Н.Браташовым в 2007 г. на бечевнике у Заевской скалы фрагменты ямочной керамики репинской культуры (рис. 6).

4. С селищем эпохи бронзы Сосновка-I, изученным Н.М.Маловым в 1992 г., связаны богато орнаментированные многочисленные фрагменты от катакомбных (рис. 9, 10, 12) и ивановских валиковых сосудов (рис. 16, 18) эпох средней и финальной бронзы. Мощность культурного слоя селища составляет 1,5-1,8 м. Впрочем, они не редкость на бечевнике и за территорией селища выше по течению Волги вплоть до впадения в нее р.Сев.Сосновка (рис. 13).

5. Часть найденных автором фрагментов керамики средней бронзы отличаются сильной потертостью некоторых участков внешней (выпуклой) поверхности, вплоть до исчезновения орнамента, как, например, фрагмент среднедонской керамики (рис. 11).

6. Фрагменты керамики срубной культуры (1-ая половина II тыс. до н.э.) были найдены автором на бечевнике к северу и югу от устья р. Южн. Сосновка в 2008 г. (рис. 14, 15).

7. К ивановской культуре эпохи финальной бронзы относится поселение Сосновка-2, расположенное на склоне первой надпойменной террасы обрывистого правого берега р. Волги, к юго-востоку от села, где в 1992 г. археологической экспедицией под руководством Н.М.Малова исследовано 40 м² площади памятника. Мощность культурного слоя составила 0,6-0,7 м. Были найдены развалы сосудов, остатки очага, фрагменты лепной керамики (рис. 17), медный шлак.

8. Поселение раннего железного века (городецкая культура) на Заевской скале. Зафиксированы фрагменты керамики с псевдорогожным орнаментом (1975 г., по данным архива Д.С.Худякова); 1983, 1984, 1992 гг. – Н.М.Малов (Малов Н.М., 1994, с. 139-140), 2007 г. – С.А.Браташова – рис. 19).

9. Серебряные римские монеты, которые видел лично член СУАК И.И.Кирштейн у колонистов Сосновки. Место находки отказались указать (Зайковский Б.В., 1926, с. 43). Возможно, об этой же находке сообщал 2 августа 1906 г. и 21 апреля 1907 г. свящ. Розалиев, когда писал о "горшочке с серебряными римскими монетами близ одной из правобережных немецких колоний" (там же, с. 43).

10. Напротив, на левом берегу Волги у с. Березовки найден серебряный дирхем Ибрагима I, основателя династии Аглебидов, битый в г.Африкийе (Кайрована) в 804-805 г. Найден пастором Бератцем в культурном слое древней стоянки (там же, с. 43).

11. В самом селе на бечевнике, а также по р. Южн. Сосновке автором встречены фрагменты золотоордынской красноглиняной (рис. 20) и русской сероглиняной лощеной керамики и немецкого раскрашенного фаянса.

Нахождение керамики эпохи бронзы, Золотой Орды на бечевнике выше по течению Волги от исследованных Н.М.Маловым поселений, вероятно, дает основание предположить более значительные размеры, а также многослойность памятника. Приведенные факты косвенно свидетельствуют о длительности функционирования переправы, о высокой вероятности существования в районе современной Сосновки древнего пути, долгое время существовавшего на пологом ровном склоне между гг.Эрбузикоф и Гольдкопф, идущего в широтном направлении, к П-образной излучине р. Медведицы у Белого Озера, а далее, возможно, в сторону черноморского и средиземноморского бассейнов. Можно предположить, что отправная точка, своеобразный маяк на переправе (он же – начало волока) мог быть отмечен каким-либо надежным, возможно каменным, указателем. Но каким? При осмотре территории зафиксировано значительное разнообразие литологического материала, которое лишь ненамного уступает разнообразию керамики.

Предварительно, так как часть каменных глыб находится практически полностью в погребенном состоянии или под водой, а часть, в связи с массивностью, осмотрена частично, на территории села были выделены следующие литологические группы (по антропогенному фактору):

1. Камень техногенный: бетонные плиты и их обломки; силикатный и красный кирпич строений XX в.; красный "немецкий" кирпич XVIII-XX вв.

2. Камень природный, "неправильных" форм: крупный грубообломочный оббитый гравий мела, мергеля, опоки, песчаника (использовался для забутовки саманных сооружений).

3. Камень природный (группа карбонатов, твердость ниже средней), обработанный, относительно правильных геометрических форм, с заметными треками (от обработки либо перемещения): известняк с прослоями ракушки – массивные глыбы (рис. 22d, 22f), нередко с правильными выступами (рис. 22a), иногда встречаются достаточно

сложные формы (рис. 24b); а также мергель (учитывая изломы двух торцевых сторон, вероятно, часть более крупной плиты) с разнонаправленными, похожими на геометрический рисунок, треками по плоской поверхности (рис. 22e).

4. Обработанный песчаник относительно правильных геометрических форм, без заметных треков (твердость выше средней): многогранная глыба песчаника с полуцилиндрическим отверстием (рис. 22b, 22c); глыба песчаника с подтёсом и отверстиями для шпонок (рис. 22g), плита розового сливного песчаника палеогена со сквозным отверстием (рис. 21).

5. Резко выщелоченный органогенный известняк: пирамидальная скала (рис. 1), глыбы произвольной формы и гравий без выраженных следов антропогенного воздействия.

Нанесение размещения глыб на космоснимок территории (рис. 4) показало, что наиболее крупные из них сконцентрированы в приустьевой части р. Сев.Сосновки вблизи пирамидальной скалы. Логично предположить, что между выделенными литологическими группами памятника и приведенными выше группами керамики с бечевника Сосновки может быть некоторое соответствие. По крайней мере, первая и вторая выделенные группы камня однозначно связаны с керамикой последних трех столетий, но сопоставление третьей и особенно четвертой групп пока проблематично.

Камни третьей группы, задействованные поселенцами колонии под подпорки, ограды, краеугольные камни строений, а наиболее крупные, в основном, "бесполезно" рассредоточенные неподалеку от пирамидальной скалы и бечевнике, могли быть закуплены и завезены самими колонистами, быть "унаследованы" ими от золотоордынского либо более раннего поселения. Наблюдаются значительные вариации размеров, массивности, форм глыб. Некоторые из них даже получили по отдаленному сходству личные имена: "корабль" – 117 x 66 x 66 см (каменный блок справа на рис. 24b), "мертвый якорь" – 96x81x48 см, "чемодан" – 71x17x33 (рис. 22f). Отсутствие "унифицированности" с учетом факта неплохой сохранности следов старательной обработки, концентрация наиболее крупных из них у пирамидальной скалы пока не имеют объяснений.

Наводят на размышления и блоки четвертой ("кремневой") группы, никак не вписывающиеся в обиход ни современного села, ни немецкой колонии. Каждая из ее каменных глыб невольно привлекает внимание. Во-первых, в связи с тем, что это обработанный местный камень (естественные выходы сливного песчаника наблюдаются в нескольких точках, не превышая по расстоянию одного дневного пешего перехода). Во-вторых, в связи со значительным уровнем трудозатрат. Например, практически полностью находящаяся в земле глыба песчаника (рис. 22g). Подобные пазы для шпонок, как и подтесы плит, наблюдаемые здесь, нередко использовались в составных дольменах (Марковин В.И., 1978, с. 150, 154, 156), способствуя надежности, устойчивости мегалитических сооружений эпохи бронзы, не знавших цемента (рис. 23). Все более поздние культуры, применявшие связующие растворы, не нуждались в этих достаточно трудоемких (учитывая твердость камня, уступающего только алмазу, корунду и топазу по шкале Мооса) операциях.

Методом исключения (мала вероятность подобных трудозатрат у немецких колонистов и в Золотой Орде, не свойственна городецкой культуре) мы логически возвращаемся к эпохе бронзы и ее доминирующей на бечевнике с.Сосновки керамике. Этот камень как бы подталкивает к рассмотрению крайне экзотичной "дольменной" гипотезы. Еще более показательны по трудозатратам отверстия других глыб сливного песчаника (рис. 21; 22b, c). От них и сегодня, после достаточно длительного (судя по "каменному загару") воздействия солнца, воды и мороза, безрезультатно отскакивает геологический молоток при попытке взять небольшой осколок на экспертизу. И при этом глу-

бина крупного правильного отверстия (23 x 18 см) составляет ~ 83 см в двухтонной плите.

К сожалению, составные, в отличие от плиточных, дольмены "являются довольно редкими постройками, изучены они очень слабо", зафиксированы лишь в Краснодарском и Ставропольском краях, для Абхазии не характерны, "до сих пор плохо учтены, расположены за пределами изучаемой зоны" (Марковин В.И., 1978, с. 135). Недостаток статистики, возможно, связан со сложностью выявления (часть из них была скрыта под грунтом, каменными насыпями – г.Ачишко, п.Красная Поляна и др.). У некоторых, по описаниям (Кондряков Н.В., 1999, с.20), даже сохранялся дромос, например, у сочинского дольмена, перенесенного из пос.Лазаревское (рис. 23b), как будто напоминание о близких по форме подземных купольных мегалитических сооружениях Средиземноморья.

Дефицит статистических данных по размерам, морфологии, способах обработки поверхности подобных сооружений показывает преждевременность каких-либо сопоставлений. К тому же велики расстояния от небольшого села на берегу Волги до упомянутых территорий, тем более Средиземноморья, Индии, Скандинавии, других стран, где зафиксированы дольмены – сооружения "первого периода морской торговли 2600-2100 гг. до н.э." (Марковин В.И., 1978, с. 315).

С другой стороны, мы крайне мало знаем о "мегалитических" культурах, территориях их распространения и влияния. Нет общепризнанной систематизации памятников, особенно погребальных. Это подтверждают открытия немецких и турецких археологов на малоазийском культовом мегалитическом комплексе Гёбекли-тепе 11-тысячелетнего возраста на основании радиоуглеродного датирования (Pustovoytov K., 2000, p. 24-26). Галерейные мегалитические гробницы Анту ду Дилва в Португалии и Лос-Мильярес в Испании (начало 4 тысячелетия до н.э.), скрытые под гигантскими курганами, находят свои аналоги на Кавказе в кургане Псынако I (Марковин В.И., 1985, с. 80-86). Как далеко могло распространяться влияние кавказских культур вдоль таких крупных водных путей, как Дон и Волга, ответить сложно. Н.Я.Мерперт, прослеживая аналогии между найденными в погребениях бусами и полированными пронизками (Бережновка II – Нальчикский дольменный могильник) проводит синхронизацию захоронений Левобережья Волги и Кавказа – рубеж IV-III тыс. до н.э. - середина III тыс. до н.э. (Мерперт Н.Я., 1974, с. 56-58). В.И.Марковин отмечал, что культурное влияние строителей дольменов прослеживается не только на территории Кавказа, но и в степях (Марковин В.И., 1978, с. 317). В последнее время появились работы по дальнейшему сопоставлению как "ранних", так и вновь открываемых дольменных памятников Западного Кавказа и мегалитических гробниц Индии, Западной Европы (Кондряков Н.В., 1999, с. 21-22), но при прослеживании столь дальних связей правомерно ли полностью игнорировать прилегающие территории?

Достаточно логично укладывается в дольменную гипотезу само местонахождение группы мегалитов у начала волока между двумя великими водными путями Волги и Дона, так как В.И.Марковин подчеркивал, что "дольменные постройки стоят не бессистемно, обычно их можно встретить по бассейнам рек, близ перевалов и тех давно опробованных дорог и троп, по которым и сейчас еще проходят скотогонные пути. Этот факт удалось установить только для Абхазии, но и он немаловажен. Здесь пастушеские маршруты полностью совпали с пунктами, имеющими дольмены" (Марковин В.И., 1985, с. 22-23).

Ландшафт Сосновки и окружающей ее территории, представленный высоким, террасированным поднятием (высота г.Эрбузикоф – 210,5 м, г.Гольдкоф – 200,8 м), к тому же заросшими лесом², полностью вписывается в дольменную гипотезу, так как

² Шиллинг славился поставками бревен (Нейгардт П.П., 1862, с. 69).

В.И.Марковин указывал, что "вне пределов гор и лесов строители дольменов предпочитали не селиться" (Марковин В.И., 1978, с. 318).

Невольные ассоциации с дольменами вызывает к тому же сходство не только форм, но и материала каменных глыб Сосновки. Ведь уже самое первое поле дольменов (впервые открытое в 1794 г. академиком П.С.Палласом у ст. Фанталовской) также было сооружено из плит известняка и песчаника.

Тем не менее, несмотря на, казалось бы, значительное количество благоприятных для дольменной гипотезы факторов, ее преждевременно считать основной, так как, во-первых, не были найдены сохранившиеся сооружения. Во-вторых, необходимо учитывать существование и других, близких по форме, мегалитических сооружений, плиты которых также иногда имели отверстия. Например, вот как описывает один из известных менгиров Кавказа А.С.Уваров: "На юг от Дербента, у подошвы хребта Джалган, не доезжая до выдающегося утеса Аббас-ова-буруны, стоит отвесный камень с сквозным отверстием на вершине, прозванный Кяр-Даш (глухой камень) и считающийся святым для местного народонаселения, которое привешивает к нему и к окружающим кустам разные вещи, тряпки и пр., как приношения для своего здоровья. Такое верование в особую целебную силу камня с отверстием напоминает о подобном же веровании в камень, существующий на острове Кипре" (Уваров А.С., 1881, с. 378, 379). Поскольку мы не знаем, когда перестал бить карбонатный источник у Сосновской скалы, эту версию также следует принимать во внимание, тем более что в сообщении, посвященном выходу археологической карты, А.А.Кротковым отмечено 9 менгиров Саратовской губернии (Кротков А.А., 1912, с. 168).

В-третьих, не следует забывать и о пятой литологической группе. Н.Я.Мерперт (в личной беседе) указывал, что доминирующую роль в ранних культовых комплексах (с одним из которых мы, возможно, имеем дело) играли естественные, а не антропогенно модифицированные объекты. Вследствие этого центром комплекса, вероятно, могла быть пирамидальная скала (рис. 1), а остальные мегалиты имели как бы подчиненные роли. Природный камень, не оскверненный вмешательством руки человека, но привлечший его внимание своей геометрически правильной, звероподобной или антропоморфной формой, нередко имел сакральный смысл, считался вместилищем магической силы. Близкая к форме трехгранной пирамиды многотонная скала, с выходами охры, причем в местности, где подобные образования – явление исключительное, вряд ли могла быть пропущена в эпоху, когда камень был основным орудием, а охра – символом жизни. Со скалой связано много вопросов. Естественна ли ее форма, или все-таки она частично творение рук человеческих? Как возникла правильная форма небольшой прямоугольной выемки на юго-восточной грани скалы? Каков возраст наиболее ранних антропогенных отложений зоны концентрации?

С решением последнего вопроса, как и с проведением трасологической экспертизы мегалитов, исчезающих под обрушениями берега и наносами галечника, вероятно, следует поторопиться. Пока еще нависают над бечевником погребенные плиты (рис. 24а), пока еще не смыты окончательно остатки островков, смиряющих напротив устья Сев.Сосновки энергию штормов Волгоградского водохранилища, и благодаря которым скорость отступления берега здесь не так велика, как на южной окраине села у Заевской скалы, где ширина чистого водного пространства составляет 8,5 км, а средняя скорость разрушения, например, городецкого поселения достигает 0,8 м/год. И если в 60-х годах берег в этом районе был в определенной степени еще защищен бечевником (рис. 25), то в настоящее время этот предохранительный барьер практически полностью затоплен, как видно на снимке (рис. 26). В результате активизации абразионных процессов происходит быстрое сокращение площади исторических памятников прибрежной зоны: при сравнении снимков рис. 25, 26 по изгибу ската и размерам сохранивше-

гося плато Заевской скалы можно сделать вывод о разрушении более 2/3 поселения "Сосновка городецкая". Возможно, в скором времени исчезнет и прилегающий к ней многослойный (от бронзы до Золотой Орды включительно) проблематичный комплекс с. Сосновки.

Литература

- Зайковский Б.В.* Области. Топография наиболее достоверных монетных кладов и отдельных монетных находок древнего времени до XIII века включительно // Тр. Нижне-Волжского обл. науч. об-ва краевед. Саратов, 1926. Вып. 35. Ч. 1.
- Кондряков Н.В.* Дромосы и кромлехи дольменов Западного Кавказа // Сочинский краевед. Сочи, 1999. Вып. 5.
- Кочерженко О.В., Малов Н.М.* Раскопки в Саратовском Заволжье // Археологические открытия 1983 г. М., 1985.
- Кротков А.А.* О памятниках старины Саратовской губернии // Тр. СУАК, Саратов, 1912. Вып. 28.
- Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства 1768-1769 гг. // Полное Собрание ученых путешествий по России. СПб., 1821. Т. III.
- Малов Н.М.* Исследования на побережье Саратовского и Волгоградского водохранилищ // Археологические открытия 1993 г. - М.: Наука, 1994.
- Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. М., Наука, 1978.
- Марковин В. И.* Испун – дома карликов: заметки о дольменах Западного Кавказа. Краснодар, 1985.
- Нейдгардт П. П.* Путеводитель по Волге. СПб, 1862. Ч. III.
- Олеарий А.* Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием. М., 1870.
- Плеве И.Р.* Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 1998.
- Рогозин И.С., Дунаева Г.В.* Оползни Саратовского Поволжья. М., 1962.
- Рождественский А. Н.* История изучения геологии Саратовского Поволжья. Саратов, 1949. Ч. 1.
- Семенов В.П.* Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В. П. Семенова. - СПб.: Изд. А. Ф. Девриена, 1901. Т VI.
- Синцов И.Ф.* Геологический очерк Саратовской губернии // Зап. Минералог. о-ва, Т.V, 1870.
- Спутник по реке Волге и ее притокам Каме и Оке на 1910 год.* Саратов, 1910.
- Уваров А. С.* Археология России: Каменный период. М., 1881. Т. I.
- Pustovoytov K.* Weathering rinds at exposed surfaces of limestone at Göbekli Tepe. Neolithics, 2000, 24-26 (14C-Dates).

← Вид скалы с юго-востока

Вид скалы с северо-востока →

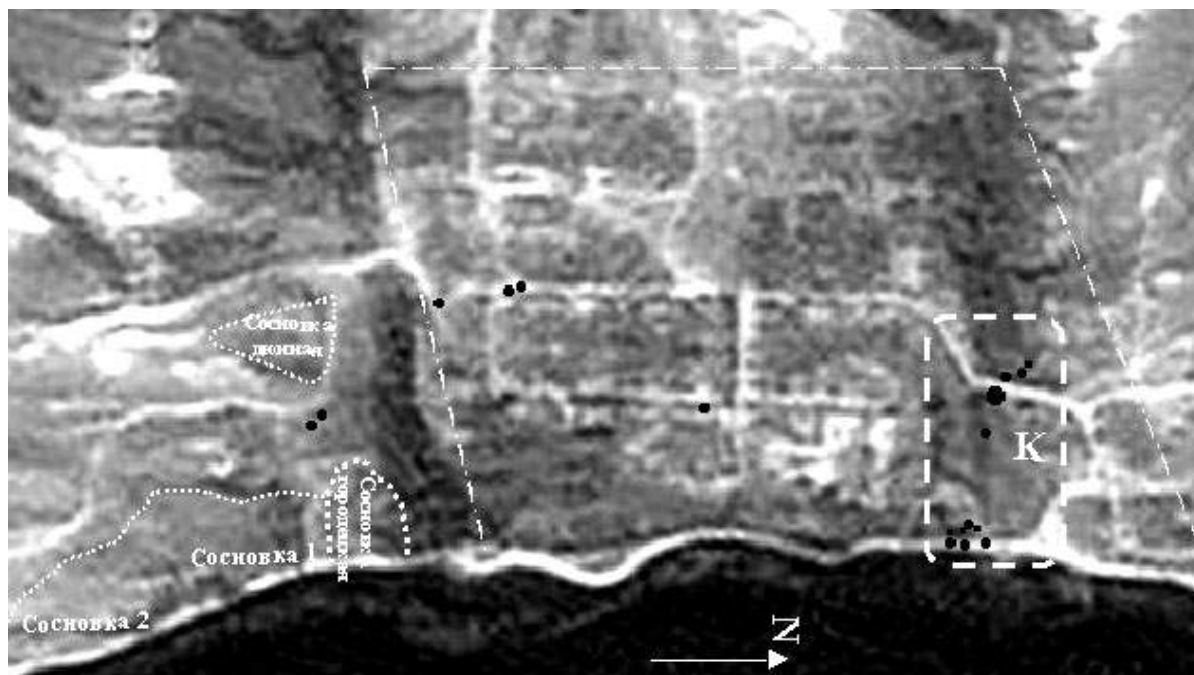
Рис. 1. Скала органогенного выщелоченного известняка (к востоку от моста через р. Сев. Сосновку).

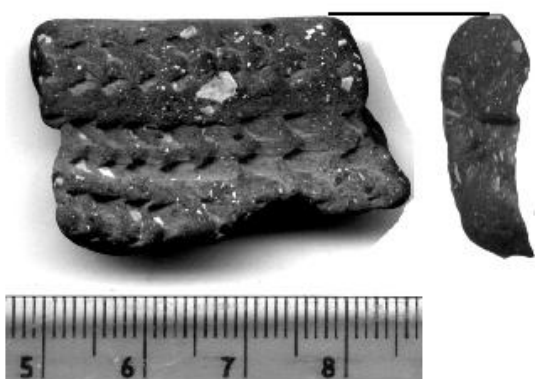
Рис. 2. Направление эрозионной сети (особенно Левобережья) показывает размеры поднятия. С древней переправой могут быть связаны дороги по пойме между Сосновкой и Березовкой (подчеркнуты пунктиром на части карты Сарат. губ. 1905 - 1908 гг. под ред. Стрельбицкого М 1: 420000)

Рис. 3. Внедрение альбских глин (нижн. мел) в слои сеномана (верхн. мел), перекрытые горизонтально залегающими хвалынскими глинами (2,7 км к югу от с. Сосновки, 2007 г.)

Рис. 4. Космоснимок территории, где К - зона максимальной концентрации литологического материала (наиболее крупные даны черными точками); точкой с пунктиром - границы современной застройки; светлым пунктиром - границы ранних поселений

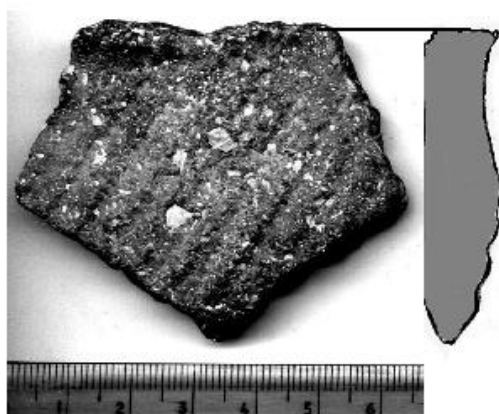
Рис. 5. Бечевник с. Сосновка. Фрагмент керамики энеолита

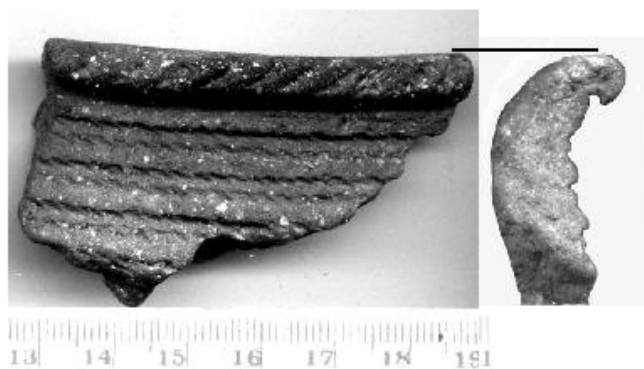
Рис. 6. Заевская скала. Фрагмент рипинской керамики

Рис. 7. Бечевник с. Сосновка. Фрагмент керамики энеолита (ранняя бронза?)

Рис. 8. Бечевник с. Сосновка. Фрагмент керамики ранней бронзы

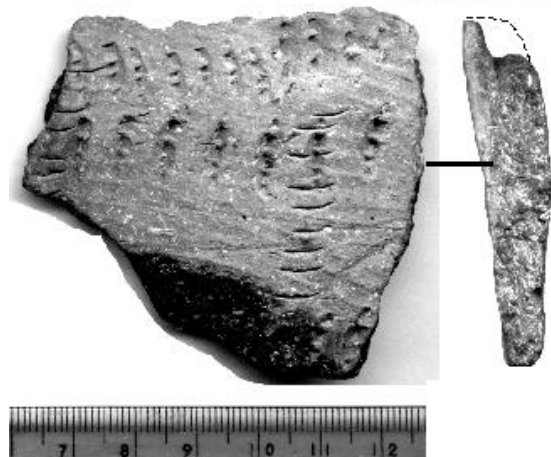
Рис. 9. Сосновка-1. Фрагмент керамики средней бронзы

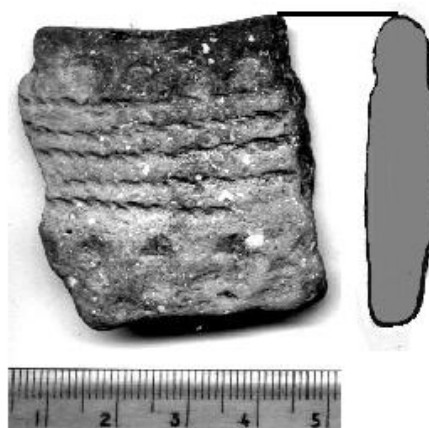
Рис. 10. Сосновка-1. Фрагменты керамики средней бронзы

Рис. 11. Сосновка-1. Фрагмент керамики средней бронзы

Рис. 12. Сосновка-1. Фрагмент керамики средней бронзы

Рис. 13. Бечевник с Сосновка. Фрагмент керамики средней бронзы

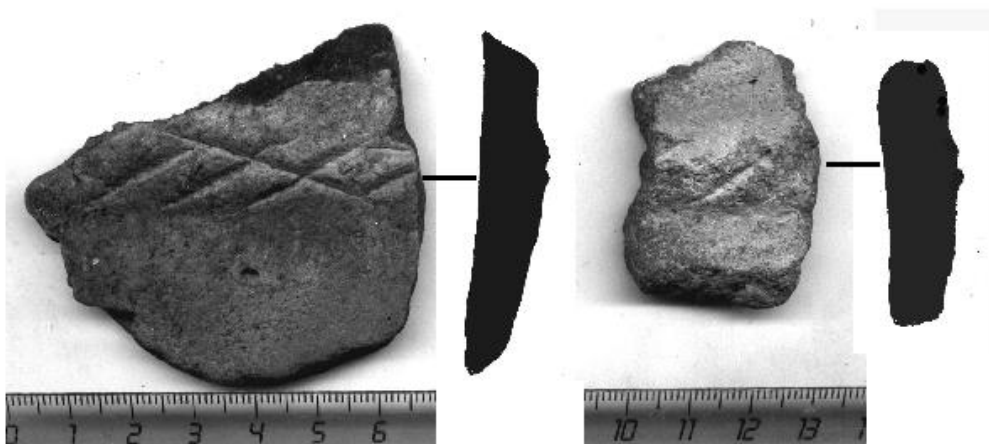

Рис. 14. Устье р.Южн. Сосновка. Керамика поздней бронзы

Рис. 15. Бечевник с. Сосновка. Фрагмент керамики поздней бронзы

Рис. 16. Сосновка-1. Фрагмент керамики ивановской культуры

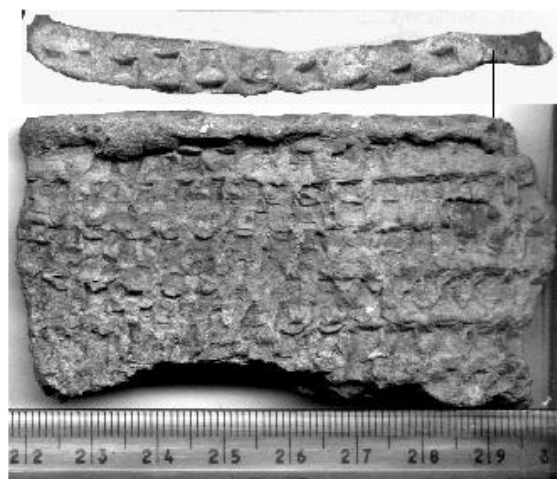

Рис. 17. Сосновка-2. Фрагменты керамики ивановской культуры

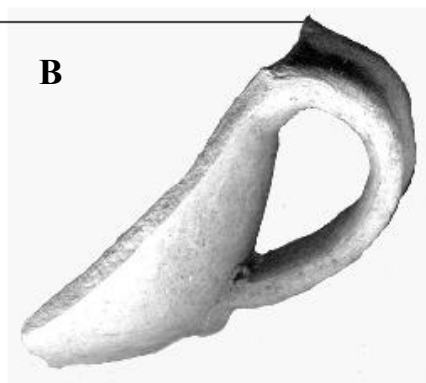
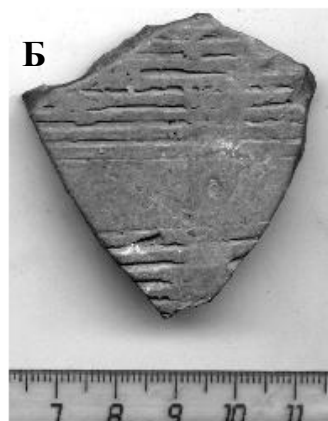
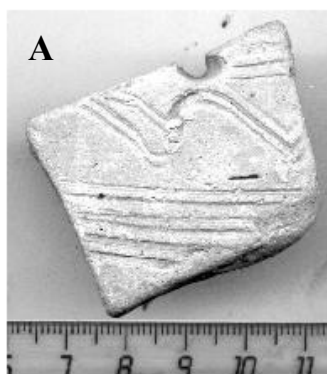

Рис. 18. Сосновка-1. Фрагменты керамики ивановской культуры

*Рис. 19. Заевская скала.
Керамика городецкой
культуры*

Рис. 20. р. Сев. Сосновка. Золотоордынская керамика XIII - XIV вв.

Рис. 21. Обработанная плита розового сливного песчаника палеогена (152x81x83 см) со сквозным отверстием (23x18 см). Вес ~ 2,3 т. Бечевник с. Сосновки (2008 г.)

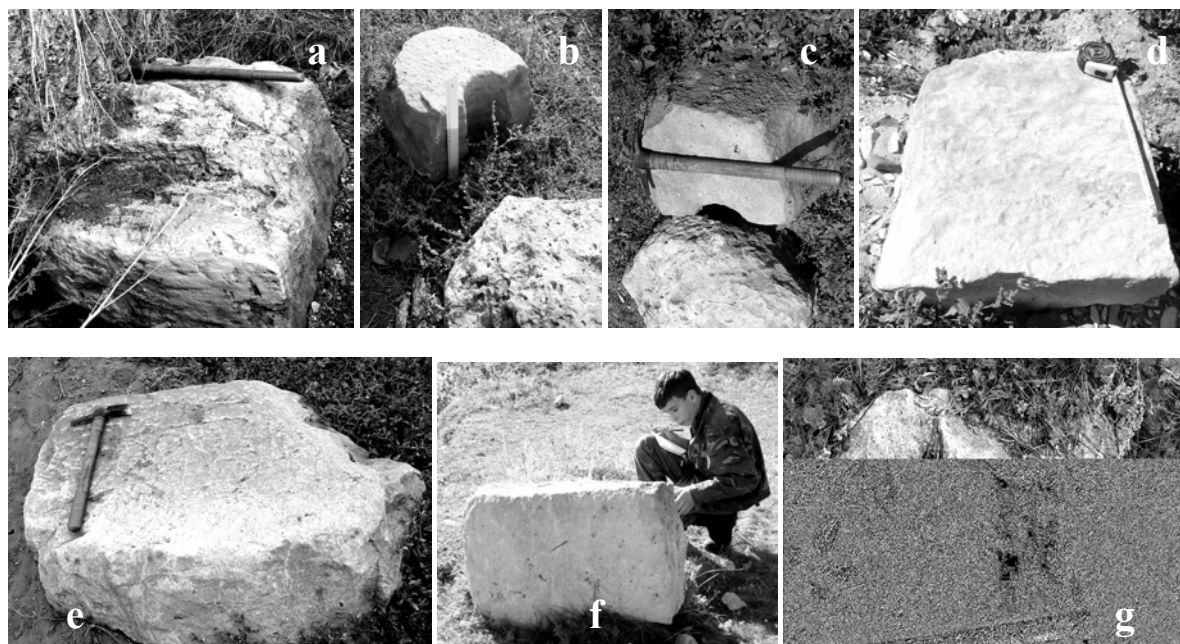
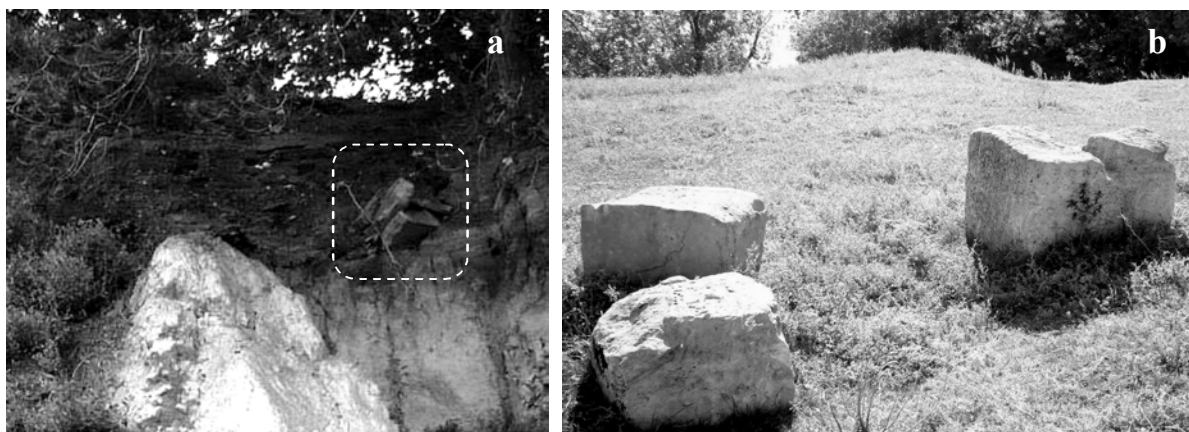

Рис. 22. Примеры обработанных блоков песчаника и известняка (снимки 2006-2008 гг.)

Рис. 23. Дольмены Кавказа: а – составной дольмен у р. Жане; б – составной дольмен в Сочи из Лазоревского

Рис. 24. Концентрация литологического материала (в ближайшее время, вероятно, будет уничтожена абразией берега Волгоградского водохранилища - снимки 2008 г.)

Рис. 25. Вид Заевской скалы (Сосновка, 60-е гг., бечевник ~ 50 м, снимок Д.С.Худякова)

Рис. 26. Вид Заевской скалы 31 мая 2009 г.

П.Е.Тугушев

ГОРОДИЩЕ «ПЕТРОВСКИЙ ГОРОДОК» У СЕЛА УСТЬ-КУРДЮМ САРАТОВСКОГО РАЙОНА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ДВА АСПЕКТА ИССЛЕДОВАНИЯ

Городище «Петровский городок» располагается в 8 км к северо-западу от села Усть-Курдюм Саратовского района Саратовской области, на первой надпойменной террасе правого берега реки Курдюм в месте сплошного подтопления ее долины водами Волгоградского водохранилища (рис. 1).

Площадь памятника довольно обширна и составляет 7000 кв.м. Ширина этого пространства с севера на юг 45 м, длина с востока на запад 160 м. Западный край городища ограничен валом (№ 1) протяженностью 95 м, проходящим с северо-запада на юго-восток. Ширина вала от 10 до 12 м, современная сохранившаяся высота 1,2 м, относительно 0R и 0,82 м от современной дневной поверхности. С юго-восточной стороны поселение защищено еще одним валом (№ 2), проходящим с юго-запада на северо-восток по краю небольшого овражка. Длина этой фортификационной линии около 25 м, ширина 10 м, высота вала от нулевой отметки – 1,2 м от 0R, и 0,75 м от современной дневной поверхности, вал имеет продолжение через западину, как бы огораживая городище с южной стороны. Возможно, конструктивной деталью этой линии является овальное возвышение, похожее на курган, размерами 15x7 м и высотой 1,5 м от нулевого репера и 0,63 м от современной поверхности. Таким образом, с южной напольной стороны, между валами № 1 и № 2 образован проход на территорию городища. Ширина прохода составляет 18 м. На северо-восточной оконечности мыс плавно понижается на 1,3 м, образуя небольшую террасу, шириной 10-12 м. Вся площадь памятника сильно задернована (рис. 2).

Такое состояние памятника было в 2005 году, на момент проведения автором, работ по вскрытию ограниченных участков площади городища. Разведочные шурфы дали интересный керамический материал, который можно датировать XVI-XVIII вв. – периодом русской колонизации Поволжья (Тугушев П.Е., 2006). Нужно отметить, что наибольшая насыщенность слоев, отмечена в шурфе № 3, который был заложен на склоне террасы, на которой расположен памятник (рис. 2) (Кубанкин Д.А., Малышев А.Б., Тугушев П.Е., 2006).

Впервые городище было обнаружено в 1982 году в результате разведок, проведенных В. А. Лопатиным; он же и составил первоначальный топографический план памятника. На тот момент памятник, по подъемному материалу, был датирован периодом XVII-XVIII вв. и отнесен к времени правления Петра I, за что и получил свое название «Петровский городок».

Вплоть до конца 90-х годов XX века, интереса к городищу со стороны саратовских археологов проявлено не было. Только в 1999 году А.Б.Малышев, проводя разведки в Саратовском районе, произвел визуальный осмотр территории городища. Подъемный материал составляли в основном осколки гончарной керамики XVI-XVIII вв. Осо-

бый интерес представляет, найденный с внешней стороны вала, металлический накопник ногайской стрелы (Малышев А.Б., 1999; Кубанкин Д.А., Малышев А.Б., Тугушев П.Е., 2006).

Интерес к археологическому памятнику городище «Петровский городок» возникает в процессе разработки темы «Колонизационные процессы и заселение Нижнего и Поволжского Поволжья в XVI-XVIII вв.». Тема исследования строилась не только на письменных источниках, но и с привлечением археологического материала.

Повышенный интерес к данной теме вызван рядом причин, как-то: изменение геополитической ситуации в современной России, где территория Саратовская области стала приграничной зоной, что идентично ее состоянию периода XVI-XVIII вв. Кроме этого, письменные источники по данному периоду очень скудны. Саратовский государственный архив пострадал от пожара в конце 70-х годов двадцатого столетия, поэтому привлечение археологического материала очень важно и дает большие возможности для исследования. С конца 80-х годов усиленный интерес к такому типу археологических объектов стали проявлять «черные археологи». Своими «раскопками» они практически полностью уничтожают первоначальную картину памятника.

Исследования, связанные с заселением (колонизацией) Нижнего Поволжья, начаты еще академиком И.И.Лепехиным. Он отмечает, что «... нередко русские города возникали на древних инородческих городищах... сохраняли за собою и старые названия» (Лепехин И.И., 1781, с. 354). В период деятельности Саратовской ученой архивной комиссии возобновляются работы по исследованию истории заселения Нижнего Поволжья. В ряде публикаций, член СУАК А.Н.Минх указывает «... на существование в 1697-1719 годах сторожевой линии, состоявшей: из поселка Еткары, ныне города Аткарск..., города Петровска, поселений пахотных солдат: Казачье, Косолаповка, (Яруга), Гремячка и Лох,... эта линия продолжается дальше к востоку..., что она шла на села: Старые Бурасы, Алексеевку и Стригай, населенных пахотными солдатами» (Минх А.Н., 1888, с. 319).

В 1889 году еще один представитель Архивной комиссии С.А.Панчулидзе, собирая устные сказания о заселении Саратовского уезда, предоставил следующую информацию «П.В. Серков (волостной писарь) сообщает ..., что на расстоянии не более 1 ¹/₂ версты, к юго-западу от села Старые Бурасы, находится «городок» – насыпь из земли и камня, сажень 12 в диаметре и сажени 3-4 вышиной; кругом его, отступя от насыпи сажени 4, имеется вал, в окружности 120 сажень. Курган этот, называется в народе «городок», лежит по левую сторону речки Большой Медведицы, в 150 сажнях от Сонового оврага, на такой местности, откуда во все четыре стороны видно на весьма далекое пространство. ... в народе есть молва, что в старину на «городке» стоял маяк» (Минх А.Н., 1889, с. 26, 27). По всей видимости, это был сторожевой пост, периода XVII-XVIII вв. По визуальному осмотру городища «Петровский городок», его современного состояния, описание объекта, выявленного С.А.Панчулидзевым, практически идентично.

Планировка городища около с. Усть-Курдюм по спецификации П.А.Раппопорта имеет признаки «городища простого мысового типа, имеющие вал и ров только с напольной стороны, являются характерными не только для VIII-X вв., но и для более поздней поры. ... Характерным представителем этого типа является городище близ дер. Ободрово, ... от плато городище отделено валом: четко выраженного рва не имеется» (Раппорт П.А., 1956, с. 28, 29). Различные формы мысовой части вызывают появление то узких и длинных городищ, то, наоборот, широких. Принцип планировки оборонительной системы от этого не изменяется. «Петровский городок» также не имеет признаков рва в укрепленной части, а только вал, что придает ему широкую форму. Несмотря на все признаки, визуально городище нельзя датировать периодом X-XIII вв.

Для более четкого изучения вышеуказанного объекта в 2006 году были проведены археологические раскопки на северо-восточной части мыса, так как именно этот участок наиболее сильно подвергается разрушению посредством эрозийных процессов. Работы были проведены отрядом Учебно-научной археологической лаборатории Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского, при поддержке ГУК НПЦ по историко-культурному наследию области.

Раскоп общей площадью 48 м² имеет прямоугольную форму (8 м с севера на юг и 6 м с запада на восток) и примыкает к разведочному шурфу № 1 с севера, запада и востока. Всего он насчитывал 12 условных квадратов площадью 2х2 метра. Через каждые 4 метра оставлялись стратиграфические бровки в направлении север-юг и запад-восток. Грунт в раскопе разрабатывался вручную, тонкими вертикальными срезами по пластам толщиной 20 см с последующей зачисткой каждого пласта.

Стратиграфия памятника следующая: гумус – супесь темно-серого цвета (4-6 см), культурный слой (47-52 см) – суглинок серого цвета с участками вкрапления материкового грунта и норами землеройных животных. Материк – суглинок светло-серого цвета. Из общей стратиграфической картины можно выделить участок бровки I з.-в. – в квадрате № 7 над погребением № 5 фиксируются два пятна прокаленной глины размеры которых: 0,68х0,1 м и 0,52х0,1 м. Также подобные вкрапления есть на участке в квадрате № 1а шурфа 2005 года сразу под слоем гумуса. Вкрапления обожженной глины встречаются на восточном и южном борту раскопа в квадратах № 3, 4. На стратиграфической бровке I с.-ю. в квадрате № 6 видно пятно вертикального прокопа погребения № 3 шириной 0,82 м, состоящего из грунта серого цвета с вкраплениями светло-серого материкового грунта.

Материал, выявленный в культурном слое памятника, представлен в основном фрагментами неорнаментированной сероглиняной гончарной керамики, костями животных, несколькими коваными четырехгранными гвоздями и тремя обломками различных кованых изделий (пласт 0-20 см). В пластах 20-40 и 40-60 см гончарная керамика отсутствует, но выявлено небольшое количество фрагментов неорнаментированной лепной керамики, в основном покровского типа.

В результате проведенной работы на площади раскопа было выявлено пять разновременных погребений: три из них относятся к периоду финальной бронзы и два к периоду колонизации Нижнего Поволжья.

Погребение 2.

Погребение находится на глубине 1,44 м от 0R и 0,44 м от современной дневной поверхности (рис. 3). Глубина могильной ямы составляет 7-10 см в материке. Сохранность скелета хорошая. Труположение определяется по вектору юго-запад – северо-восток. Могильная яма имеет вытянутую эллипсоидную форму длиной 1,6 м и шириной 0,49 м (рис. 5). Скелет расположен на спине, черепом на юго-запад. Череп лежит практически в вертикальном положении, опираясь затылочной частью на стенку могильной ямы, соответственно лицевой частью он развернут на восток. Позвоночный столб немного вывернут, поэтому обе кости таза сдвинуты к юго-восточной стенке могильной ямы. Кости левой руки вытянуты вдоль северо-восточной стенки ямы и практически параллельны позвоночному столбу. Кости правой руки согнуты в локтевом суставе и находятся перпендикулярно позвоночному столбу. Кости левой ноги немного вывернуты и чуть согнуты в коленном суставе. Кости правой ноги вытянуты относительно юго-западной стенки могильной ямы. Ступни находятся выше уровня материка практически на краю ямы. При зачистке погребения обнаружен еще один череп (рис. 3, 4) расположенный над правой тазовой костью скелета, на юго-восточном краю могильной ямы. Череп сильно разрушен, правая височная, затылочная и часть теменной кости отсутствует. В 0,3 м к югу от черепа находится разрушенная бедренная кость и в 0,35 м

к северо-востоку обломки лучевой кости руки. Глубина местоположения черепа 1,21 м от 0R и 0,26 м от современной дневной поверхности. На верхней части правой лопатки скелета находился нательный крест.

Крест четырехконечный с прямоугольными концами и лучами, исходящими из средокрестия. Изготовлен из медного сплава, способом литья, нижняя оконечность обломана. Размеры 2,4x3 см. На лицевой стороне помещен рельефный восьмиконечный Голгофский крест с копием и тростью. Оглавие имеет вид ушка. Обратная сторона креста не читается. По аналогии данный крест относится к типу I нательных крестов XVII-XIX вв. Данный тип крестов сформировался во второй половине XVII в. (Станюкович А.К., Осипов И.Н., Соловьев Н. М., 2003) (рис. 5).

Погребение 3.

Расположено ниже уровня материка. При выборе заполнения могильной ямы на глубине 1,60 от 0R и 0,92 м от современной дневной поверхности обнаружена деревянная крышка домовины (гроба). Она составлена из трех деревянных досок и имеет прямоугольную форму длиной 1 м, шириной 0,5 м и толщиной 4 см. Сохранность дерева хорошая. В части крышки, находящейся ближе к северо-восточному краю могильной ямы, фиксируется шляпка кованого металлического гвоздя. Под крышкой в домовине (гробу) был обнаружен скелет ребенка. Скелет лежит вытянуто на спине, черепом на юго-запад, таким образом, погребенный располагается на векторе юго-запад – северо-восток. Череп скелета расколот по венечному шву, поэтому лицевая часть черепа, находится на затылочной. Кости рук согнуты в локтевых суставах и расположены на костях грудной клетки скелета. Кости ног вытянуты и параллельны друг другу. На скелете сохранились большие фрагменты истлевшей ткани, по которым можно судить, что погребенный был в нее завернут (рис. 6). Ступни ног находятся в кожаной обуви хорошей сохранности. Края обуви обшиты войлоком подошва гладкая, изготовленная из кожи (рис. 7). На дне ложа домовины (гроба) фиксируется подстилка из соломы.

Ложе домовины (гроба) имеет корытообразную форму, с двух сторон закрытую полукруглыми стенками, закрепленными в желобах, прорезанных в ложе. Обе стенки отступают от края ложи на 3,5 см, толщина стенок 5 см, ложи – 4,5 см. Среди костей грудной клетки скелета обнаружен нательный крест.

Крест четырехконечный, изготовленный из медного сплава, размерами 4x2 см. На лицевой стороне – рельефное изображение восьмиконечного Голгофского креста с копием и тростью по сторонам, поверхность покрыта синей эмалью. Над крестом надпись **ЦРЬ СЛВЫ** (Царь Славы) в две строки под титлами, по сторонам креста – монограммы под титлами: над основной перекладиной **IC XC**, под ней – **СИЪ БЖИИ** (Сын Божий) под титлами. Оглавие выполнено в виде бусины с венцом вверху. Обратная сторона креста не читается.

Нательные кресты этого типа различных размеров в XVIII-начале XX в. являлись массовой продукцией. На оборотной стороне крестов обычно воспроизведен текст псалма 67 «Да воскреснет бог». По номенклатуре мастеров-литейщиков крест относится к так называемым «крупным мужским» (Станюкович А.К., Осипов И.Н., Соловьев Н. М., 2003) (рис. 7).

По нательным крестам можно примерно датировать появление и существование городища «Петровский городок» как оборонного пункта – это начало XVII в.-конец XVIII в. Один очень интересный факт подмечает А.Н.Минх в описании «городка» у с.Старые Бурасы «... один из крестьян – Абрам Родионов – усиленно производил раскопки *городка*, с целью отыскания клада... Этот же искатель кладов передает, что он докопался до человеческого скелета» (Минх А.Н., 1898). На городище «Петровский городок» выявлены два скелета – детский и взрослый, хотя погребение рядом с жильем

не характерно для русских поселенцев. Кладбище обычно находилось за оградой укреплений и городов.

Второй аспект изучения вышеуказанного памятника археологии – это погребения эпохи финальной бронзы, ивановского типа.

Погребение 1.

При разработке пласта в юго-восточном углу квадрата 9 на глубине 0,93 м от 0R и 0,14 м от современной дневной поверхности было выявлено погребение 1 (рис. 2; 1). Само погребение находится практически под дерновым слоем, выше уровня материка. Конструкция могильной ямы не фиксируется. Скелет погребенного полностью разрушен. От погребенного фиксируется только раздавленный череп, расположенный на векторе северо-запад – юго-восток. Лицевой частью череп развернут на юго-запад. Часть теменной кости от венечного шва отсутствует. Затылочная кость находится на глубине 1,07 м от 0R, 0,14 м от современной дневной поверхности. Нижняя челюсть отсутствует. В 2 см от верхней челюсти находится фрагмент черепной коробки, а в 20 см расположена раздробленная лучевая кость руки на глубине 0,98 м от 0R. В 38 см к юго-западу, на глубине 1,04 м от 0R фиксируется позвонок грудного отдела позвоночного столба. Человеческих костей и их фрагментов в разработанном пласте больше не найдено. Погребальный инвентарь отсутствует. Фактически, более позднее христианское погребение 2 полностью разрушило погребение 1 и по имеющимся останкам нельзя определить дату первого погребения. Поэтому отнести его к более раннему времени чем погребения 2 и 3 можно только по состоянию костей черепа (рис. 3).

Особый интерес представляют погребения 4 и 5.

Погребение 4

Находится ниже уровня материка. В процессе разработки заполнения погребения было обнаружено тридцать четыре обгоревших фрагмента и обломка костей животных, а также древесный уголь и не орнаментированный фрагмент тулова лепного сосуда. Дальнейшая расчистка погребения показала, что заполнение могильной ямы неоднородно. В северо-западном углу погребения грунт хорошо обожжен на участке 83x108 см. Практически у северной стенки ямы находились остатки кострища, фиксируемые по обожженному дереву размерами 42x4,5 см, находящегося на глубине 1,62 м от 0R и в 18 см от материка. Вокруг участка прокала, на разных глубинах от 1,86 до 1,96 от 0R выявлены скопления древесного угля и обожженных обломков костей животных.

Могильная яма имеет подпрямоугольную форму с закругленными углами длиной 2,20 м, шириной 1,75 м. Стенки практически отвесные, очень сильно перерыты норами землероев, дно ровное с участками, покрытыми органической фракцией белого цвета (рис. 3, 10).

Скелет погребенного находится на глубине 2,09 м от 0R и 0,73 м от материка. Погребенный покоится в скорченном положении на правом боку. Труположение по вектору север – юг, черепом на юг. Скелет плохой сохранности. Череп полностью разрушен и сильно обожжен. Лучевые, локтевые кости и кости кистей отсутствуют, сохранились только плечевые кости рук, расположенные практически вдоль позвоночного столба. Верхний эпифиз плечевых костей обожжен. Кости грудной клетки и позвонки также сильно обожжены. Правая и левая тазовые кости, а также позвонки поясничного отдела уничтожены, видимо в процессе горения. Кости ног согнуты в коленях на 45 градусов относительно позвоночного столба. Бедренная кость левой ноги практически касается коленным суставом восточной стенки могильной ямы. Кости обеих ступней вытянуты и параллельны линии позвоночного столба. В 12 см к югу от черепа погребенного, на дне могилы стоит сероглиняный лепной сосуд. За сосудом в норе выявлен обожженный фрагмент черепа (рис. 3, 8).

Сосуд округлобокий с утолщенным воротничком, на шейке косою ряд линзовидных насечек. На тулове видны следы грубого сглаживания. В изломе фактура теста рыхлая с примесью шамота. Обжиг неравномерный, отчего его поверхность пятнистая. На дне в заполнении сосуда выявлена волокнистая субстанция. Высота сосуда 14,5 см, диаметр венчика 14 см. Диаметр дна 7,4 см (рис. 9).

Погребение 5.

Определяется на глубине 1,92 м от 0R и 0,58 м ниже уровня материка. Заполнение погребения представляет собой суглинок темно-серого цвета с крупными фрагментами прокаленной глины. В процессе расчистки погребения встретились несколько обожженных фрагментов костей животных, а также два неорнаментированных обломка лепной керамики. Могильная яма имеет подпрямоугольную форму с сильно закругленными углами и небольшим расширением к юго-западному краю. Ширина 1,26 м, длина 1,9 м, глубина от уровня материка – до 0,55 м. Стенки погребальной ямы практически вертикальные, частично поврежденные норами землеройных животных. Дно плоское, мелованное с небольшим уклоном в 10 см к северо-восточной стенке (рис. 11).

Умерший погребен на правом боку в сильно скорченном положении, по вектору северо-восток юго-запад, черепом на юго-запад. Местоположение скелета ближе к юго-восточной стенке могилы. Кости левой руки согнуты в локтевом суставе и образуют острый угол, таким образом, локтевая и лучевая кости расположены перед лицевыми костями черепа. Кости же правой руки согнуты в локтевом суставе образуя тупой угол, лучевая кость практически касается бедренной кости правой ноги. Кости ног сильно согнуты и образуют острый угол относительно позвоночного столба. Бедренная кость левой ноги лежит на бедренной кости правой ноги (рис. 11).

В 5 см к юго-западу от черепа расчищен раздавленный лепной сосуд. После реставрации его можно охарактеризовать как сероглиняный округлобокий лепной сосуд, с S – образным чуть приостренным венчиком. По шейке проходит налепной валик с двумя опускающимися усиками и орнаментированный рядом линзовидных косых насечек. В изломе фактура рыхлая, с примесью шамота. Высота сосуда 15,7 см, диаметр венчика 15 см. Диаметр дна 10 см (рис. 12).

Сосуды из погребений 4 и 5 по всем своим признакам несомненно относятся к ивановской культуре, входящей в общность культур валиковой керамики (ОКВК). Погребение с аналогичным обрядом и валиковым сосудом впервые стало известно при раскопках курганного могильника Быково I в Волгоградском Заволжье – умерший был положен на левый бок, скорченно, головой на юго-восток (кург. 15, погр. 3) (Смирнов К.Ф., 1960, с. 211).

Практически идентичные грунтовые погребения были обнаружены П.Ф.Кузнецовым в Самарской области у с. Утевка рядом с курганами VI Утевского могильника. Одно из этих погребений позволило установить обрядовые особенности ивановских захоронений: положение погребенных скорченно, на правом боку, головой в юго-восточный сектор (Колев Ю.И., 2000, с. 256). Погребения 4 и 5 из грунтового могильника Петровский городок подтвердили существование устойчивого погребального обряда ивановской культуры: грунтовые могильники, правобочное положение, ориентировка в юго-восточный сектор. Подобное положение погребенных, чрезвычайно редко для эпохи поздней бронзы – по данным А.И.Крамарева, из 2200 учетных им погребений срубной культуры Поволжья правобочное положение погребенных встречается менее чем в 2% случаев (Древние культуры..., 2007, с. 165).

Изучение археологического памятника городище «Петровский городок» можно рассматривать в двух аспектах: как памятник периода колонизации Поволжского региона, что доказывает наличие укреплений и погребения периода XVII- XVIII вв., и как погребальный памятник ивановской культуры. Уникальность его состоит в том, что

именно при раскопках этого объекта выявлены единственные пока в Саратовской области погребения ивановской культуры финальной бронзы.

Литература

- Древние культуры и этносы Самарского Поволжья.* Самара, 2007.
- Колес Ю.И.* Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.
- Кубанкин Д.А., Малышев А.Б., Тугушев П.Е.* Разведки на севере Саратовского района Саратовской области в 1998-2005 г. // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2006. Вып. 7.
- Малышев А. Б.* Отчет об археологических разведках в окрестностях села Усть-Курдюм, от устья реки Курдюм до деревни Расловка Саратовского района Саратовской области в 1999 году. Саратов, 2000. Архив УНАЛ СГУ
- Лепехин И.И.* Ученые путешествия. СПб, 1781. Т. III.
- Минх А.Н.* Материалы для истории заселения Саратовского уезда // Тр. СУАК, 1889. Вып I, т. II.
- П. А. Раппопорт.* Очерки по истории русского военного зодчества X-XIII вв. // МИА, 1956. № 52.
- Смирнов К.Ф.* Быковские курганы // МИА, 1960 г. № 78.
- Станюкович А.К., Осипов И.Н., Соловьев Н. М.* Тысячелетие креста. Произведение русской христианской металлопластики X-XX веков из частных собраний. М., 2003.
- Тугушев П.Е.* Отчет об археологических разведках 2005 года в Саратовском районе Саратовской области. Саратов, 2006. Архив УНАЛ СГУ.

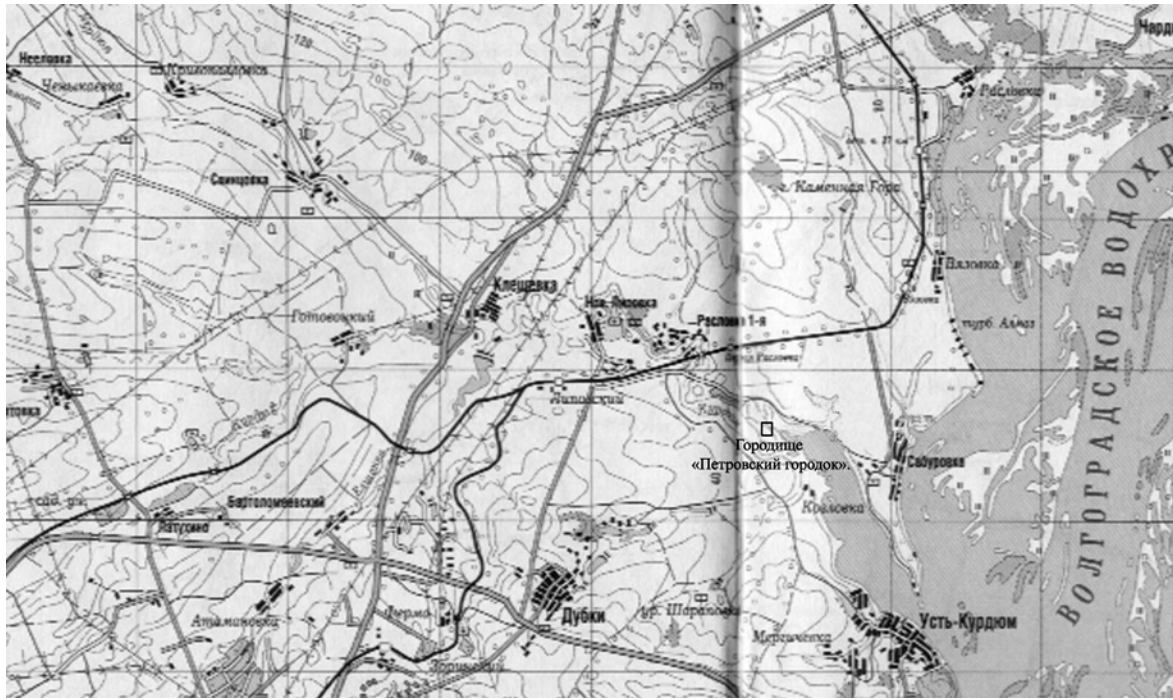

Рис. 1. Городище «Петровский городок» на карте Саратовского района

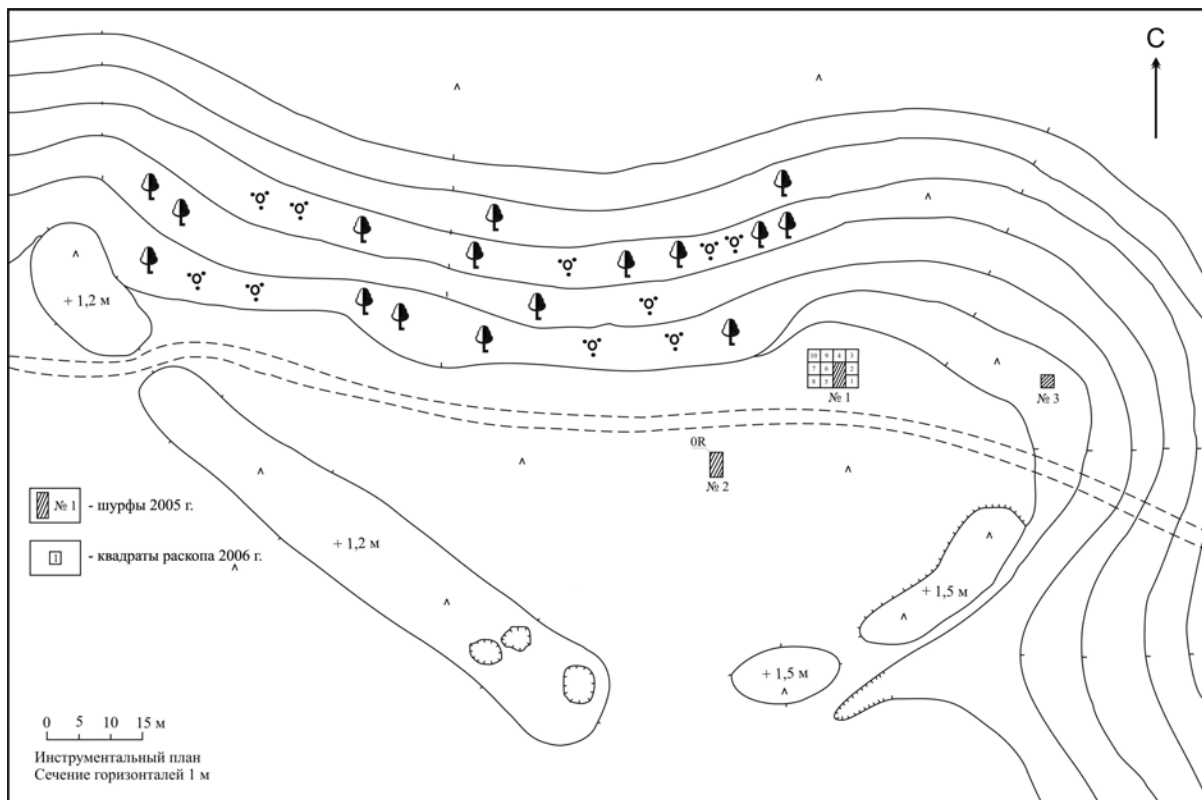

Рис. 2. План городища «Петровский городок» с шурфами 2005 г и раскопом 2006 г.

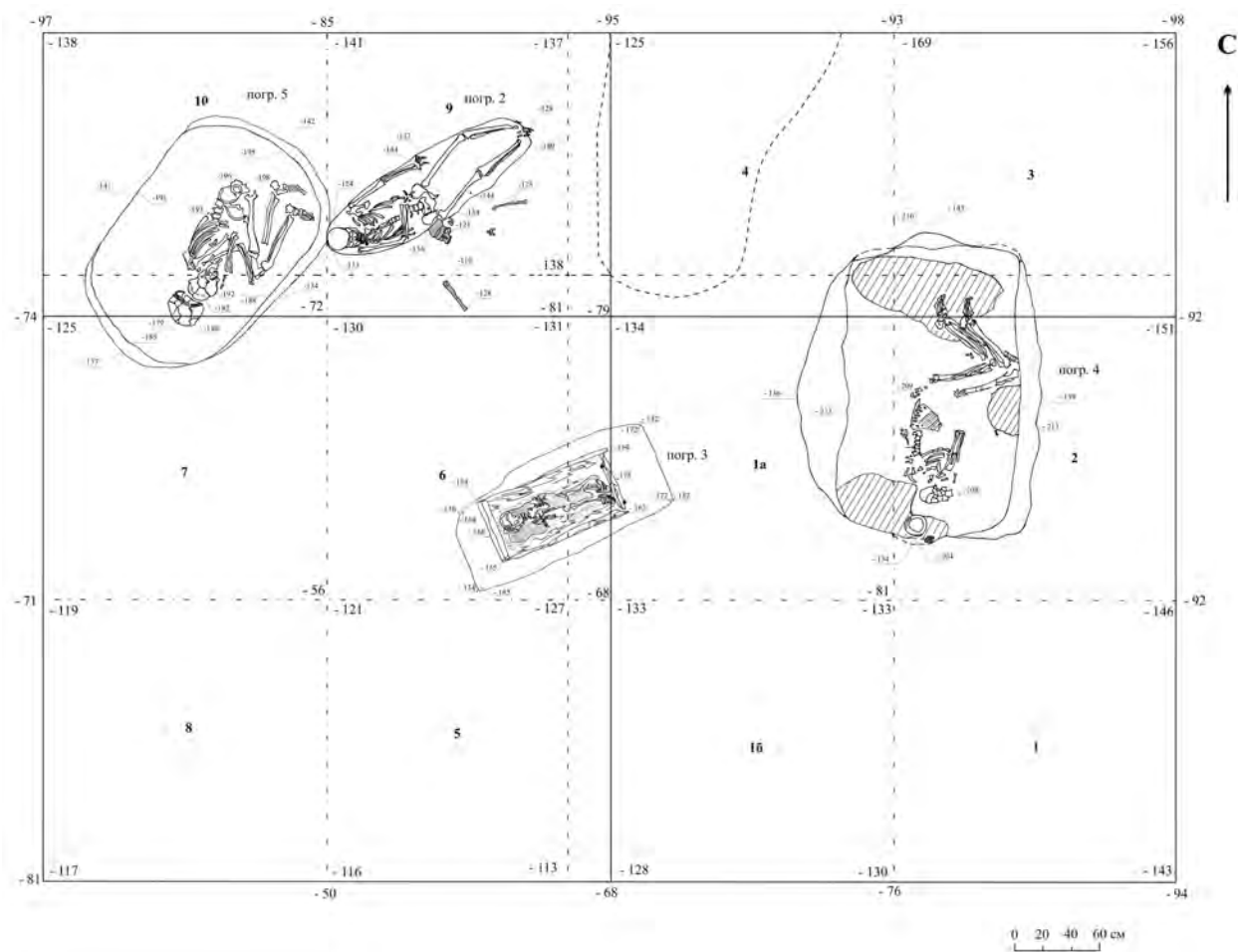

Рис. 3. Городище «Петровский городок»: план раскопа 2006 г.

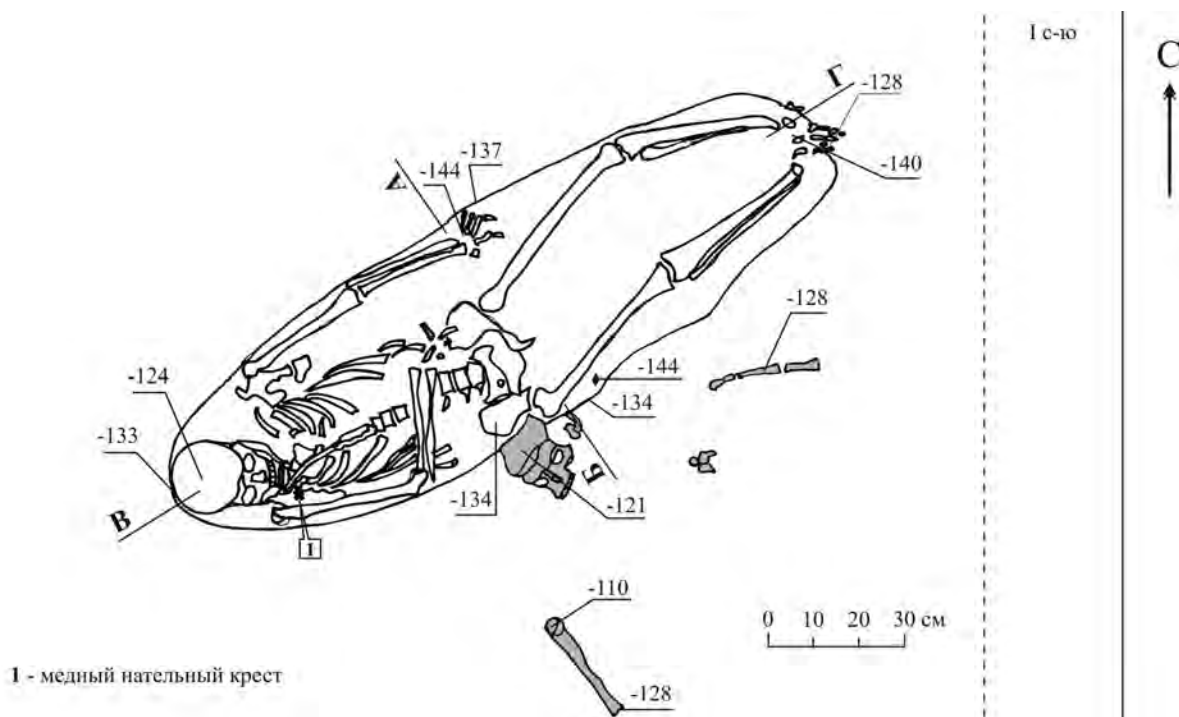

Рис. 4. Городище «Петровский городок»: погребения 1 и 2.

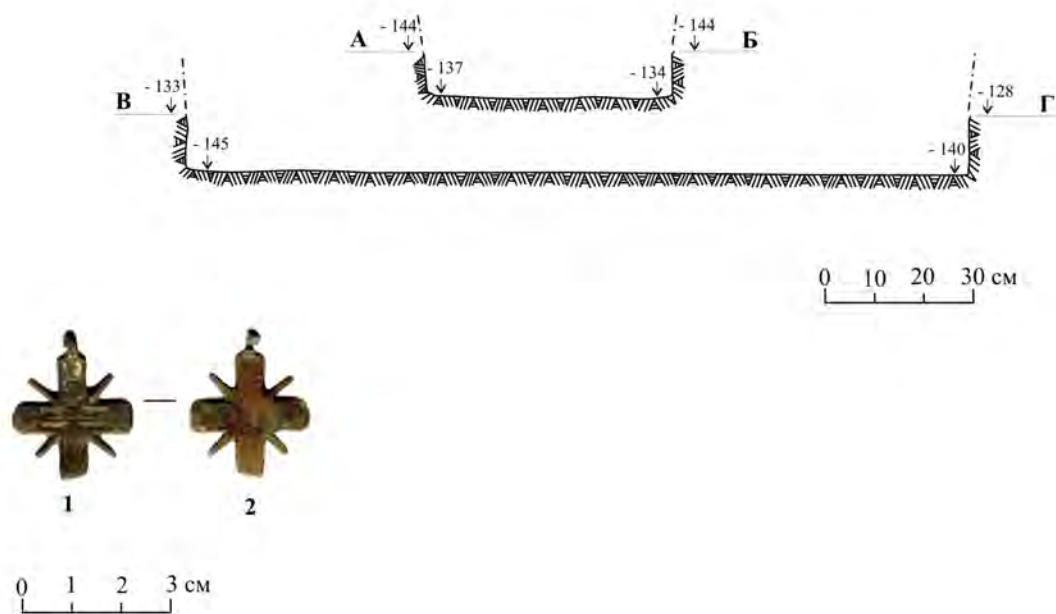

Рис. 5. Городище «Петровский городок»: профили погребения 2. 1 – лицевая сторона нательного креста из погребения 2, 2 – оборотная сторона нательного креста из погребения 2

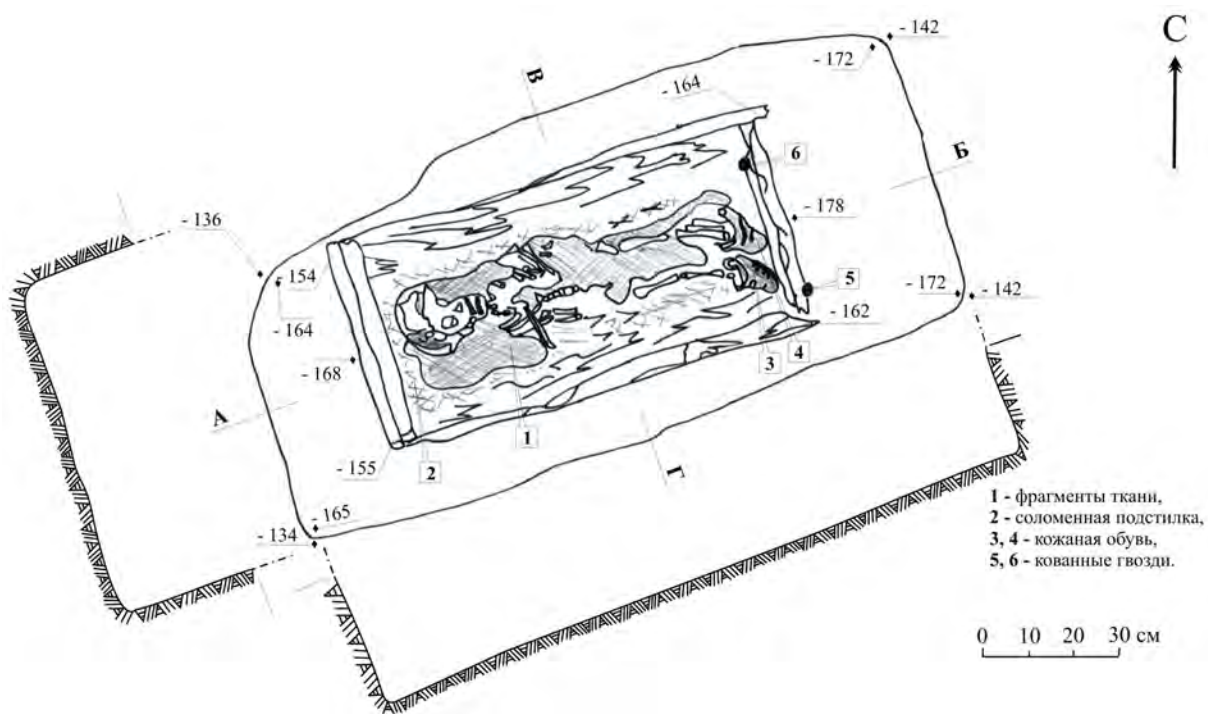
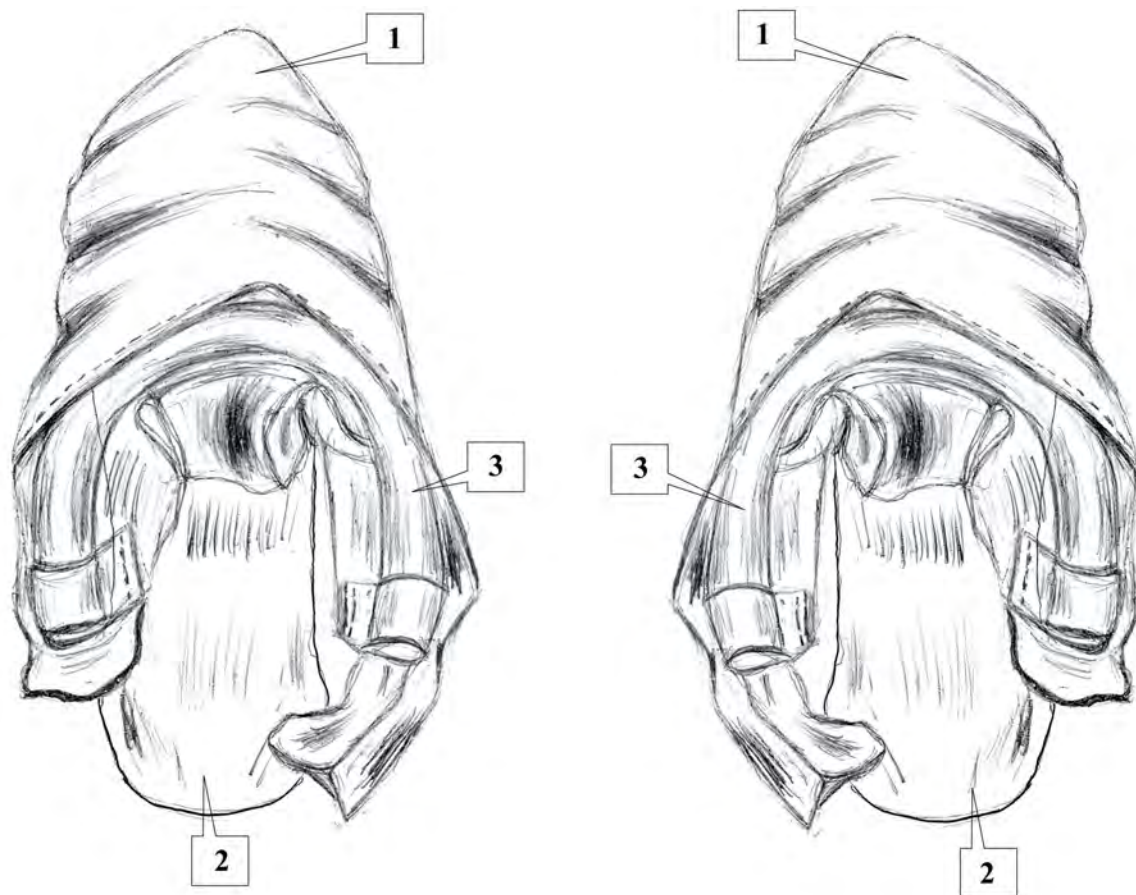

Рис. 6. Городище «Петровский городок»: план и профили погребения 3

0 1 2 3 см

Рис. 7. Городище «Петровский городок»: кожаная обувь из погребения 3. 1 – лицевая сторона нательного креста из погребения 3, 2 – оборотная сторона нательного креста из погребения 3

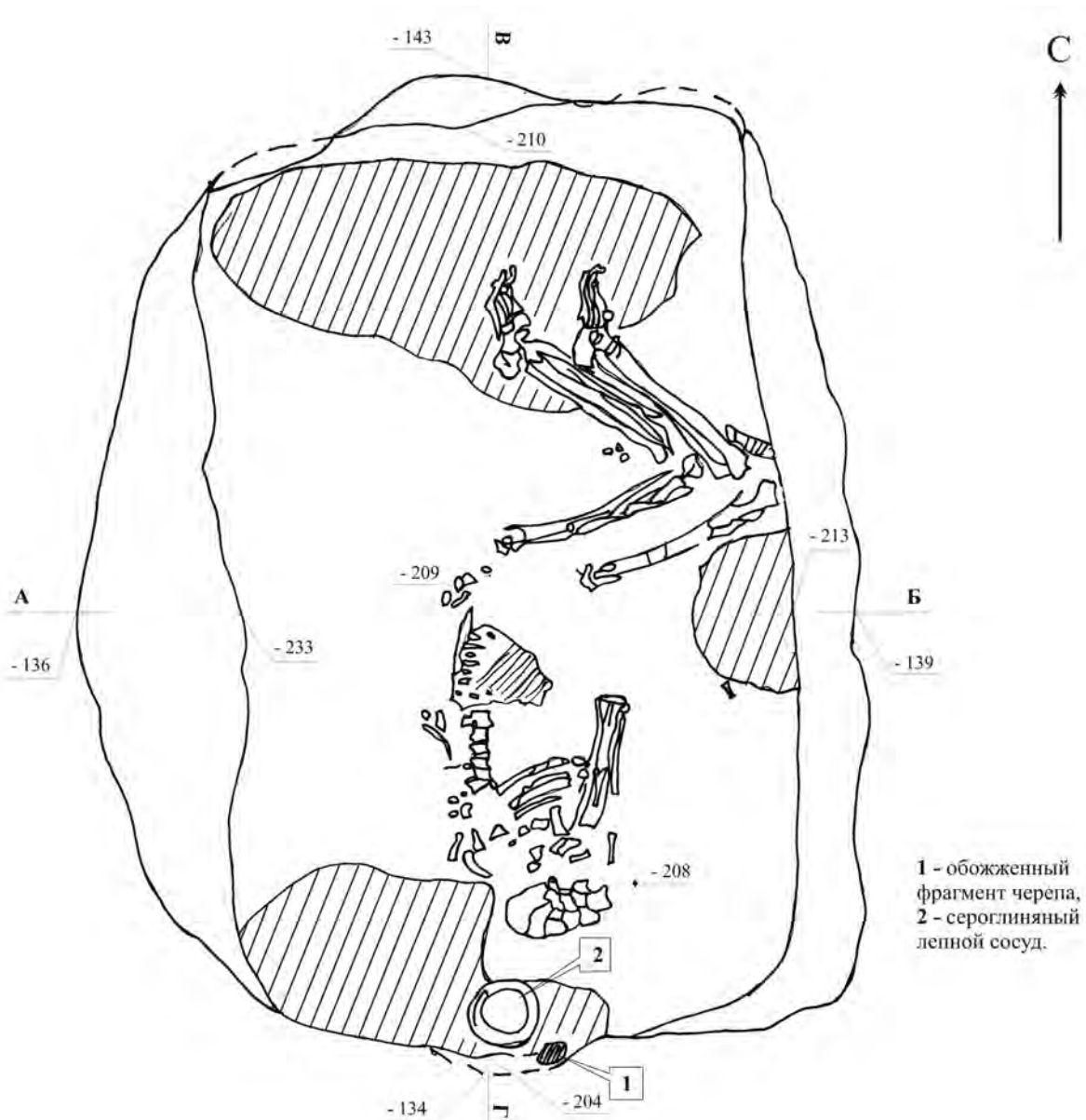

Рис. 8. Городище «Петровский городок»: план погребения 4

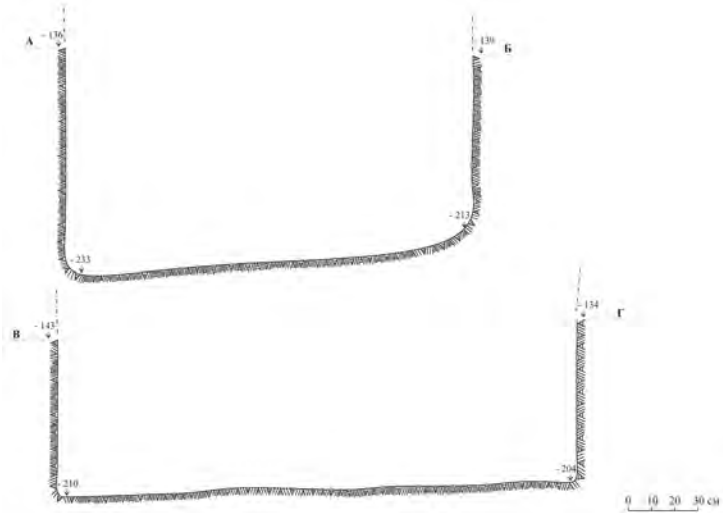

Рис. 9. Городище «Петровский городок»: профиль погребения 4

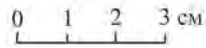
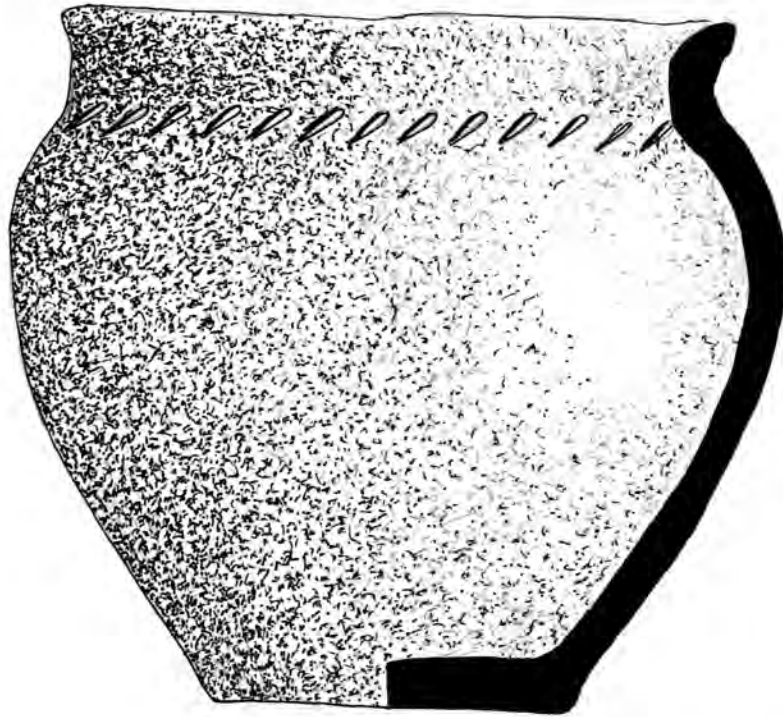

Рис. 10. Городище «Петровский городок»: сосуд из погребения 4

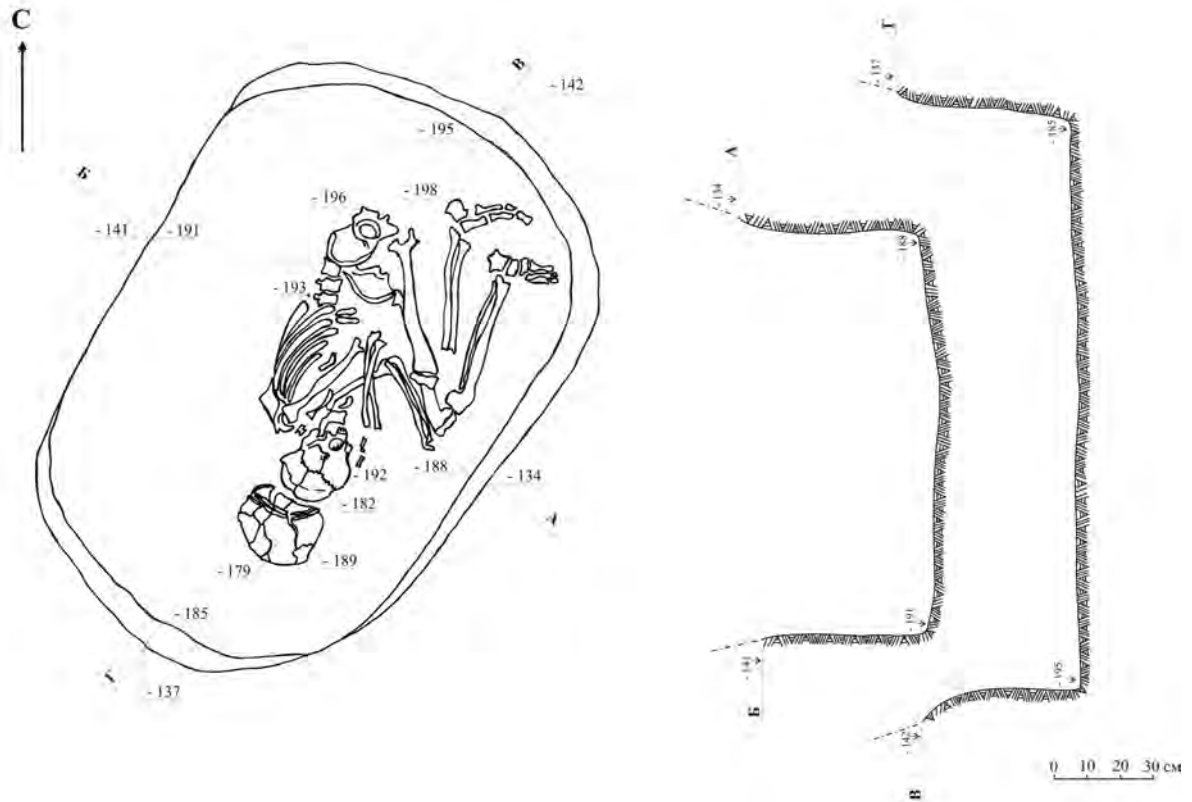
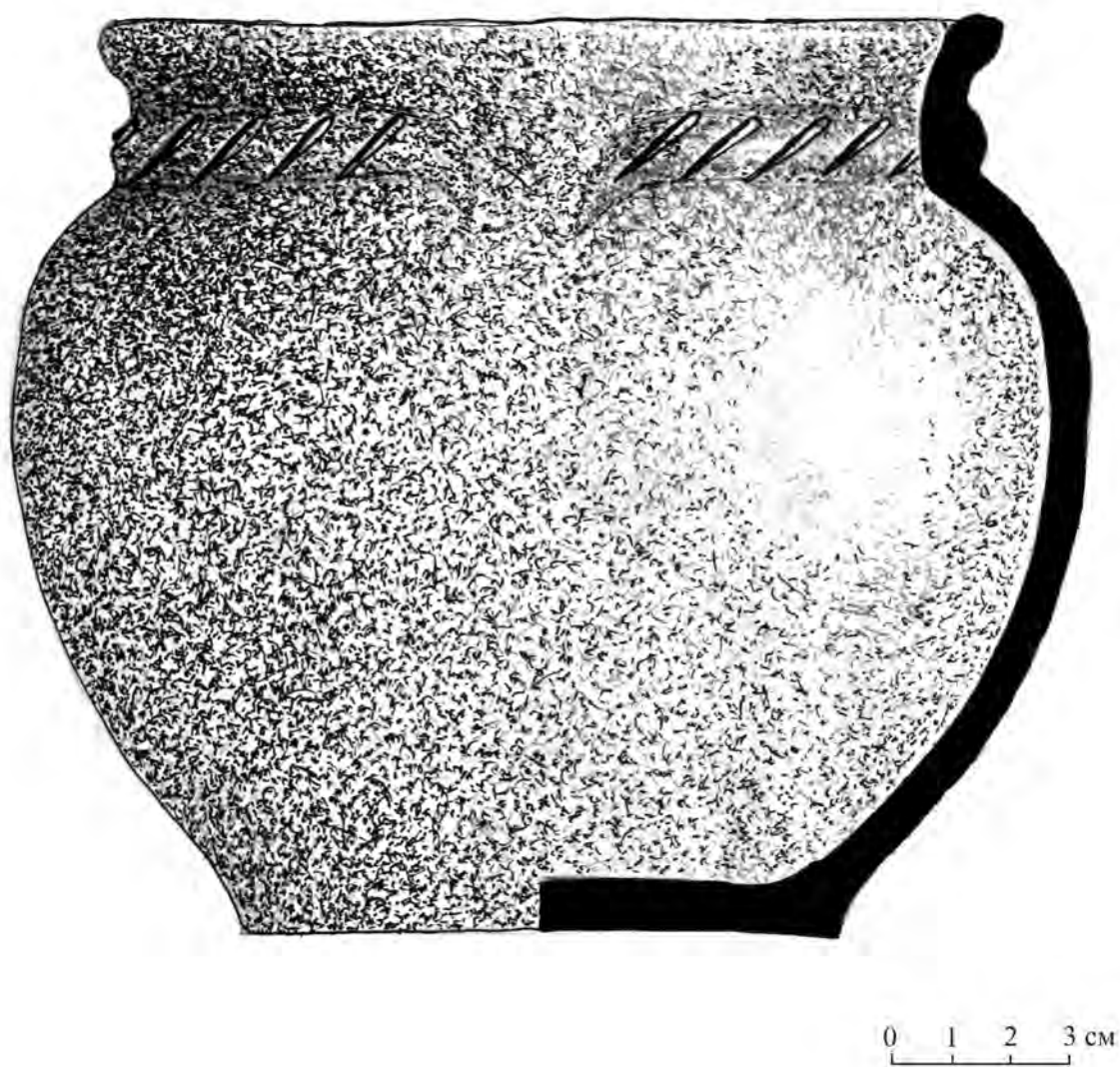

Рис. 11. Городище «Петровский городок»: план и профиль погребения 5

Рис. 12. Городище «Петровский городок»: сосуд из погребения 5

А.А.Хреков, И.Н.Дьяченко

ПОСТЗАРУБИНЕЦКАЯ СТОЯНКА У с.РЕПНОЕ

Первое «исследование» стоянки у с.Репное начали кладоискатели. Так, в протоколах Саратовской учёной архивной комиссии за 1887 год сообщается: «В лесу, принадлежащем крестьянам села Репное Балашовского уезда находится несколько курганов под названием Пупки, Крутицы, Пески и другие. По преданию на Крутицах жил Разбойник Кудеяр, он же будто вырыл Пупки, где погребена его жена. Крестьяне рыли эти курганы, отыскивая клады, но особенного ничего не нашли, кроме углей на Пупках и горшечных черепков на Песках» (Народные..., 1994, с. 37).

В 1930 году, во время экспедиции по Хопру, выдающийся саратовский археолог профессор П.С.Рыков на месте «Песок» открыл древнюю стоянку, которую датировал эпохой бронзы¹.

Повторное открытие и исследование стоянки произошло в 1980 г. (Хреков А.А. 1980, с. 92). Полученный материал позволил автору раскопок отнести её к раннему железному веку.

В настоящее время восточная часть памятника уничтожена сельской свалкой, где в разные годы на интенсивно разрушающейся поверхности членами археологического кружка Станции юных туристов и студентами Балашовского института Саратовского государственного университета собрана коллекция керамики и другие артефакты, представляющие значительный интерес для истории Прихопёрья.

Стоянка расположена на дюне, в 900 м к востоку-юго-востоку от с.Репное Балашовского района Саратовской области, за старицей Хопра (рис 1, А). Стоянка вытянута с востока на запад более чем на 120 м, ширина ее 65 м. Поверхность ровная, открытая. Растительный покров слабый. Пологие склоны возвышаются над уровнем поймы на 3-3,5 м. Практически со всех сторон стоянка окружена лесом, лишь с запада ограничена берегом старицы Затона.

В 1980 г. для исследования культурного слоя на восточной окраине дюны был заложен небольшой раскоп размером 4х2м (рис. 1, Б). Культурный слой состоял из тонкой дерновой прослойки 3-5 см, серой супеси 20-25 см и материка – жёлтого речного песка.

В центре раскопа на глубине 20 см от «0» репера обнаружено кострище овальной формы размером 150х130 см, глубиной 7-10 см, состоящее из угольков, золы, костей животных и мелких фрагментов керамики. Из 140 фрагментов – 8 венчиков, 10 днищ, остальные стенки сосудов. По назначению керамика делится на кухонную (грубую лепную) и столовую (лощёную) посуду.

Кухонная посуда сделана из грубого теста, в качестве примесей использованы крупные зёрна шамота и, иногда, небольшая примесь песка. Поверхность сосудов нередко носит следы небрежного сглаживания пальцами или щепой. На двух фрагментах

---

¹ Архив ИИМК РАН. Ф. 2, Оп. 1, Д. 795.

зафиксирована хроповатая поверхность (рис. 2, 5) и штриховка (рис. 2, 8). Орнаментация наносилась на край венчика сосуда и состояла из пальцевых защипов и вдавлений (рис. 2, 1-2). Судя по обнаруженным венчикам, стенкам и днищам основу керамического комплекса составляли в разной степени профилированные горшковидные сосуды с плоским дном. Форма сосудов полностью не реконструируется. Единичными экземплярами представлены фрагменты от прямостенной чаши и миниатюрного баночного сосуда (рис. 2, 5, 9).

В группе лощёной керамики выделяются немногочисленные фрагменты стенок и два венчика (рис. 2, 3, 11), видимо, от горшков или мисок. Лощёная посуда изготавливалась из плотного теста с примесью белой крошки. Поверхность тёмно-серого и серого цвета.

Среди хозяйственных и бытовых предметов отметим: заготовку пряслица на стенке грубого сосуда (рис. 2, 7), круглую железную пряжку с подвижным язычком (рис. 2, 13) и абразив (рис. 3, 5).

Небольшая коллекция грубой лепной керамики собрана в районе свалки, где культурный слой нарушен бульдозерной траншеей. Здесь же обнаружена и исследована хозяйственная яма (рис. 1, 13).

Размеры ямы по верху 110x120 см, глубина в материке 65-70 см. Стенки ямы ступенькой сужались к линзовидному дну. Размеры дна 85x73 см. Заполнение – серовато-коричневый песок с включениями отдельных угольков, кальцинированными косточками и фрагментов грубой (3 венчика, 2 днища, 5 стенок) и лощёной (1 днище, 1 стенка) керамики (рис. 3, 1-3). Грубая керамика представлена фрагментами от более или менее профилированных горшковидных сосудов. Лощёная видимо принадлежала миске.

Сравнительный анализ керамического комплекса стоянки у с.Репное позволяет синхронизировать его, в самом предварительном плане, с постзарубинецкими и раннекиевскими памятниками Днепро-Донского лесостепного междуречья (Обломский А.М., 2003, с. 20) и Прихопёрья (Хреков А.А., 1997, с. 332], характерной чертой которых является сочетание разнообразных груболепных горшков в наборе кухонной посуды и лощёных мисок – в столовой.

Уточняет дату стоянки круглая железная пряжка (рис. 1, 13) диаметром 2,1 см. Язычок плоский, удлинённо-подтреугольной формы. Рамка утолщена в передней части. Наиболее ранние подобные пряжки известны в комплексах Центральной Европы позднего предримского периода (тип С 13 Р) (Madyda-Legutko R., 1986, s. 18). Приблизительно тогда же они появляются на Северном Кавказе (Абрамова М.П., 1993, с. 83, рис. 27, 1-5). А.С.Скрипкин отнёс железные кольцообразные пряжки к VI хронологической группе, т.е. к периоду I-IV вв. н.э. (Скрипкин А.С., 1984, с. 57-58). В центральных районах Северного Кавказа такие пряжки были ведущим типом для I-перв. пол. III в, но в целом они существовали до IV в. включительно (Абрамова М.П., 1998, с. 209-211, 222-223). С учётом характерного комплекса постзарубинецкой керамики вероятное время стоянки будет укладываться в рамках III века н.э.

Интересная коллекция постзарубинецкой лепной керамики была обнаружена на берегу Затона в 437 м на запад-северо-запад. Это фрагменты (4 венчика, 3 стенки) от грубых и заглаженной поверхностью горшковидных сосудов (рис. 3, 6-8), а тесто имеет мелкие примеси шамота.

Помимо постзарубинецкой на берегу была собрана круговая древнерусская керамика. В основном это стенки и днища сосудов, украшенные линейно-волнистым орнаментом (рис. 4, 1-3, 5-9). Единственный венчик принадлежит горшковидному сосуду с невыделенной шейкой или чаше. Судя по собранной здесь же красноглиняной золотоордынской керамике весь комплекс, видимо, датируется второй половиной XIII-XIV вв. Подобная керамика довольно широко представлена на древнерусских памятниках При-

хопёрья (Хреков А.А., 1994, с. 109). Можно предположить, что возникновение поселения на территории современного села Репное относится к древнерусскому времени.

Литература

- Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э.-IV в. н.э.) М., 1993.
- Абрамова М.П.* Хронологические особенности северокавказских пряжек первых вв. н.э. // МАИЭТ, 1998. Т. VI.
- Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии.* Саратов, 1994.
- Обломский А.М.* Днепровское лесостепное левобережье в позднеримское и гуннское время. М., 2003.
- Скрипкин А.С.* Нижнее Поволжье в первые века н.э. Саратов, 1984.
- Хреков А.А.* Исследования на Хопре // АО – 1980. М., 1981.
- Хреков А.А.* Древнерусские поселения лесостепного Прихопёрья // Материалы научно-практической конференции по проблемам археологического наследия. Саратов, 1994.
- Хреков А.А.* Раннеславянские памятники лесостепного Прихопёрья (вопросы хронологии и культурной принадлежности) // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Тр. VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 3.
- Madyada-Legutko R.* Die Guertelschallen der Romischen Keiserzeit und der früheren Volk-erwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum // British Archeological Research International Series 360. Oxford, 1986.

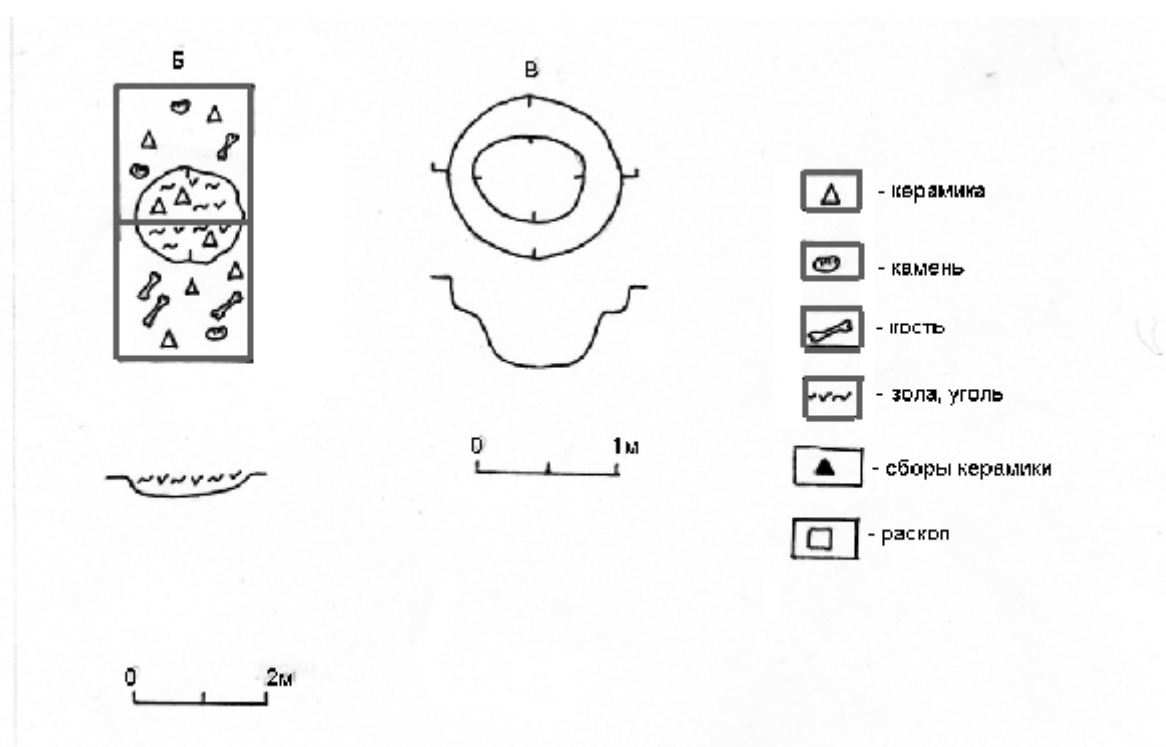
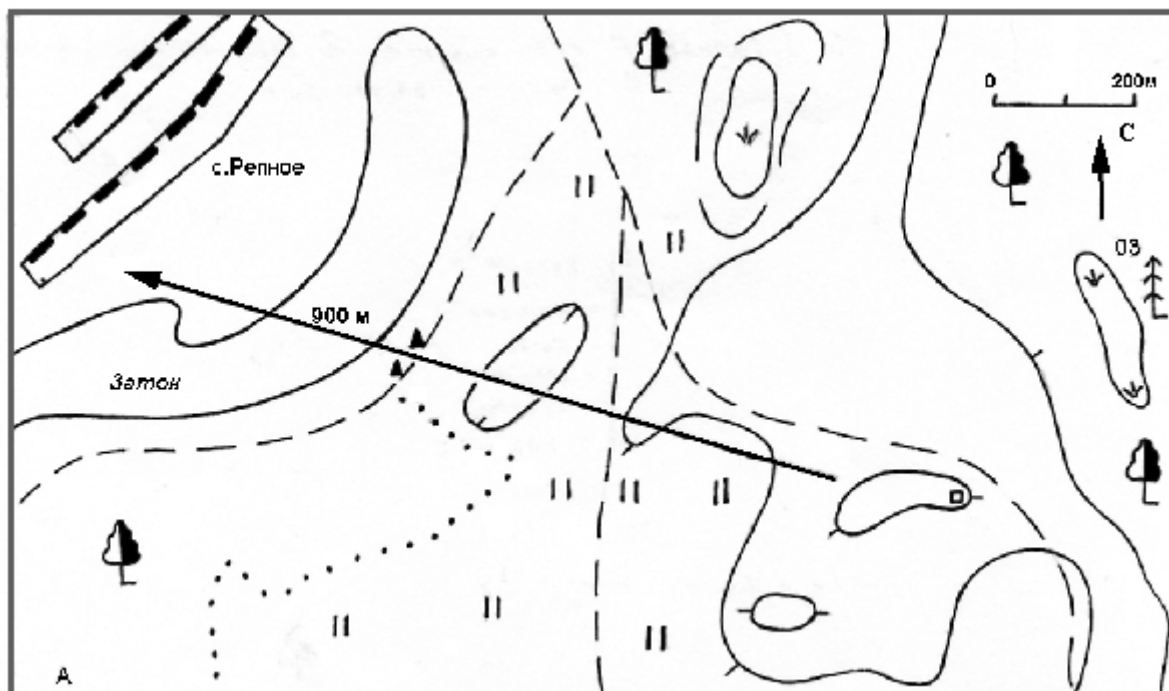

Рис. 1. Репное. А – план стоянки; Б – план шурфа и кострища; В – план и профиль ямы

Рис. 2. Репное. 1-12, 14-16 – постзарубинецкая керамика; 13 – пряжка железная

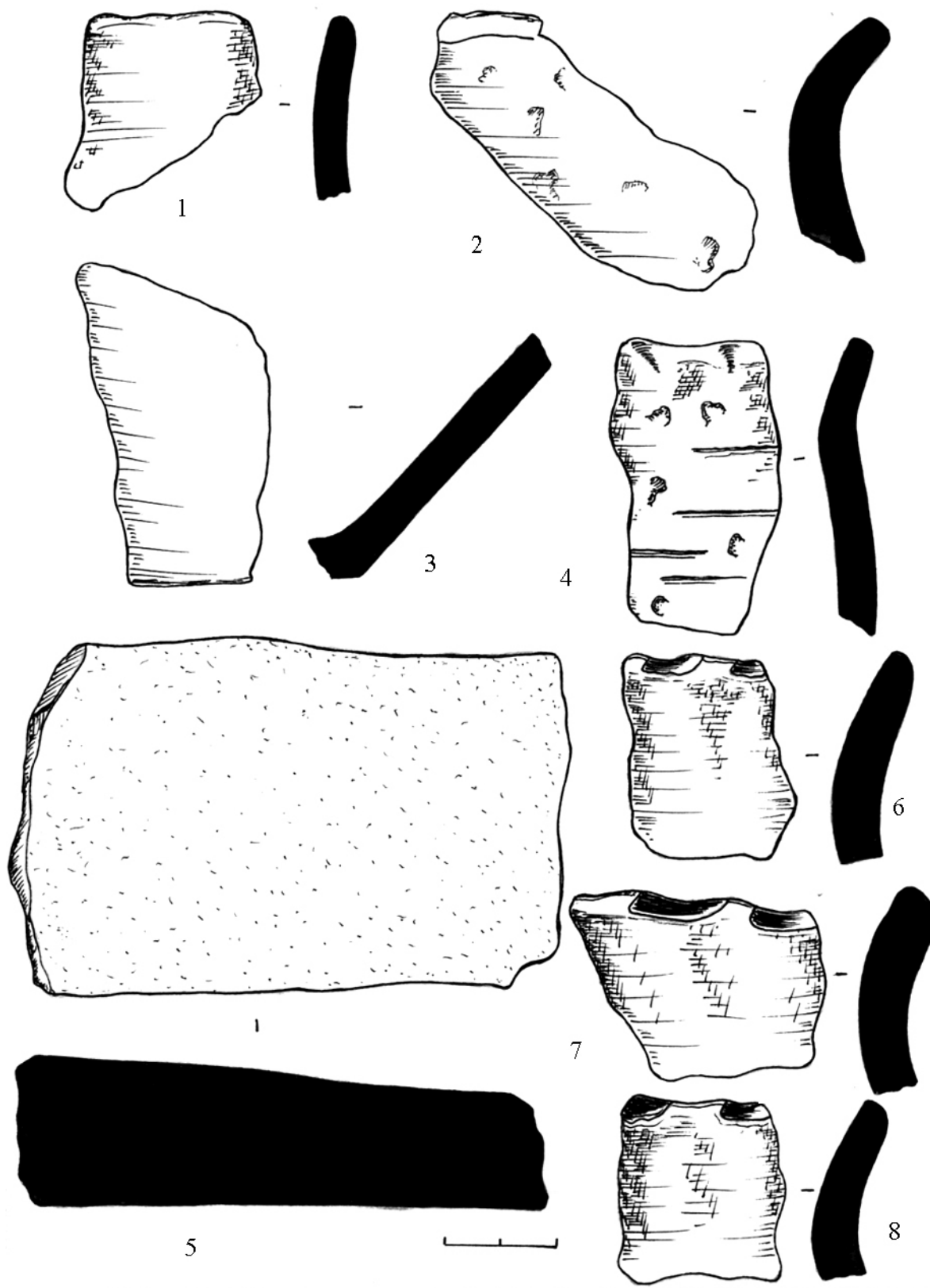

Рис. 3. Репное. 1-4, 6-8 – постзарубинецкая керамика; 5 – камень

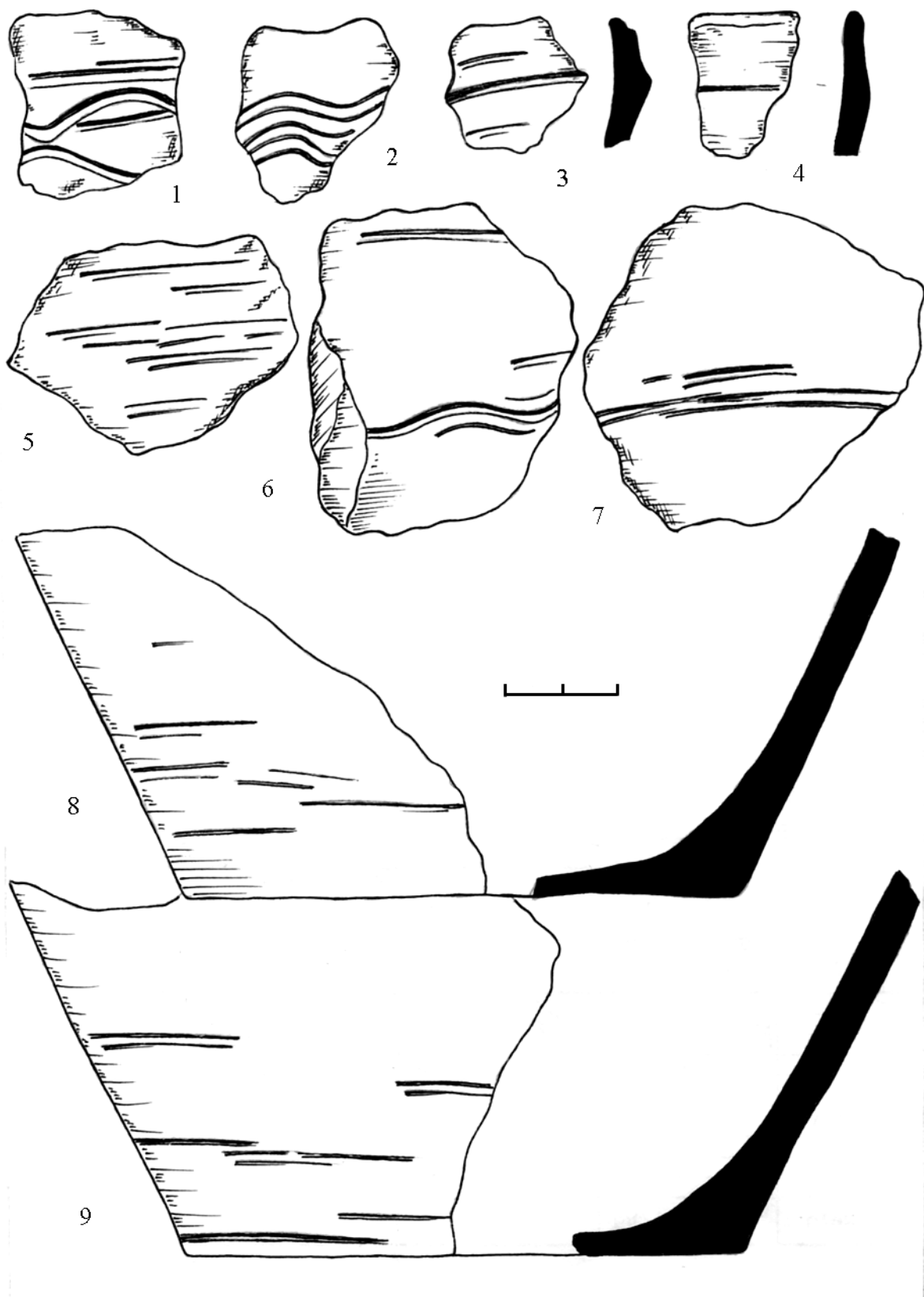

Рис. 4. Репное. 1-9 – древнерусская керамика

Р.А. Сингатулин

**ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ НА ТЕРРИТОРИИ
УВЕКСКОГО ГОРОДИЩА В 2006 г.**

В 2006 году экспедицией Педагогического института СГУ были проведены охранно-спасательные работы в посёлке Увек Заводского района г. Саратова. В посёлке проводилось сооружение противооползневой системы отвода грунтовых вод и строительство линии водоснабжения в частом жилом секторе. Заказчиком строительства водовода выступила Администрация г. Саратова и Управление по инженерной защите города. Исполнителем строительных работ выступили НПО «Геофизика», ЗАО ПМК-14 и кооператив, организованный из числа местных жителей. Общая длина траншеи водовода составила 700 м, площадь наблюдений составила свыше 1030 м² (рис. 1). В процессе археологических исследований заложены два шурфа общей площадью 18 м².

При проведении археологических работ широко использовались методы прецизионных и промышленных технологий (Седов В.В., 2000; Сингатулин Р.А., 2003). Были апробированы методы информационных технологий с использованием геофизических, мультиспектральных наблюдений в режиме мониторинга (с использованием Web-технологий и цифровых стереофотограмметрических камер). Использование Web-приложений и стереофотограмметрических технологий позволили существенно поднять уровень и качество проведения археологических работ (Plotnikov P.K. and est., 2001). Техническое оснащение, которое используется в подобных исследованиях, обычно представляет собой соединённый через Интернет-портал (соединение GPRS) портативный компьютер, к которому подключается видекамера с программным видеосервером (рис. 2). Программное обеспечение видеосервера организует захват видеок кадров, компрессию видеопотоков, запись в локальный архив, выявление движения, передачу по сети потоков сжатого видео пользователю и пр. В роли пользователя (клиента) может выступать любой компьютер, подключенный к сети через мобильное соединение GPRS и получающий потоки данных с видеосервера. Передача видеoinформации в реальном времени по сети осуществляется с использованием широко распространённого протокола TCP/IP. Описанные способы организации передачи видео по TCP/IP были реализованы в системе видеонаблюдения и стереофотограмметрической съёмки в ходе охранно-спасательных работ на Увекском городище в 2006 г. Испытания и опытная эксплуатация показали, что система предсказуемо использует ресурсы сети и с надлежащим качеством обеспечивает выполнение поставленных задач. Система представляла собой аппаратно-программный комплекс, состоящий из следующих функциональных устройств и приложений:

1). Портативный компьютер Toshiba Satellite 1105 (Celeron, частота процессора – 1,1 GHz; оперативная память – 512 MB; винчестер – 40 GB; инфракрасный порт стандарта IrDA).

2). Сотовый телефон NOKIA 5100 с передачей данных через инфракрасный порт (стандарт IrDA), модемом GPRS (параметры телефонного соединения GPRS с сайта www.nokia.com/support/phones/5100) и использованием программного приложения Nokia PC Suite v. 6.0.

3). WEB-камера Logitech QuickCam Pro 3000 – модель камеры компании Logitech, оснащённой специальной кнопкой получения фотографий, микрофоном, индикатором включения. Дополнительные характеристики: захват кадров формата до 640×480, частота вывода кадров – до 30 *fps*, форматы сохранения изображений – BMP, TIF, JPEG, PCX, PSD и др., используется USB-протокол.

4). Программный продукт GPRS-Explorer (BLGE.exe) для настройки мобильного компьютера при подключении к Интернету через сотовую сеть «Билайн».

Этап № 1 – охранно-спасательные работы в частном жилом секторе (июнь-июль 2006 г.). Археологические исследования производились при прокладке водовода в частном жилом секторе в центральной части посёлка Увек, к северо-западу от высоты 79,9 м («мамайский» бугор), по 15 Увекскому проезду (рис. 1). Осмотр канавы (в среднем шириной 60 см и глубиной от 1,1 до 1,5 м) при общей протяжённости свыше 270 м выявил следы многолетних перекопов. По трассе прокладки водовода в квадратах **D11**, **E13** (рис. 1) существенных материалов обнаружить не удалось, т. к. трасса траншеи проходила вдоль ранее проложенной трубы водоснабжения проложенного в 1994-1995 гг. Исследование отвалов земли также не дало результатов. В районе домов по 15 Увекскому проезду в отвалах траншеи наблюдались рассеянные фрагменты золотоордынского строительного материала (плинфы). Сопоставление материалов космической съёмки 1999-2005 гг. и результатов термографических исследований 2001-2003 гг. позволили выявить структуры каменных сооружений (Singatulin R.A, Rashitov F.A., 2005). Причём, если в северной части трассы водовода (квадрат **D11**) с восточной стороны линии водовода идентифицировались крупные термографические структуры (не проходящие по линии возведения водопровода) полукруглого сооружения (башня?) площадью не менее 20 м², то в средней возвышенной части трасса должна была пройти через термографические структуры (следы) прямоугольного плана двух сооружений (зданий), ориентированных в западном, северо-западном направлениях, общей площадью около 400-600 м². Учитывая, что концентрация фрагментов строительного материала (плинфы) резко увеличивалась при приближении к предполагаемым объектам, то с большой вероятностью, можно было идентифицировать выделенные объекты с остатками золотоордынских зданий. В то же время, линия сооружаемого водовода проходила по трассе ранее построенного водовода в 1994-1995 гг., и соответственно, проходила через данные строения. В материалах археологических исследований 1995-1998 гг. у Л.Ф. Недашковского о прокладке водопровода в 1994-1995 гг. через данную территорию нет никаких указаний (Недашковский Л.Ф., 2000). Последующее изучение проектной и технической документации показало, что участок археологических исследований по 15 Увекскому проезду подвергся масштабным несанкционированным земляным работам не в 1959 г., когда застраивался посёлок, а в течение летних сезонов 1994-1995 гг. Предполагаемая зона землеройных работ с помощью тяжёлой техники затронула площадь не менее 800 м², на глубину около 1,8 м. Было разрушено золотоордынское здание и, предположительно, несколько захоронений к югу от здания. Фрагменты кирпичной стенки золотоордынского здания (возможно – мавзолей) остались только на той части горизонтального участка дороги, где стояла землеройная техника. После тщательного изучения окружающей обстановки: возможности осуществления беспрепятственного проезда автотранспорта, возможности производить отсыпку грунта – было заложено два шурфа (на перегибе горизонтальной площадки просёлочной дороги и спуска, в сторону высоты 79,9 м «мамайский» бугор) со сторонами 3х3 м каждый.

Стратиграфия. Грунт в верхней части участков сильно утрамбован (рис. 5). По западной стенке раскопов хорошо отслеживаются следы разновременного перемещения насыпного грунта, представляющего собой перемешанные грунты с достаточно пёстрыми прослоями с включениями золы, щебня кремнистых опок и битого кирпича – в основном материала антропогенного характера конца XX вв. Стратиграфическая ситуация по западной и северной стенках шурфов «1», «2» следующая (стратиграфическая съёмка осуществлена С.А. Браташовой):

Северный шурф (P1), северная стена с запада (сверху вниз)

1. Гумусный горизонт, переслаиваемый песчаными разностями. Мощность варьируется от 5 до 10 см.

2. Разнозернистый светло-желтый песок с примесью щебня известняка. Мощность 10-15 см.

3. Сильно опесчаненные гумусированные алевриты с заполнением щебнем, а также глыбами мергеля и сливных песчаников, мелкого щебня кремнистых опок, битого кирпича и твердых бытовых отходов, переслаиваемые песчаными и глинистыми различного размера линзами перемещенных грунтов. Наблюдается заметно выраженное их падение в нижней части раскопа в западном направлении. Мощность 100-120 см.

4. Темно-коричневый, почти до черного сажевого оттенка суглинок с редкими вкраплениями твердых бытовых отходов. Мощность 25-30 см.

Северный шурф (P1), западная стена (сверху вниз по южному краю)

1. Гумусный горизонт, переслаиваемый песчаными разностями. Мощность варьируется от 5 до 8 см.

2. Разнозернистый светло-желтый песок с примесью щебня известняка. Мощность 10-15 см.

3. Сильно опесчаненные гумусированные алевриты с заполнением крупным щебнем, а также глыбами мергеля. Мощность около 25 см.

4. Зеленовато-серые разности глауконитовых сильно алевритистых песков с редким заполнением твердых бытовых отходов. Мощность 25 см.

5. Переслаиваемые песчано-алевритовые гумусированные разности светло-коричневого цвета со значительным заполнением твердыми бытовыми отходами и битым кирпичом. В северной части наблюдается выклинивание, прерываемое гумусированным прослоем, светло-желтого песка. Общая мощность слоя порядка 50 см.

6. Темно-коричневый, почти до черного сажевого оттенка суглинок с редкими вкраплениями твердых бытовых отходов. Мощность 20-25 см.

7. Светло-желтые опесчаненные глины с примесью мелкого щебня кремнистых опок и твердых остатков человеческой жизнедеятельности.

Шурф «1» (P1) (квадрат ***D12***) расположен на северо-восточном склоне древнего оползневого холма. Поверхность участка вскрытия ровная, с небольшим уклоном (4-12°) в сторону юга (к высоте 79,9 м). Участок шурфовки находился на проезжей части просёлочной дороги, сильно утрамбованной в верхней части грузовым транспортом. Структура поверхности грунтового полотна дороги (сколы, скважность) указывает на многократные перекопы данного участка раскопа (постоянная подсыпка дороги обломочным строительным материалом), движением грунтовых осадочных масс с северо-запада (рис. 5). Практически по всей глубине сконцентрировались хорошо сохранившиеся фрагменты бытовых предметов конца XX вв. – стеклотара (изготовленной в 1995-1996 гг.), металлические изделия, остеологический материал и многое др. Интересно отметить, что предметов конца XIX - начала XX вв. на данном участке не выявлено.

Проведённые раскопки выявили фрагмент кирпичной стены (высота 0,7 м, ширина 0,8 м, видимая длина около 1,8 м), возведённой на фундаменте из окатанных валунов

(бульжника), сложенного из двух рядов (высота 0,3-0,6 м) и скрепленного песочно-известковым раствором (рис. 3). Кладка кирпичной стены сложена из половинчатой и стандартной, хорошо обожженной плинфы. Количество видимых рядов - 10. Кладка замкового типа. Среднестатистическая плинфа представляла собой керамическое изделие прямоугольной формы с размерами 22х22х4,5 см. В качестве связывающего материала использовался известковый раствора с сильным преобладанием хорошо просеянной песочной массы. Поверхность стен практически лишена следов эксплуатации и ветровой эрозии (рис. 4), что косвенно указывает на произошедший в средневековое время (приблизительно между 1360-1365 гг.) оползень, который и сохранил внешнюю фактуру поверхности кирпичной кладки. Южная часть стены разрушена проходящим водоводом в 1994-1995 гг. и частично смещена (сдвинута) на юго-запад с помощью тяжёлой землеройной техники при прокладке водовода к дому №4 в 1995 г. Ориентировка стены в направлении северо-запад, однако не исключено, что это произошло в результате оползневых подвижек ложа Увекского косогора (Дунаева Г.В., Rogozin И.С., 1962; Коровкин М.П., 1937).

С южной стороны шурфа «1», с поверхности и практически до самой глубины раскопа встречается раздробленный антропологический и остеологический материал. Основной подъёмный материал зафиксирован в юго-западной стороне шурфа. Особый интерес представляет монетный материал, в особенности, бронзовая монета Боспорского царства (рис. 12) с изображением императора профилем вправо и с возможной надписью – **ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΕΥΡΑΤΟΡΟΣ**, датируемая 155-170 гг. н.э. (Анохин В.А., 1986) найденная в слое 120-140 см. Это уже не первая монета такого рода с Увекского городища. Происхождение их не совсем ясно. Бытует мнение, что в данном случае, античные монеты из той серии, которые были подброшены «доброжелателями» при археологических исследованиях барона де Бая в конце 90-х годов XIX в. (Минх А.Н., 1881), к северу от высоты 79,9 м. Однако нельзя исключить и того, что находки античных монет, являются продуктом более ранних исторических процессов, которые происходили на данной территории в поздний сарматский период (I - III н.э.) (Баллод Ф.А., 1923; Егоров А.А., 1977). Достаточно большое количество фрагментов керамических труб со следами нагара внутри, а также разнообразной пищевой посуды (рис. 6-9), фрагментами печей показывает, что исследуемый объект вероятнее всего является крупным жилым зданием (первоначально предполагалась, что данный объект является семейным мавзолеем-комплексом). Предполагаемая площадь здания, при соответствующей толщине кирпичных стен, мощности фундамента, диаметра вертикальных опор перекрытия (диаметр деревянных опор - 18-24 см) может составлять величину порядка 400 м² (20х20 м). По окончании работ элементы выявленного строения были законсервированы, консервация объекта производилась по стандартной технологии. Площадка раскопа была выровнена, а грунт рекультивирован.

Шурф «1». Находки по слоям:

0-20 (см): Фрагмент красноглиняной стенки сосуда с ручкой (УВ06 Р1 0-20 01). Круг, неполный обжиг. Линейный опоясывающий декор из 4 линий. Размеры: ширина 9,3 см, высота 9,4 см, толщина 0,6 см, ручка (сечение эллипсоидное) 2,8х1,2 см. Датируется XIV в.

Фрагмент красноглиняной копилки (УВ06 Р1 0-20 02). Ручная формовка, обработка ножом. Обжиг равномерный, по всей глубине. Без следов декора. Следы охры и гари на стенках. Размеры: высота 6,1 см, ширина 4,5 см, предполагаемый максимальный диаметр 8,8 см, толщина 0,7 см. Датируется XIV-XVI вв.

20-40 (см): Фрагмент сфероконуса (УВ06 Р1 20-40 01). Красноглиняный, неполный обжиг. Следы затирки. Без следов декора. Высота фрагмента 7,6 см, ширина 8,8 см, толщина 1,2 см. Датировка – XIII-XV вв.

40-60 (см): Фрагмент (рис. 6) красноглиняного гончарного изделия (узел ручки, предплечья, венчика) (*УВ06Р1 40-60 01*). Декор на предплечье в виде 5 опоясывающих горизонтальных линий и одной, в виде повторяющихся фигур каплевидной формы. Размеры фрагмента: высота 7,6 см, ширина 15,5 см, предполагаемый диаметр (по дуге изгиба) 14 см, толщина 0,65 см, ручка 2,9x1 см. Датируется ориентировочно XIV-XVI вв.

60-80 (см): Фрагмент поливного изразца (*УВ06 Р1 60-80 01*). Нижняя часть стенки чаши. Кашин, полива. Наружный декор в виде вертикальных, чередующихся чёрных линий (фон цвета слоновой кости) и голубыми точками между ними. Внутренний декор в виде чередующихся каплевидных символов с синими точками по фону цвета слоновой кости. Размеры 7,1x5,1x0,7 см. Вероятная датировка – XIII-XIV вв.

Фрагмент нижней стенки красноглиняного поливного сосуда (*УВ06 Р1 60-80 02*). Наружная сторона покрыта темно-коричневой поливой и затем поливой зеленоватого оттенка. Внутренняя сторона покрыта коричневой поливой и поверх неё – поливой зеленовато-жёлтого оттенка. Размеры 4,2x3,6x0,55 см. Вероятная датировка – XIII-XIV вв.

Фрагмент поливного изразца (*УВ06 Р1 60-80 03*). Кашин, полива голубого оттенка. Толщина слоя поливы 0,8 мм. Размеры 2,7x2,36x1,9 см. Датируется XIII-XIV вв.

100-120 (см): Фрагменты керамики (*УВ06 Р1 100-120 01, 02, 03, 04*). Кашин, двухсторонняя полива, штамповка. Наружный декор в виде симметричных чёрных арочных линий по серо-голубому фону и точечными элементами между ними. Внутренний декор в форме каплевидных элементов с голубой точкой в центре (с кольцевыми чередующимися последовательными каплевидными структурами), сине-голубой оттенок верхней окантовки и обрисовкой чередующимися чёрными линиями по краям. Размеры (самого крупного фрагмента) – 4,9x2,7x0,6 см, толщина слоя поливы 0,01 см. Датируется XIV вв.

Железное изделие (гвоздь?) (*УВ06 Р1 100-120 05*). Ковка. Следы глубокой коррозии. Размеры: диаметр «шляпки» 2,5 см, длина 4,2 см.

120-140 (см): Фрагменты поливной посуды (*УВ06 Р1 120-140 01, 02, 03, 04, 05*). Двухсторонняя полива. Штамповка. Все фрагменты датируются XIII-XIV вв.

Бронзовая монета (*УВ06 Р1 120-140 06*). Л.с. – изображение императора профилем вправо, возможная надпись с правой стороны: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΕΥΡΑΤΟΡΟΣ. О.с. – рельеф плохо поддаётся расшифровке, год практически затёрт, но вероятно между 155-170 гг. н.э. (Боспорское царство).

Медный пул (*УВ06 Р1 120-140 07*). В удовлетворительном состоянии. Чекан Сарая? О.с. – розетка.

Медный пул (*УВ06 Р1 120-140 08*). Плохой сохранности. Легенда не читается. О.с. – вероятно розетка.

140-160 (см): Фрагмент днища поливного сосуда (*УВ06 Р1 100-120 01*). Кашин, полива, штамповка. Внутренний декор неясного содержания в виде концентрических чёрных линейных кругов, с неопределённой надписью на арабском языке. Датируется XIII-XIV вв.

Чаша (рис. 9) (*УВ06 Р1 140-160 02*). Кашин, двухсторонняя полива, штамповка. Наружный декор в виде симметричных чёрных арочных линий по желтоватому фону и точечными элементами между ними. Внутренний декор в форме каплевидных элементов с голубой точкой в центре (с четырёхрядными кольцевыми чередующимися последовательными каплевидными структурами), сине-голубой оттенок верхней окантовки и обрисовкой чередующимися чёрными линиями по краям. Размеры: внешний диаметр – 17 см, диаметр донной части – 6,8 см, высота изделия – 9,3 см, толщина стенки – 0,5 см, толщина слоя поливы – 0,08 см. Датируется XIII-XIV вв.

Медный пул (рис. 10) (*УВ06 Р1 140-160 03*). Удовлетворительной сохранности. Легенда: как вариант – Хызр-хан. Гюлистан, 762 г.х. (1360/1361).

Медный пул (рис. 11) овальной формы (*УВ06 Р1 140-160 04*). Найден в щели кирпичной кладки. Хорошей сохранности. Хызр-хан. Гюлистан, 762 г.х. (1360/1361).

160-180 (см): Крышка (рис. 7) красноглиняного сосуда (*УВ06 Р1 160-180 01*). Смешанная техника: круг, штамповка, ручная формовка. Обжиг равномерный по всей глубине. Без следов декора. Диаметр 9,3 см, высота 5,7 см, при средней толщине 0,6 см. Внутренний диаметр пояса вставки с конусным профилем 6,9 см. Датируется первой половиной XIV в.

Бронзовое зеркало (*УВ06 Р1 160-180 02*). Сильно окисленная поверхность. На расстоянии 2 см от внешнего диаметра небольшое отверстие 0,3х0,1 см. Расплывчатое изображение по окружности четырёх человеческих фигур, разделённых четырьмя драконами. Диаметр 7,8 см, бортик 0,45 см.

Фрагменты (рис. 8) верхних частей гончарных сосудов (*УВ06 Р1 160-180 03-04*). Круг, равномерный обжиг по всей глубине. Форма ручек овальная (3,9х2,2 см). Рельеф в верхней части в виде 6 поясов, нижний – линейно-точечный декор.

Железные гвозди (*УВ06 Р1 160-180 05-07*). Следы сильных коррозионных процессов. Ковка. Сечение близко к форме квадрата. Размеры 05 – 5,2х1,3х0,6 см; 06 – 4,8х2,4х1,1 см; 07 – 8,6х0,9 см.

Составной двухэлементный фигурный изразец (рис. 13) (*УВ06 Р1 160-180 08*). Кашин, эмаль. Смешанная техника обработки. Цветочный орнамент крестообразной формы, покрыт на лицевой стороне белой эмалью. В центральной части есть отверстие конусообразной формы. Размеры 5,7х4х2 см. Глазок покрыт красной краской. Размеры 2,8х1,35х1,6 см. Глазок свободно входит в конусообразное отверстие крестообразного цветка и фиксируется в нём.

180-200 (см): Медный пул овалообразной формы (*УВ06 Р1 180-200 01*). Сарай ал-Джедид, 767 г.х.

Медный пул (*УВ06 Р1 180-200 02*). Плохой сохранности, легенда не читается. О.с. – изображение животного идущего вправо.

Фрагмент медного пула (*УВ06 Р1 180-200 03*). Легенда не читается. Небольшой рельеф по краям. Размеры 1,3х0,08 см.

Шурф «2» (P2) (квадрат **D12**), так же, как и шурф «1», расположен на северо-восточном склоне древнего оползневого холма. В верхней части шурфа «2», ближе к западной стенке выявлен массив коллювиальных отложений оползневого происхождения. Весь объём грунта шурфа «2», как показали дальнейшие исследования, был полностью перекопан в результате проведения масштабных землеройных работ 1994-1995 гг. и последующих врезок в линию водовода в 2001 г. Нетронутым оказался небольшой слой (на глубине 1,7-1,8 м) в центральной части. Описание наиболее интересных находок из шурфа «2» (Р.2) приводится ниже.

Находки из шурфа «2» по слоям:

0-20 (см): Фрагменты придонной части красноглиняной корчаги (*УВ06 Р2 0-20 01*). Без следов декора. Хороший по глубине обжиг. Ориентировочно вторая половина XIV в.

20-40 (см) слой: Стенка красноглиняной корчаги (*УВ06 Р2 20-40 01*). Хороший по глубине обжиг. Декор в виде 4 рельефных опоясывающих линий. Ориентировочно XIV в.

Медный пул (*УВ06 Р2 20-40*). Чекан Сарая (?). Розетка.

40-60 (см): Верхняя часть крупного гончарного красноглиняного сосуда (*УВ06 Р2 40-60 01*). Хороший обжиг. Сливной носик. Ручка овального сечения. Небольшой фрагмент поясного точечного рельефа по горловине. Размеры: высота 11,6 см, внешний диаметр 11,3 см. XIV в.

80-100 (см): Фрагменты гончарных (тепловых) труб (УВ06 Р2 80-100 02-04). Круговая формовка, штамп по шаблону. Хороший обжиг. Внутренняя поверхность имеет следы незначительного нагара.

Медный пул (УВ06 Р2 80-100 05). Легенда плохо различается. О.с. – возможно двуглавый орёл (?).

Медный пул (УВ06 Р2 80-100 06). Легенда плохо различается. Сарай (?). О.с. – розетка.

100-120 (см): Развал крупного гончарного красноглиняного сосуда (рис. 15) (УВ06 Р2 100-120 01). Обжиг равномерный по всей глубине. На горлышке четыре опоясывающие рельефные линии. Ручка овального сечения (4,3х1,7 см). Имеется носик для слива воды. Датируется, ориентировочно, второй половиной XIV в.

Медный пул (УВ06 Р2 100-120 02). Следы окисления. Легенда: чекан Сарай ал-Джедид, ориент. 761 г.х. О.с. – розетка.

120-140 (см): Медный пул (УВ06 Р2 120-140 01). Следы окисления. Легенда плохо читается. О.с. – розетка.

Медный пул (УВ06 Р2 120-140 02). Следы окисления. Легенда: чекан Сарай ал-Джедид, ориент. 762 г.х. О.с. – розетка.

140-160 (см): Медный пул (УВ06 Р2 140-160 01) со следами коррозионных процессов. В удовлетворительном состоянии. Легенда плохо читается. Вероятно как вариант - Хызр-хан. Гюлистан, 762 г.х. (1360/1361).

160-180 (см): Чан (рис. 14) красноглиняный (УВ06 Р2 160-180 01). Без следов декора. Бортик чана выдавлен на поворотном столике. Обжиг равномерный по всей глубине.

Медный пул (УВ06Р2 160-180 02). Легенда плохо читается. О.с. – изображение животного идущего вправо.

180-200 (см): Фрагмент медного пула со следами сильной поверхностной коррозии (УВ06Р2 180-200 01). Легенда плохо читается. О.с. – возможно розетка.

***

В результате проведенных археологических исследований определено, что на данных участках сохранился культурный слой, по большей части непереотложенный. Участки раскопа 1 выявили хорошо сохранившиеся остатки построек и перспективны для дальнейших исследований. Реализованный информационно-коммуникационный подход в процессе исследований на Увекском городище показал на существенную роль используемых технологий, особенно при возникновении проблем получения оперативной консультации, выполнения функций обеспечения охранных мероприятий и других поставленных задач.

Литература

- Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
Баллод Ф.А. Приволжские «Помпеи». М.-Пг., 1923.
Дунаева Г.В., Рогозин И.С. Оползни Саратовского Поволжья. М., 1962.
Егоров А.А. География городов Золотой Орды // СА, 1977. № 1.
Коровкин М.П. Увекский оползень // Разведка недр, 1937. №3.
Минх А.Н. Набережный Увек. Саратовский сборник. Материал для изучения саратовской губернии. Саратов: Статистический комитет, 1881. Т.1.
Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Увек и его округа. М., , 2000.
Седов В.В. Естественно-научные методы в полевой археологии. М., 2000.
Сингатулин Р.А. Применение метода инфракрасной стереофотограмметрии для развед-

ки и идентификации археологических следов и остатков сооружений в условиях современной городской застройки // Археологические записки. Каменный век. Ростов-на-Дону, 2003.

Plotnikov P.K., Singatulin R.A., Ramzaev A.P. Application of method of infra-red photogrammetry for identification of underground archaeological tracks and rests of constructions in urbanism s conditions. 4-th Inter. Geo. Symp. Berlin, 2001.

Singatulin R.A., Rashitov F.A. The Project Virtual UKEK // EVA 2005 Florence Electronic Imaging & the Visual Arts (14-18 March 2005). <<http://vasari.co.uk/eva/florence>>.

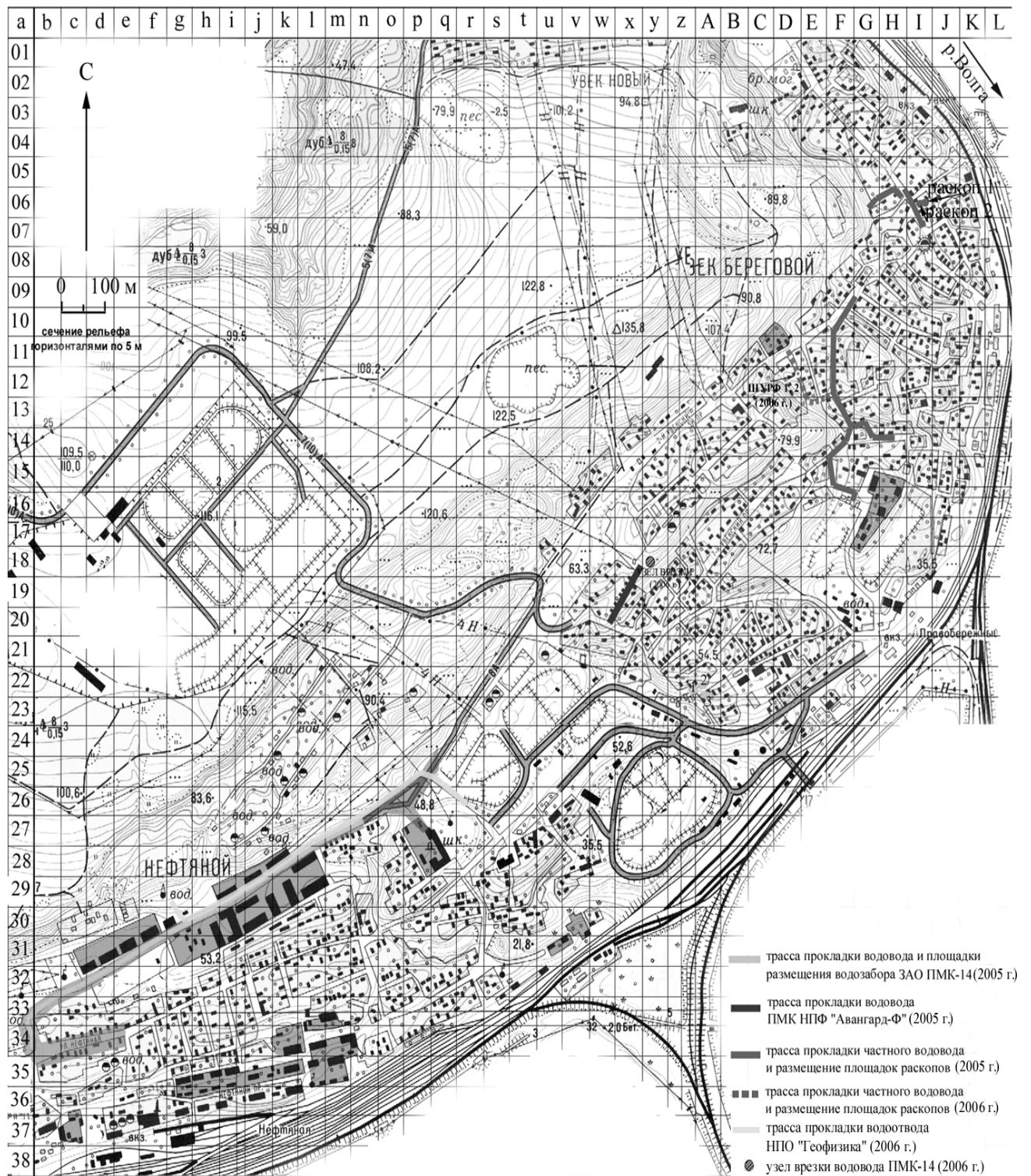
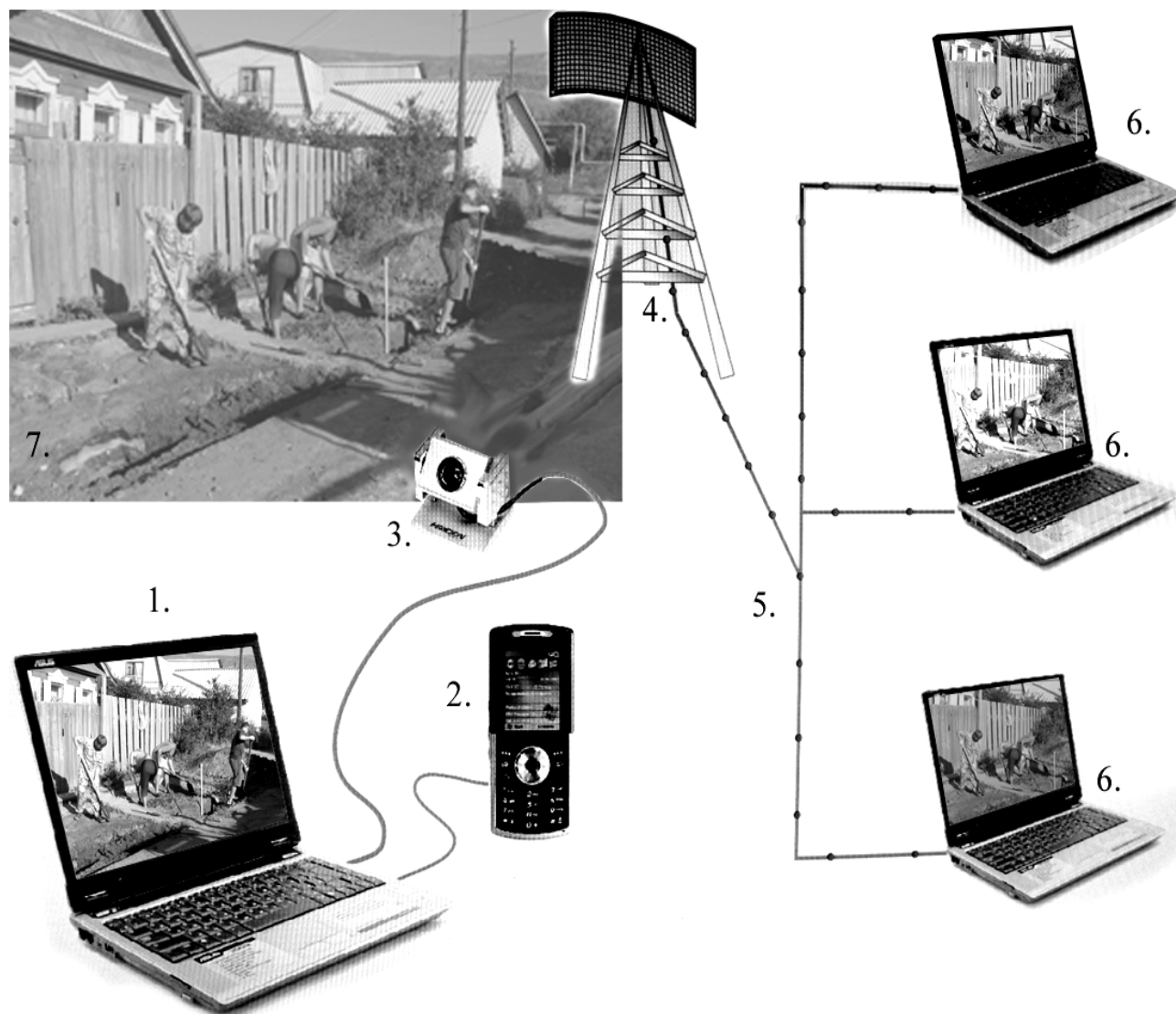

Рис. 1. Топографический план района исследований (Увек, 2006 г.)

Рис. 2. Структурная схема построения WEB-мониторинга при археологических работах (Увек, 2006)

Условные обозначения: 1 – мобильный компьютер, 2 – сотовый телефон с подключением через USB-порт компьютера, 3 – WEB-камера, 4 – приёмная станция сотовой связи, 5 – подключение к сети Internet через поставщика услуг (провайдера), 6 – персональные компьютеры пользователей (клиенты), 7 – участок археологических исследований

*Рис. 3. Фрагмент каменного строения по 15 Увекскому проезду. Шурф «1».
Вид с юга (Увек, 2006 г.)*

*Рис. 4. Детализация строения. Деревянный столб. Шурф «1».
Вид с северо-востока (Увек, 2006 г.)*

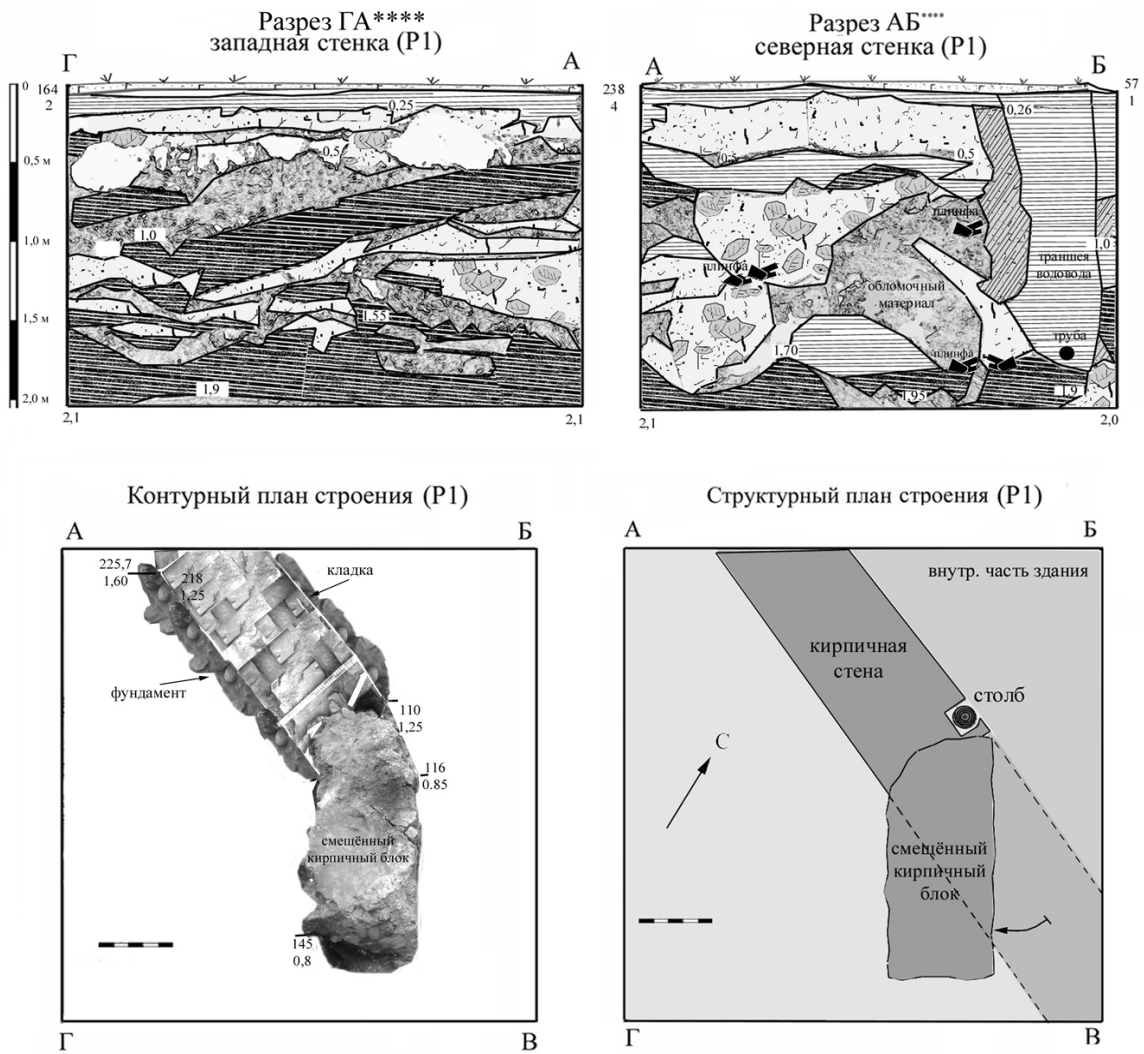

Рис. 5. Стратиграфия и план раскопа (Увек, 2006 г.)

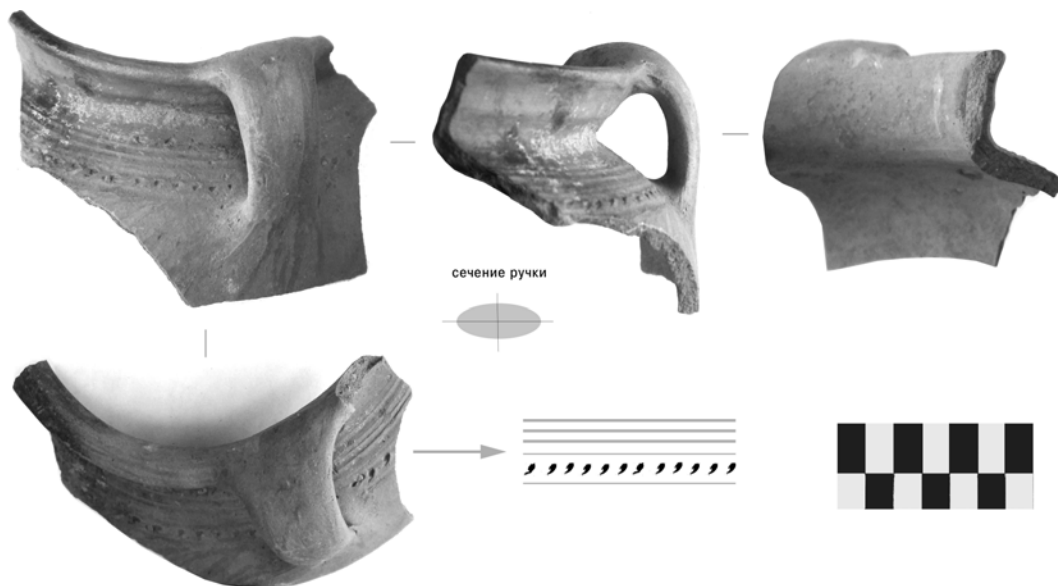

Рис. 6. Фрагмент гончарного изделия (узел ручки, предплечья, венчика)
УВ06Р1 40-60 01. Красножгущая глина, круг (Увек, 2006 г.)

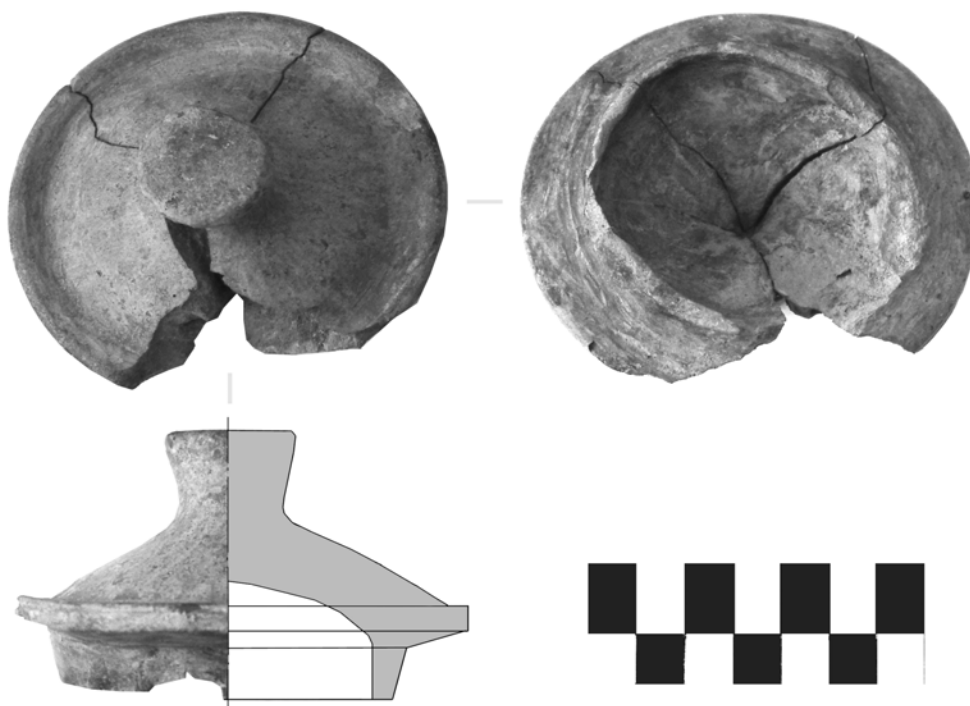

Рис. 7. Крышка сосуда УВ06 Р1 160-180 01 из красножгущей глины (Увек, 2006 г.)

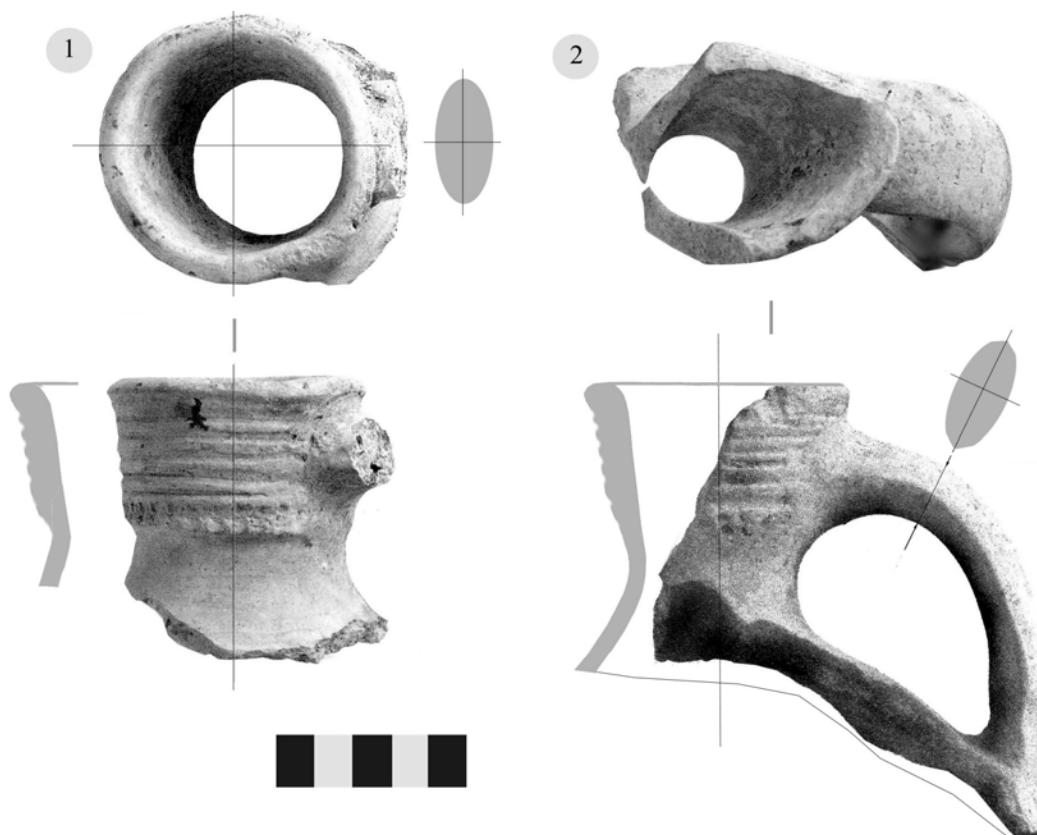
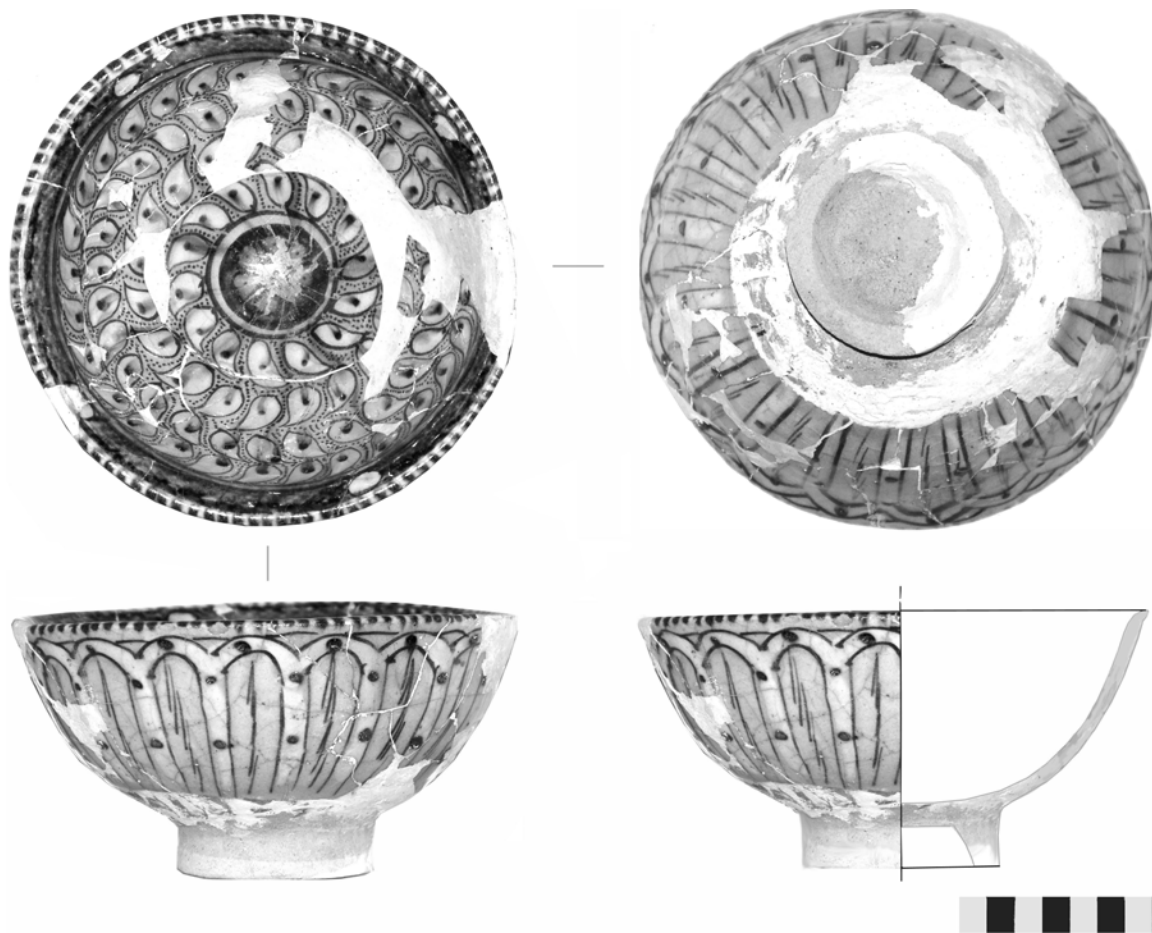

Рис. 8. Фрагменты верхних частей гончарных сосудов УВ06 Р1 160-180 03-04.
Круг, равномерный обжиг по всей глубине (Увек, 2006 г.)

Рис. 9. Чаша УВ06 Р1 140-160 02. Кашин, двухсторонняя полива, штамповка (Увек, 2006 г.)

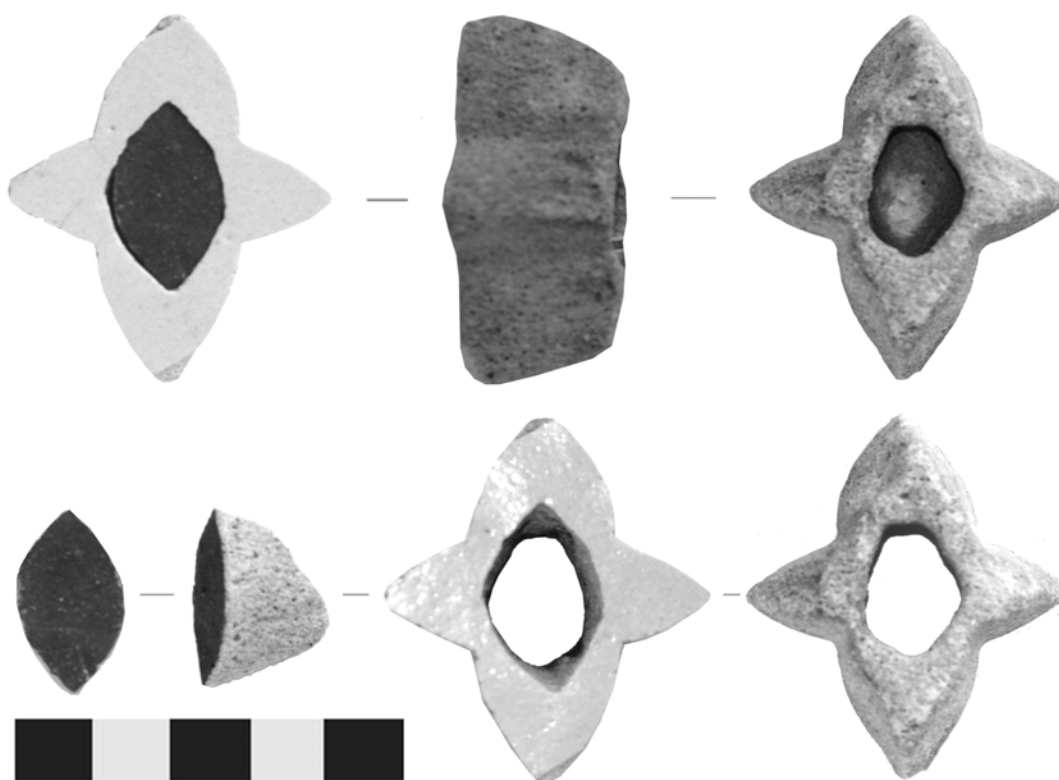
Рис. 10. Медный пул УВ06 Р1 140-160 03 (Увек, 2006 г.)

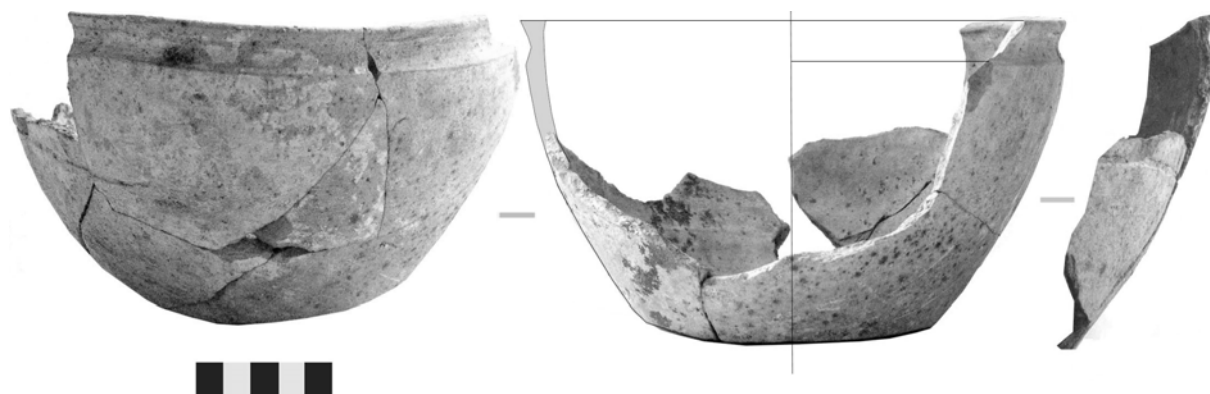
Рис. 11. Медный пул УВ06 Р1 140-160 04 (Увек, 2006 г.)

Рис. 12. Бронзовая монета УВ06 Р1 120-140 06. Л.с. - изображение императора профилем вправо, надпись с правой стороны – ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΕΥΡΑΤΟΡΟΣ (Боспорское царство, 155-170 гг. н.э.) (Увек, 2006 г.)

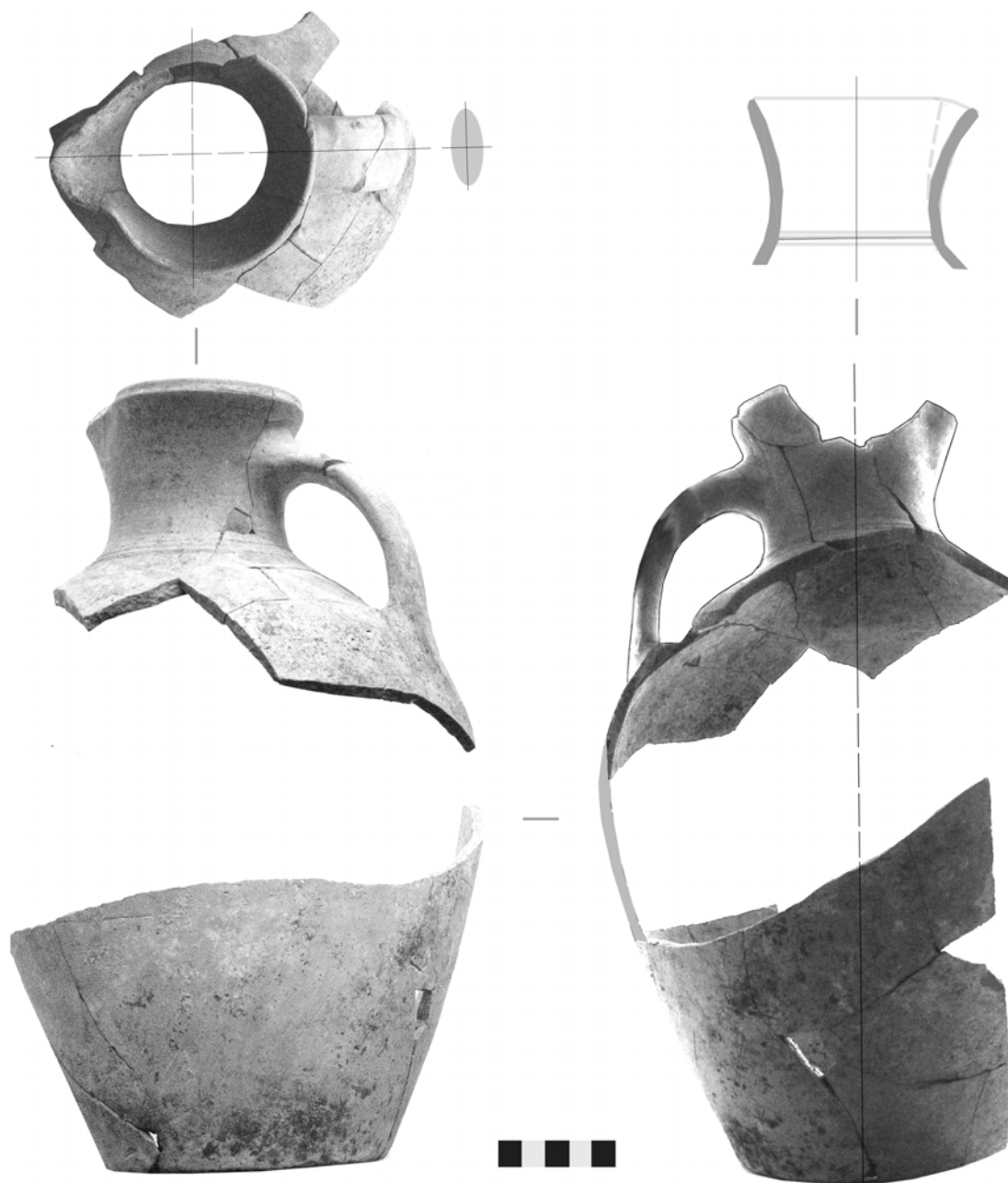

*Рис. 13. Составной двухэлементный фигурный изразец УВ06 Р1 160-180 08.
Кашин, эмаль (Увек, 2006 г.)*

Рис. 14. Чан УВ06 Р2 160-180 01. Красножгущая глина (Увек, 2006 г.)

Рис. 15. Крупный гончарный сосуд УВ06 Р2 100-120 01 (Увек, 2006 г.)

А.А. Евтеев, Д.А. Кубанкин

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО НЕКРОПОЛЯ
УВЕКСКОГО ГОРОДИЩА В 2005-2007 гг.**

подавляющее большинство погребений на золотоордынских памятниках Поволжья составляют безынвентарные, преимущественно, мусульманские захоронения. Для археологов они, как правило, кажутся малопривлекательными, поскольку практически не содержат вещевого материала. Однако полноценное изучение истории Золотой Орды невозможно без исследования мусульманских некрополей. Комплексное изучение археологами, антропологами и другими специалистами способно предоставить обширный материал о демографии городского населения, которая, в свою очередь, помогает реконструировать исторические процессы, происходившие в Улусе Джучи (Яблонский Л.Т., 1980).

На золотоордынских городских некрополях вскрыто более тысячи захоронений (Васильев Д.В., 2007, с. 80; Яблонский Л.Т., 2008, с. 269). Материалы же с некрополей Укека весьма незначительны. Наиболее известны элитарные комплексы, раскопанные на городище в начале XX века (Кротков А.А., 1915; Баллод Ф.В., 1923). Ранее антропологический материал с Увекского городища был известен только серией из 5 черепов (Дебец Г.Ф., 1948; Трофимова Т.А., 1949). По сравнению с материалами Селитренного, Царевского и Водянского городища это чрезвычайно мало. Вместе с тем, на территории Увекского городища известны обширные средневековые некрополи и многочисленные отдельные захоронения (Кубанкин Д.А., 2006). Цель данной публикации – предоставить сведения о раскопках и антропологическом изучении материалов северо-западного некрополя Увекского городища, которые были получены в результате археологических работ 2005-2007 гг. Некоторые данные были опубликованы ранее (Евтеев А.А., Кубанкин Д.А., 2006).

В 2005-2007 гг. археологическим отрядом Саратовского областного музея краеведения под руководством научного сотрудника Д.А.Кубанкина на северо-западной окраине Увекского городища проводились раскопки средневекового мусульманского некрополя.

Могильник расположен на мысообразном выступе горы Каланча (Увек), которая доминирует над всем городищем. Выступ имеет оползневое происхождение и обращен в сторону Волги. Его восточный край ограничивается крутым склоном, образовавшимся вследствие оползня, а с противоположной западной стороны упирается в восточный склон горы Каланча. Данный участок занимает площадь порядка 60 тыс. кв. м. (400x150 м). До революции на этой возвышенности располагалась усадьба и сад землевладельцев Увека – Шабловских (Исеевых). В советское время в здании усадьбы находилась средняя школа. На сегодняшний день школа снесена и на ее месте построена ферма.

На плане Увекского городища, опубликованном Ф.В.Баллодом в 1923 г., указанный участок выделен под названием кладбище (Баллод Ф.В., 1923, с. 72, рис. 24).

Склоны данной возвышенности (особенно восточный) сильно разрушаются. В этих обнажениях неоднократно были обнаружены человеческие кости. В кротовинах

прослеживались фрагменты трухлявого дерева (возможно следы погребальных конструкций).

На северо-западной окраине некрополя расположился небольшой холм со следами разрушающихся человеческих захоронений в обрыве. Возвышенность прилегает к восточному краю проходящей здесь грунтовой дороги. Приблизительная площадь холма около 1,1 тыс. кв. м. Данное место активно разрабатывалось самовольным песчаным карьером и порядка 300 кв. м. его поверхности уничтожено.

Холм имеет оползневое происхождение. В обрыве, образованном в результате незаконной выемки песка, с западной стороны четко прослеживаются перемешанные участки тонкозернистых песков (алеврит?) с примесью глауконита. Подобное сочетание порождает окраску песков серым и зеленовато-оливковым цветами. Отложения датируются раннемеловым и позднемеловым периодами¹. На участке раскопок и в окрестностях преобладает растительность степных мест. Здесь произрастает ковыль, лисохвост, вероника седая, скерда, полынь различных видов, тысячелистник, грыжник. В низинах встречается мох и жаровец метельчатый. По оврагам – многочисленная поросль татарского клена. Встречены отдельные экземпляры одичавшей вишни².

Материалы раскопок

В 2005 г. вдоль обрыва карьера был заложен разведочный шурф общей площадью 20 кв. м. На его площади было расчищено 3 безынвентарных захоронения, совершенных по исламским канонам. В 2006-2007 гг. здесь проводились раскопки на площади 158 кв.м. Общая площадь раскопанного в 2005-2007 гг. участка составила 178 кв.м. На этом участке обнаружено и расчищено 11 захоронений.

Были прослежены посадочные лунки деревьев, существовавшего здесь ранее сада. Они образовывали ряды, а в центре холма некое подобие круга. В заполнении лунок встречался многочисленный материал первой половины XX в. В центре холма частично вскрыта крупная яма (предположительно землянка), датируемая монетой 1941 года. Здесь же найдены осколки зенитных снарядов. Стратиграфически все указанные ямы располагаются выше погребений.

Грунт на участке раскопа представлен преимущественно песком. Несмотря на наличие дерна, прослеживается смывание грунта по склону дождевыми и талыми водами. На самой верхней точке раскопа он практически весь смыт, обнажая материк. Через 4 м к югу по склону мощность залегания песчаных напластований до материка составляет порядка 60 см.

Погребение 1. Погребение сильно пострадало от ковша экскаватора, разрабатывавшего карьер. Была уничтожена верхняя половина скелета до тазовых костей. Лучевые кости рук сломаны и раздроблены, а почва вокруг просела и накренилась в сторону обрыва. Размеры сохранившейся части погребения 0,37x0,90 м. В оставшейся части прослежена деревянная конструкция, предположительно, из 7 поперечных и 2 продольных плах. Средняя ширина плах около 30 см. В центре восточной продольной плахи был вбит кованый железный гвоздь с круглой шляпкой и прямоугольной в сечении ножкой. Деревянная конструкция была ориентирована длинными сторонами по линии северо-восток – юго-запад.

После разбора фрагментов деревянной погребальной конструкции, ниже ее на 40-50 см, были зафиксированы человеческие кости. Обнаруженный скелет человека сохранился в нижней половине, начиная с трех нижних позвонков и лучевых костей рук. Умерший лежал вытянуто на спине, с небольшим завалом на правый бок, с вытянуты-

---

¹ Определение научного сотрудника СОМК А.В. Бирюкова, за что выражаю ему глубокую признательность.

² Определение научного сотрудника СОМК Н. Матасовой, за что выражаю ей глубокую признательность

ми вдоль туловища руками. Деревянная конструкция несколько смещена на север относительно погребения. Вероятно, это произошло в результате добычи песка экскаватором. Судя по положению костей, погребенный был ориентирован головой на запад. Под правой ногой, в районе голеностопа (внутренней лодыжки) обнаружено два небольших древесных уголька. Дно погребения имело наклон в сторону обрыва, на восток.

Погребение 2. На глубине 50-60 см стало выделяться пятном темно-серого цвета подпрямоугольной формы с округлыми углами, размерами 1,4x1,6 м, ориентированным по оси запад – восток. Западный край могилы уже начал разрушаться карьером. Края могилы были заметны не только по цвету, но и по сплошной линии, по которой отслаивалась могильная засыпь от края стенок могилы. Дальнейшая зачистка выявила на заплечиках могилы поперечные деревянные плахи. Ширина заплечиков 0,60 м.

На дне могильной ямы зафиксирован скелет взрослого человека головой на запад, лицом на юг, лежавшего вытянуто, с незначительным завалом на правый бок. Скелет прижат левым боком к северной стенке. Правая рука согнута в локте под углом порядка 45° и направлена к южной стенке погребения, кисть согнута внутрь. Левая рука согнута в локте под углом около 80° и расположена параллельно тазовым костям. В районе груди обнаружен камень, который, вероятно, попал сюда после обрушения деревянной конструкции. Профессор кафедры анатомии человека Саратовского государственного медицинского университета В.С. Сперанский, основываясь на изучении черепа из погребения № 2, сделал заключение, что умерший был мужчина 30-40 лет.

Могильная яма вклинивалась в залежи камня, который, вероятно, использовался для обкладки западной части могилы (в районе головы и грудной клетки) на дневной поверхности времен захоронения, т.е. на поверхности могила могла выделяться скоплением камней.

Погребение 3. Могильное пятно зафиксировано на глубине около 0,6 м в виде пятна трапецевидной формы, размерами 1,0x0,55 м. Длинной осью ориентировано по линии запад – восток. По краям могильного пятна была заметна линия, которая отделяла заполнение могилы от ее стенок. При расчистке пятна, на 0,23 м ниже уровня материка зафиксированы следы деревянной конструкции в виде двух тонких (2-3 см) полос деревянного тлена, идущих параллельно северной и южной стенкам могилы. Возможно, это следы деревянной рамы. На дне могилы зафиксированы отдельные фрагменты костей ребенка: фрагменты черепной крышки, молочные зубы, ребра. По положению этих костей можно сделать заключение, что скелет лежал на правом боку, головой на запад, лицом на юг. Дно могилы имеет незначительный наклон (порядка 3 см) в восточном направлении.

Погребение 4. Пятно имело подпрямоугольную форму с округлыми углами, ориентировано по линии запад – восток с незначительным отклонением. Размер 1,62x1,28-1,40 м. Зафиксированы продольные заплечики, выкопанные в грунте вдоль северной и южной стенок могильной щели. Ширина заплечиков 0,25-0,48 м. На них четко прослеживаются фрагменты 7 деревянных полуистлевших плах или досок шириной 0,15-0,20 м при толщине 0,05 м, которые изначально перекрывали могильную щель и рухнули внутрь под тяжестью навалившейся земли. Размеры могильной щели 1,62x0,40 м. Дно могилы располагалось на глубине порядка 0,30 м от уровня заплечиков.

На дне лежал скелет взрослого человека в вытянутом положении (мужчина, 30-40 лет, рост 156-159 см). Теменная часть черепа ориентирована на запад с отклонением 15° на восток. Лицо повернуто на юг. Умерший лежал с завалом на правый бок, спиной прислонен к северной стенке. Левая рука согнута в локте под углом 90°, ее лучевая и локтевая кости положены в районе брюшной полости по направлению к южной стенке. Правая рука согнута в локте под углом 45°, ее лучевая и локтевая кости направлены к

южной стенке так, что кисть руки расположена на одной линии с тазом. Кисти рук выгнуты в неестественном положении. Ноги сведены вместе и вытянуты.

Погребение 5. Могильное пятно подпрямоугольной формы с округлыми углами, ориентировано по линии запад – восток с незначительным отклонением. Размер 1,72x1,20 м. Зафиксированы продольные заплечики, выкопанные в грунте вдоль северной и южной стенок могильной щели. Ширина заплечиков 0,30-0,45 м. На них четко прослеживаются фрагменты 8 деревянных полуистлевших досок 0,3x0,2x0,1 м, которые изначально перекрывали могильную щель и рухнули внутрь под тяжестью навалившейся земли. Размеры могильной щели 1,72x0,30 м. Дно могилы располагалось на глубине порядка 0,3-0,4 м от уровня заплечиков.

На дне лежал скелет взрослого человека (мужчина, 45-55 лет). Теменная часть черепа ориентирована на запад с отклонением 11° на восток. Лицо повернуто на юг. Умерший лежал с завалом на правый бок, спиной прижат к северной стенке. Правая рука согнута в локте так, что кисть дотягивается до плеча. Левая рука согнута в локте и ее кисть положена чуть выше локтя правой руки. Ноги сведены вместе и вытянуты. Стопы ног и большая берцовая кость правой ноги не обнаружены, малая берцовая кость правой ноги лежит в неестественном положении. Через этот участок проходила нора землероя. Общая длина скелета порядка 1,5 м.

Погребение 6. Могильное пятно прямоугольной формы с округлыми углами, размером 2,10x1,20 м. По краям могилы четко прослеживалась линия отслаивающегося заполнения. Захоронение ориентировано по линии запад – восток с незначительным отклонением. Зафиксированы продольные заплечики, выкопанные в грунте вдоль северной и южной стенок могильной щели. Ширина заплечиков 0,3-0,4 м. На них четко прослеживаются фрагменты 11 деревянных полуистлевших досок и плах шириной 15-20 см и толщиной 2-5 см. Изначально они перекрывали могильную щель, которая не была засыпана грунтом, и рухнули внутрь под тяжестью навалившейся земли.

Отдельные детали перекрытия можно условно назвать досками и лишь две крайних в ногах однозначно трактуются как плахи. Так, например, при расчистке погребения, у восточной стенки удалось проследить целую плаху с незначительным прогибом в могильную щель. Размеры плахи 70x20x5-7 см. Доски и плахи лежат попарно или на расстоянии друг от друга на 3-12 см. В северо-восточном углу погребения деревянная конструкция крепилась железным гвоздем, который сохранился фрагментарно, железо сильно слоится. Нигде более в деревянной конструкции гвоздей не обнаружено. Частично прослежены тонкие продольные доски или плахи, уложенные поверх поперечных. Таким образом, деревянное перекрытие могилы было в виде щита из сбитых продольно и поперечно досок и плах. Щит укладывался на поперечные заплечики и перекрывал могильную щель от засыпного грунта.

Размеры могильной щели 2,10x0,50-0,55 м. Дно могилы на глубине около 40 см от уровня заплечиков. Скелет (мужчина, 23-25 лет, рост 157-161 см) лежал в вытянутом положении с незначительным завалом на правый бок, теменем на запад с отклонением к югу на 30°, лицом на юг. Правая рука вытянута вдоль тела, левая – согнута в локте под прямым углом так, что лучевая и локтевая кости лежат в области брюшной полости. Ноги вытянуты. На костях скелета встречен органический тлен черного цвета с белыми вкраплениями. Тлен плотно обтягивал отдельные позвонки, участки черепа и таза.

Погребение 7. Могильное пятно прямоугольной формы с округлыми углами, размерами 2,10x1,30-1,40 м. По краям могилы четко прослеживалась линия отслаивающегося заполнения. Захоронение ориентировано по линии запад – восток. Зафиксированы продольные заплечики, выкопанные в грунте вдоль северной и южной стенок могильной щели. Ширина заплечиков 0,30-0,40 м. На них четко прослеживаются фрагменты деревянных полуистлевших досок и плах, в среднем, шириной 12-18 см и тол-

щиной 2-8 см. Деревянные перекрытия оказались хорошей и удовлетворительной сохранности, что позволило проследить конструкцию. Всего зафиксировано 11 поперечных и 4 продольных фрагмента перекрытия. Условно можно реконструировать могильное перекрытие. На заплечики вплотную подгонялись 9 поперечных досок (?), на которые поверх укладывались, вероятно, вплотную друг к другу 4 продольных доски (?). Не совсем понятны 2 ствола дерева, которые укладывались на заплечики по одному с каждого из продольных краев. Возможно, они ограничивали поперечные доски. В результате создавался деревянный щит, который частично защищал погребальную камеру вместе с покойником от попадания засыпного грунта. Металлических деталей крепления щита не зафиксировано. Со временем перекрытия перегнули и под тяжестью земли продавлились внутрь погребения, увлекая за собой засыпной грунт. От этого движения, перекрытия деформировались и сдвигались со своих мест, образуя между собой зазоры. Продавивший перекрытия грунт обрушивался на лежащий в могильной щели скелет.

Размеры могильной ямы 2,10x0,60 м. Дно могилы на глубине около 50 см от уровня заплечиков. Умерший (мужчина, 35-45 лет, рост 158-162 см) лежал в вытянутом положении с незначительным завалом на правый бок, левым боком прижат к северной стенке могилы, теменем строго на запад, лицом на юг. Правая рука вытянута вдоль тела и слабо согнута в локте так, что лучевая и локтевая кость направлены к южной стенке могилы, а кисть загнута внутрь почти под прямым углом. Левая рука согнута в локте под углом 45° так, что лучевая и локтевая кости лежат в области брюшной полости. Ноги вытянуты.

Погребение 8. Имело форму узкого овала, вытянутого по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток размерами 2,21x0,60-0,65 м. Заплечики здесь не зафиксированы. Обнаруженные поперечные доски (?), перекрывавшие могилу, были уложены на ее края без заплечиков. По краям пятна заполнения отслаивалось и создавало четкую границу с окружающей поверхностью. На юго-западном краю могилы в верхней части заполнения обнаружены ребро и зуб-резец человека. Дно могилы располагалось на глубине порядка 0,35 м от уровня материка.

На дне могилы лежал скелет взрослого человека в вытянутом положении (мужчина, 25-35 лет). Теменная часть черепа ориентирована на запад-северо-запад (отклонение от запада 21° на восток). Лицо повернуто на юг. Умерший лежал с завалом на правый бок, спиной прижат к северной стенке. Руки согнуты в локтях и изначально были скрещены в области таза. Ноги сведены вместе и вытянуты. Кисти руки лежат в области таза, однако, лучевые и локтевые кости расположены значительно выше кистей и несколько сдвинуты. Правая сторона черепа, обращенная к земле, продавлена. Подобное движение костяка может быть связано с проседанием грунта на склоне холма. Общая длина костяка порядка 1,50 м. Погребение 8 по конструкции несколько отличается от предыдущих: здесь нет заплечиков, а сама могила значительно длиннее, чем погребенный в ней человек: длина могилы 2,21 м, длина скелета 1,50 м, ниже ступней сохранено большое пространство.

Погребение 9. Могильное пятно имело прямоугольную форму с округлыми углами, размерами 2,30x1,25 м. По краям могилы четко прослеживалась линия отслаивающегося заполнения. Захоронение ориентировано по линии северо-запад – юго-восток. Зафиксированы продольные заплечики, выкопанные в грунте вдоль северной и южной стенок могильной ямы. Ширина заплечиков 0,3-0,4 м. На них четко прослеживаются фрагменты 12 деревянных полуистлевших досок и плах шириной 15-20 см, толщиной 2-5 см. В перекрытии погребения условно выделены 1 доска, 10 плах и 1 тонкий ствол березы с остатками коры (последняя поперечная деталь крепления в ногах). 1-я и 2-я плахи от северо-запада, расположенные в области черепа, несут на себе следы огня. Изначально они перекрывали могильную яму, которая не была засыпана грунтом, и

рухнули внутрь под тяжестью навалившейся земли. Продольных перекрытий не обнаружено. После удаления деревянных перекрытий над могильной ямой и в процессе последующей расчистки в засыпке могилы был обнаружен фрагмент железного гвоздя.

Размеры могильной щели 2,3х0,5-0,6 м. В западной стенке могилы практически сразу под плахой (отметка -122) зафиксировано небольшое округлое отверстие с древесным тленом. В северо-восточной стенке могилы, под 1-й по счету от северо-запада плахой обнаружено небольшое углубление (отметка -98), которое содержало злаки. Установить однозначно природу происхождения этих отверстий нам не удалось.

Дно могилы располагалось на глубине около 60 см от уровня заплечиков. Скелет (женщина, 25-35 лет, рост 148-150 см) лежал в вытянутом положении, головой на северо-запад с отклонением к югу на 20°, лицом на юго-запад. Руки согнуты в локте и подтянуты к груди. Правая рука согнута в локте, лучевая и локтевые кости подтянуты к плечу правой руки. Кисть согнута в неестественном положении под углом, так, что пальцы направлены в низ, к груди. Левая рука согнута в локте, кисть на правой стороне грудной клетки, частично заходит под кисть правой руки. Ноги вытянуты.

Голова несколько приподнята и лежит на подстилке, сохранившейся в виде прямоугольника из бересты. Вдоль узких краев бересты зафиксирован ствол дерева, в котором имеется ряд отверстий (возможно природного происхождения). О том, что голова лежала на возвышении говорят шейные позвонки, лежащие в неестественном положении, вне линии позвоночного столба, а также нижняя челюсть, отпавшая от черепа. При этом, часть зубов находились внутри черепа, вероятно в результате удара обрушившейся через перекрытия земли. При расчистке скелета возле ребер зафиксированы мелкие белые фракции (мел?).

Погребение 10. Могильное пятно имело прямоугольную форму с округлыми углами, размерами 1,50х1,12 м. Захоронение ориентировано по линии запад – восток. Зафиксированы продольные заплечики, выкопанные в грунте вдоль северной и южной стенок могильной ямы. Ширина заплечиков 0,3-0,4 м. На них четко прослеживаются фрагменты 10 деревянных полуистлевших досок и плах шириной 14-16 см, толщиной 5-6 см. В перекрытии погребения условно нами выделена 5 досок и 5 плах. 4-е и 6-е по счету от западного края поперечное перекрытие со следами огня. Продольных перекрытий не обнаружено.

Скелет (подросток – девочка?, 11-13 лет) лежал в вытянутом положении, с завалом на правый бок, теменем на запад, лицом на юг. Правая рука под углом 45° вытянута к южной стенке могилы. Левая рука согнута в локте практически под прямым углом так, что лучевая и локтевая кости лежат в районе брюшной полости, а кисть лежит на земле чуть выше таза. Ноги вытянуты с небольшим сгибом в коленях.

Погребение 11. Могильное пятно имело форму сильно вытянутого прямоугольника с выступом по юго-западному краю, благодаря которому могильное пятно напоминало своими контурами букву «Г». Захоронение ориентировано по линии северо-запад – юго-восток. Размеры пятна 2,17х0,75-1,30 м. Заплечики зафиксированы вдоль северо-западной стенки, частично вдоль юго-западной и северо-восточной стенок погребения. На данном могильнике такой тип захоронения встречается впервые. Интересно, что вдоль юго-западной стенки заплечики были зафиксированы в районе от головы до таза покойника, т.е. там, куда смотрит умерший. Ширина продольных заплечиков 0,8 м. Поперечные заплечики шириной около 0,2 м. При зачистке пятна по краям погребения был зафиксирован тонкий древесный тлен, вероятно, от перекрытий. На заплечиках зафиксированы фрагменты двух тонких истлевших деревянных перекрытия. От первого удалось проследить лишь слабый тлен. Вторая деталь перекрытия (доска или плаха) размерами 26х18х3 см.

Размеры могильной щели 2,00x0,40-0,65 м. При расчистке погребения слабый деревянный тлен фиксировался за головой вдоль юго-восточной стенки, вдоль юго-западной и северо-восточной стенок до уровня таза погребенного костяка.

Умерший (мужчина, 25-35 лет, рост 151-155 см) лежал в вытянутом положении, с завалом на правый бок, прислоненный к северо-восточной стенке погребения, теменем на северо-запад, лицом на юго-юго-запад. Правая рука согнута в локте под углом 45° так, что лучевая и локтевая кость направлены к черепу и кости правой руки (плечевая, лучевая и локтевая) образуют подобие буквы «V». Кисть правой руки несколько загнута внутрь, к лицу умершего. Левая рука согнута в локте под углом 90° так, что лучевая и локтевая кости лежат в области брюшной полости, а кисть левой руки покоится ниже локтя правой.

***

Для всех раскопанных погребений характерна приверженность к мусульманским канонам захоронения. Е.А.Халикова выделяла следующие требования, обязательные для мусульманского обряда. Первое – соблюдение кыблы – положения умершего лицом к Мекке с легким доворотом тела на правый бок. Второе – отсутствие в погребении каких-либо вещей, кроме савана. (Халикова Е.А., 1986, с. 45-46). Во всех раскопанных нами погребениях умершие были повернуты лицом в сторону Мекки – на юг, с незначительными отклонениями, во всех случаях фиксировался совершенный в разной степени доворот тела на правый бок. Наличие савана в безынвентарных захоронениях фиксировалось неестественным положением конечностей умерших, достигавшимся тугом пеленанием. Все погребения располагались в узкой могильной щели шириной, в среднем, 40 см.

Датирующего материала в погребениях практически не встречено, за исключением нескольких мелких фрагментов красноглиняной неглазурованной керамики в засыпке могилы и фрагмента стенки золотоордынского красноглиняного неглазурованного сосуда с линейно-арочным орнаментом. Многочисленные крупные фрагменты деревянных перекрытий могилы делают возможным в дальнейшем датировать каждое погребение с помощью дендрохронологического анализа. В целом, следует отметить хорошую сохранность, как деревянных перекрытий, так и скелетов, что увеличивает информативность данного могильника.

Антропологическое исследование

По результатам раскопок северо-западного некрополя Увекского городища в 2006-2007 гг. была получена остеологическая коллекция, включающая останки 9 индивидов различной сохранности:

Погребение 4. Мужчина, возраст Mat I (скорее 30-40 лет). Представлен черепом хорошей сохранности и практически полным скелетом, также хорошей сохранности.

Погребение 5. Мужчина, возраст Mat II (45-55 лет). Представлен черепом неплохой сохранности (сплюснен с боков), есть нижняя челюсть.

Погребение 6. Мужчина, возраст Juv II (23-25 лет). Представлен фрагментарным черепом (хорошей сохранности, подлежит реставрации); есть нижняя челюсть, а также скелет отличной сохранности, полный.

Погребение 7. Мужчина, возраст Mat I (35-45 лет). Представлен черепом посредственной сохранности: разрушена нижняя задняя часть свода, «сплюснен» с боков (не очень сильно), есть нижняя челюсть; скелет отличной сохранности и полный.

Погребение 8. Мужчина, возраст Ad (25-35 лет). Представлен черепом хорошей сохранности, у которого, однако, отсутствует нижняя правая часть свода, в связи с чем затруднены некоторые измерения, есть нижняя челюсть.

Погребение 9. Женщина, возраст Ad (25-35 лет). Представлена черепом посредственной сохранности: посмертная деформация («сплющивание» с боков, не очень сильное), смещение лицевого скелета относительно мозгового, есть нижняя челюсть; скелет хорошей сохранности, практически полный.

Погребение 10. Ребенок (девочка?), возраст Juv I (11-13 лет). Представлен фрагментарным черепом (неплохой сохранности), есть нижняя челюсть, и скелетом отличной сохранности, полным.

Погребение 11. Мужчина, возраст Ad (25-35 лет). Представлен черепом неплохой сохранности (сдавлен боков, что ставит под вопрос ряд измерений), с нижней челюстью, и скелетом практически полным, средней сохранности.

«Череп из траншеи». (Случайная находка, сделанная на территории некрополя). Женщина, возраст 15-20 лет. Череп средней сохранности, без нижней челюсти.

Таким образом, половозрастная структура этой небольшой выборки очень типична для оседлого средневекового населения (Бужилова А.П., 2005). Обращает на себя внимание ранний возраст смерти женщин, а также численное преобладание мужчин. Однако, в силу очень небольшой численности, нет оснований считать эти тенденции статистически значимыми.

Все черепа и скелеты, за исключением п. 10, были измерены по стандартным программам (Алексеев В.П., Дебец Г.Ф., 1964; Алексеев В.П., 1966). Останки из всех погребений, за исключением («черепа из траншеи»), были подвергнуты палеопатологическому осмотру.

Результаты краниологического анализа.

При хорошей в целом сохранности краниологического материала, многие черепа, в силу условий их залегания, оказались «сплющены» с боков, а в ряде случаев оказались утрачены значительные фрагменты свода. Это следует учитывать при рассмотрении результатов измерений (табл. 1 и 2). С другой стороны, во всех случаях измерения отражают общий морфологический тип черепов, и качественный анализ состава серии вполне имеет право на существование.

Численность выборки делает бессмысленными как подсчет средних значений, так и внутригрупповой многомерный анализ, однако некоторые наблюдения можно сделать. Мужские черепа из погребений 5, 6, 7 и 11 (т.е. 4 из 6) характеризуются долихокранной или мезокранной формой черепной коробки, которая при средней длине – очень узкая. Кроме этого, их объединяет узкое (у некоторых – очень узкое) лицо и достаточно слабое выступание носовых костей. Примерно к этому же «типу» можно отнести женский череп из погребения 9. Наличие в золотоордынских городах мезодолхокранного населения в качестве самостоятельного компонента отмечалось многими исследователями (Трофимова Т.А., 1949; Ефимова С.Г., 1983; Евтеев А.А., 2003), и здесь находит дополнительное подтверждение. Интересно, что подобный компонент, в других сериях относительно немногочисленный, в данном случае оказывается доминирующим. Два других мужских черепа, п. 4 и 8 – резко брахикранной формы, при этом имеют от долихокранной группы еще некоторые отличия: более широкое лицо, сильнее выступающий нос. Данный вариант (как ни спекулятивно выглядит его выделение на двух черепах) является очень типичным и значительным по численности компонентом населения золотоордынских городов Поволжья (Дебец Г.Ф., 1948; Трофимова Т.А., 1949; Яблонский Л.Т., 1987). Женский череп юношеского возраста («из траншеи») характеризуется резкой брахикрацией и – единственный из всей серии – достаточно ярко выраженными монголоидными особенностями в строении лицевого скелета.

Результаты остеометрического анализа.

Были измерены 4 мужских и 1 женский скелет, все достаточно хорошей сохранности, измерялись обе стороны скелета. В силу низкой вариабельности размеров (во

всяком случае, продольных) костей в мужской группе, а также невысокого уровня билатеральной асимметрии, привожу здесь только средние значения признаков правой стороны, а по единственному женскому костяку – индивидуальные данные (таблица 3).

Размеры тела в исследуемой выборке очень небольшие, даже на фоне других средневековых групп (Рудь Н.М., 1987; Антропология ногайцев, 2003; Боруцкая С.Б., 2004; Бужилова А.П., 2005; Пежемский Д.В., 2008). Средняя длина тела у мужчин менее 160 см. (по формулам Пирсона или Троттер и Глезер) – достаточно редкое явление. Сказанное относится также и к показателям массивности костей посткраниального скелета. Таким образом, нельзя сказать, что малые продольные размеры компенсировались развитием широтной компоненты, серия в целом грацильная. Интересно, что размах вариации большинства размеров очень невелик.

Результаты палеопатологического обследования.

Погребение 4 (мужчина, 30-40 лет, скелет и череп).

Длина тела: по формуле Троттер, Глезер – 158,8 см; по формуле Пирсона, Ли – 155,7 см.

1) *Зубная система* для этого возраста в очень хорошем состоянии: прижизненных утрат зубов, эмалевой гипоплазии, кариеса, одонтогенного остеомиелита (ООМ) – не отмечено, стертость зубов достаточно слабая; зубной камень присутствует; возможно, небольшие сколы эмали.

2) Состояние *поясничных позвонков* неплохое: небольшие остеофиты, следов межпозвоночных грыж (узлы Шморля) не отмечено; состояние *грудных позвонков* хуже: выраженные узлы Шморля, пороз; заметное отклонение остистых отростков влево.

3) Выраженные следы артрита (стирание и макропороз) *ключично-акромиального сустава* (отмечаются и на акромиальном отростке лопатки, и на ключице); отмечено с левой стороны, правая разрушена.

4) Пороз и остеофитоз мест прикрепления практически всех *ребер к груди*.

5) Относительно сильное стирание *локтевого* и, возможно, *лучезапястного суставов*

6) Относительно сильное стирание суставных поверхностей и остеофитоз *таранной и пяточной костей*.

Погребение 5 (мужчина, 45-55 лет, череп).

Комплекс зубных патологий:

1) *Утрачены* задолго до смерти: правый и левый нижние первые моляры; нижние левые моляры с первого по третий; незадолго до смерти: левый нижний второй премоляр, верхний правый третий коренной.

2) *Одонтогенный остеомиелит (ООМ)*: лакуна вокруг корней верхнего правого первого моляра, выход в ротовую полость (3 на 3 мм.)

3) *Кариес*: нижние правые второй (3 на 3 мм.) и третий (5 на 5 мм.) моляры, на буккальной поверхности

4) *Эмалевая гипоплазия*: множественные выраженные линии - предполагаемое время прерывания роста - 2-3 и 5 лет;

5) Очень сильное развитие *зубного камня*, в том числе и на лингвальной поверхности зубов

6) Своеобразная *патология костной ткани альвеолярного отростка* в области нижнего правого третьего моляра: «сплющивание» сверху (со стороны зуба), кость образует «подошву» вокруг корней зуба; возможно, это связано с гипертрофированным развитием зубного камня, долгое время оказывавшего давление на ткани десны.

7) Вмятина на *левой теменной кости*, практически в центре (20 на 10 мм.): слабо заметная, возможно, последствия травмы.

Погребение 6 (мужчина, 23-25 лет, череп и скелет).

Длина тела: по формуле Троттер, Глезер – 160,5 см; по формуле Пирсона, Ли – 157,2 см.

Состояние *зубной системы* очень хорошее: утрат зубов, следов кариеса, ООМ – не отмечено.

1) Хорошо выраженная эмалевая гипоплазия, предполагаемое время прерывания роста - 3-4 года.

2) Зубной камень в виде налета.

Скелет, в т.ч. суставные поверхности и позвоночник, в идеальном состоянии.

Погребение 7 (мужчина, 35-45 лет, череп и скелет).

Длина тела: по формуле Троттер, Глезер – 161,6 см; по формуле Пирсона, Ли – 158,2 см.

Зубная система в целом в неплохом состоянии: явных следов кариеса, ООМ, эмалевой гипоплазии – не отмечено.

1) *Утрачены* прижизненно: левый верхний первый коренной; возможно – правый нижний третий коренной; наблюдается резорбция костной ткани вокруг корней левого нижнего первого коренного и правого верхнего третьего коренного.

2) Средние по величине сколы эмали.

3) Зубной камень

4) Потемнение эмали.

Состояние *скелета* в целом хорошее, сильного стирания суставов не наблюдается.

5) Комплексная патология позвоночного столба:

- 1-2 грудные позвонки: дегенеративные изменения мест прикрепления ребер (каверны, краевые разрастания);

- 3-6 грудные: остатки приросших ребер (в анатомически правильном положении);

- 5-6 грудные: срастание задней поверхности, *между верхними и нижними суставными отростками*;

- 7-12 грудные: срастание верхних и нижних суставных отростков (срастание не затрагивает переднюю и боковые поверхности позвонков); пороз и остеофитоз в области реберных ямок и мест прикрепления ребер к поперечным отросткам – возможно, воспалительной природы;

- 1-2 поясничные позвонки: свободны, в дорзальной части, возможно, следы компрессионного перелома – отделенный и приросший фрагмент края позвонка, а также разрушение суставной поверхности в задней части;

- 3-5 поясничные позвонки и крестец: срастание того же типа, что и в грудном отделе; в целом этот отдел изогнут, возможно, слишком сильный сгиб между 5 поясничным позвонком и крестцом;

- очень неровная, пористая поверхность ушковидных поверхностей тазовых и костей и крестца (крестцово-тазовый сустав), напоминает последствия вывиха.

Следует отметить, что анатомический порядок позвонков и ребер в целом не нарушен, сам характер срастания позвонков – только по задней поверхности – нетипичен. Можно предположить, что наблюдаемые изменения связаны с последствиями травмы, приведшей к разрыву мускулатуры и связочного аппарата позвоночника, смещению позвонков и ребер, тазовых костей относительно крестца, а также, возможно, компрессионным переломам. После получения этой предполагаемой травмы человек прожил достаточно долго. Можно предположить, исходя из характера повреждений, 1 и 2 поясничных позвонков, получение компрессионного перелома еще до прирастания краевого валика позвонка, т.е. в юношеском возрасте.

6) Артрит *головки бедренной кости*: заложение и пороз на латеральной верхней поверхности головки бедра (15 на 15 мм) – возможно, последствия вывиха.

7) Патологии *рукоятки грудины* в области прикрепления первых ребер

Погребение 8 (мужчина, 25-35 лет, череп).

1) *Эмалевая гипоплазия*, слабая, предполагаемое время прерывания роста - 4-5 лет.

Погребение 9 (женщина, 25-35 лет, череп и скелет).

Длина тела: по формуле Троттер, Глезер – 150,4 см; по формуле Пирсона, Ли – 147,9 см.

Состояние *зубной системы* в целом хорошее: прижизненных утрат зубов, следов кариеса и ООМ не отмечено, стертость зубов слабая.

1) Слабо выраженная *эмалевая гипоплазия* (предполагаемое время прерывания роста - 3-4 года).

2) Поперечная трещина коронки правого верхнего первого моляра, имеются сколы эмали.

3) Зубной камень средней степени выраженности.

Состояние *скелета* в целом и суставных поверхностей очень хорошее.

Погребение 10 (подросток – девочка?, 11-13 лет, череп и скелет).

1) Трудности с *прорезыванием зубов*: задержка выпадения молочных моляров верхней челюсти и прорезывания вторых верхних премоляров, а также очень крупные третьи верхние коренные, для которых нет места в челюсти.

2) *Эмалевая гипоплазия*, хорошо выраженные линии (предполагаемое время прерывания роста - 3-4 года).

3) *Потемнение эмали*.

4) *Cribra orbitalia*, 2 балл.

Погребение 11 (мужчина, 25-35 лет, череп и скелет).

Длина тела: по формуле Троттер, Глезер – 154,7 см; по формуле Пирсона, Ли – 151,4 см.

Зубы практически в идеальном состоянии: утрат зубов, явных следов кариеса, ООМ, сколов эмали – не отмечено.

1) *Зубной камень* достаточно выраженный, в виде равномерного налета и более интенсивных наростов у корней зубов всех классов.

2) *Эмалевая гипоплазия* в целом выражена слабо, есть одна полоса-углубление («единичная средняя»).

3) Артрит головок нижней челюсти, задняя поверхность (пороз).

4) Комплекс изменений *костей запястья и пясти* – остеофитоз фаланг (особенно по краям нижней поверхности); остеофитоз некоторых костей запястья; заострение и разрастание краев некоторых суставных поверхностей; состояние пограничное с артритом; все симптомы сильнее слева.

5) Пористые достаточно крупные разрастания на ниж. пов. дистальных фаланг 1-х лучей стопы; края некоторых суставных поверхностей костей предплюсны заострены.

6) Небольшое округлое отверстие на проксимальной суставной поверхности первой фаланги 1-го луча правой стопы.

7) Следы достаточно острого локального воспалительного процесса в задней нижней части ушковидной поверхности левой тазовой кости (асимметрично): часть ушковидной поверхности замещена ямкой, в которой и располагается разрастание. В гораздо меньшей степени следы этого процесса можно отметить на ушковидной поверхности крестца.

8) Суставные поверхности *cavitas glenoidalis* (особенно левая) неровные, края заострены.

9) «Скошено» место соединения рукоятки и тела грудины, явные следы артрита этого сочленения, а также артрит мест прикрепления всех ребер к груди.

10) Артрит акромиальных суставных поверхностей обеих ключиц, однако на самом акромионе изменения не выражены.

11) Заострения краев и выросты суставных поверхностей локтевых костей (локтевой сустав).

12) Под вопросом, но с высокой вероятностью: перелом в дистальной части диафиза правой лучевой кости; перелом хорошо сросся, однако наблюдается сильное изменение формы кости и следы костной мозоли.

Позвоночник.

13) Выраженный артрит основания крестца (верхняя суставная поверхность 1-го крестцового позвонка).

14) Поясничный отдел: резко выраженный артрит двух нижних позвонков (пороз, грыжи, сильные разрастания); однако остальные три поясничных позвонка в относительно неплохом состоянии.

15) Артрит левого верхнего суставного отростка 7-го шейного позвонка (асимметрично и аналогов на других позвонках нет); на 5-6 позвонках – грыжи на обеих поверхностях; весьма вероятно, что весь комплекс травматического происхождения.

По результатам палеопатологического анализа выборки можно сделать некоторые общие заключения.

1) Наблюдается определенная специфика состояния зубной системы в группе: высокая частота зубного камня при достаточно обильных его отложениях (в том числе у молодых индивидов), наличие сколов эмали, относительно малое число случаев кариеса (данная болезнь отмечена лишь у одного индивида, самого старшего в выборке, п.5), одонтогенного остеомиелита (также один случай у того же «пожилого» индивида), прижизненных утрат зубов. В какой-то степени это может свидетельствовать о том, что диета в данном случае не сводилась к вязкой и насыщенной углеводами пище (хлеб, каши, вареные овощи и т.п.), но могла включать значительное количество мясных продуктов и клетчатки (Бужилова А.П., 2005). В пользу возможности относительно полноценного питания также свидетельствует наличие лишь одного случая *cribra orbitalia* в выборке.

2) В двух случаях (п.7 и п.10) наблюдается изменение цвета эмали зубов в виде темно-бурых пятен. Наиболее вероятным объяснением подобных изменений считается флюороз – следствие повышенного содержания фтора в потребляемой воде (Ortner, 2003).

3) На 3 из 4 (п. 4, 7, 11) исследованных мужских скелета отмечен артрит суставов и сочленений костей верхнего пояса конечностей и грудной клетки, в первую очередь ключично-акромиального сустава и мест прикрепления ребер к груди. Стернальный конец ключицы при этом всегда в хорошем состоянии. Единственный индивид, не имевший указанных заболеваний (п.6), умер в возрасте менее 25 лет.

4) Также на 3 (тех же самых) мужских скелетах отмечены дегенеративно-дистрофические изменения позвоночного столба, причем в двух случаях (п. 7 и п. 11) – травматического происхождения и связанные с воспалительными процессами.

Возможны два (не противоречащих друг другу) подхода к объяснению столь высокой частоты патологий, указанных в пунктах 3 и 4:

- высокая и «травмоопасная» нагрузка на пояс верхних конечностей и позвоночник, связанная с особенностями профессиональной деятельности;

- пониженная устойчивость опорно-двигательного аппарата к неблагоприятным воздействиям, связанная с низким уровнем физического развития индивидов.

5) Лишь у двух из восьми индивидов не отмечено следов эмалевого гипоплазии (частота этого маркера, таким образом, составляет 75%), что свидетельствует о высо-

кой частоте неблагоприятных событий (кратковременный острый голод, болезни) в детском возрасте (Бужилова А.П., 1995).

б) Не отмечено (за исключение одного достаточно спорного случая, п.5) следов травм, связанных с сознательным применением насилия, т.н. «боевых».

Литература

- Алексеев В.П.* Osteometria (методика антропологических исследований). М., 1966.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.*, Краниометрия (методика антропологических исследований). М., 1964.
- Антропология ногайцев.* (Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа). М., 2003. Вып. IV.
- Баллод Ф.В.* Приволжские «Помпеи». М.-Пг., 1923.
- Боруцкая С.Б.*, Палеоантропологическое исследование погребений Усть-Иерусалимского могильника г. Болгар (Татарстан) // Вестник антропологии. М., 2003. №11.
- Бужилова А.П.* Древнее население: палеопатологические аспекты исследования. М., 1995.
- Бужилова А.П.* Homo sapiens: История болезни. М., 2005.
- Васильев Д.В.* Ислам в Золотой Орде: историко-археологическое исследование. Астрахань, 2007.
- Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР. М.-Л., 1948.
- Евтеев А.А.* Население золотоордынского города Маджара по данным краниологии // Вестник антропологии. М., 2003. №10.
- Евтеев А.А., Кубанкин Д.А.* Археологические раскопки северо-западного некрополя Увековского городища в 2005-2006 гг. // Народы Саратовского Поволжья: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Саратов, 2006.
- Ефимова С.Г.* Краниология городского населения Волжской Булгарии (по материалам билярских некрополей) // Вопросы антропологии. М., 1983. Вып. 72.
- Кротков А.А.* Раскопки на Увек в 1913 году // Труды СУАК. 1915. Вып. 32.
- Кубанкин Д.А.* Погребальные памятники Увековского городища // АВЕС. Саратов, 2006. Вып.4.
- Пежемский Д.В.* Реконструктивные аспекты остеологии человека: Автореф. дисс. ... к.б.н. М., 2008.
- Рудь Н.М.* Антропологические данные к вопросу об этнических взаимоотношениях на Средней Волге к X-XIV вв. // Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987.
- Трофимова Т.А.*, 1949. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии // ТИЭ. М.-Л., Т. 7.
- Халикова Е.А.* Мусульманские некрополи волжской Болгарии X-XIII вв. Казань, 1986.
- Яблонский Л.Т.* К палеодемографии населения средневекового города Сарая Бату (Селитренное городище) // Советская этнография. 1980. № 1.
- Яблонский Л.Т.* Социально-этническая структура золотоордынского города по данным археологии и антропологии (монголы в средневековых городах Поволжья) // Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987.
- Яблонский Л.Т.* К палеоантропологии средневекового населения Поволжья // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2008.
- Ortner D.J.* Identification of pathological conditions in human skeletal remains. Academic Press, 2003.

Таблица 1.

Индивидуальные значения краниометрических признаков мужских черепов из северо-западного некрополя Увекского городища

№ признака	п.4	п.5	п. 6	п.7	п.8	п. 11
	♂ Mat I	♂? Mat II	♂ Juv II	♂ Mat I	♂ Ad	♂ Ad
1. Продольный диаметр	170	182?	183	192?		182??
8. Поперечный диаметр	145	130?	140?	136?		133??
8/1	85,3	71,4?	76,5?	70,8?		73,1?
17. Высотный диаметр	139			130	130	139
5. Длина основания черепа	98			100	95	98
9. Наименьшая ширина лба	105	83?	92	92	91	96,5
11. Ширина осн. черепа	125					
45. Скуловая ширина	132?			125?		119??
40. Длина основания лица	93			101	90	93
48. Верхняя высота лица	65	70	70	80	70	71
48/45	49,2			64,0!		59,7
43. Верхняя ширина лица	109	92,5	97	104	101	102
46. Средняя ширина лица	95	88		99	90	
60. Длина альвеол. дуги	52,5			54	47	53
61. Ширина альвеол. дуги	60,5	55		65	62	58
55. Высота носа	49,5	54,0	52,0	59,0	53,0	48
54. Ширина носа	24,2	24,5		25,0	25,8	23,1
54/55	48,9	45,4		42,4	48,7	48,1
51. Ширина глазницы	40,6	38,1	39,1	41,7	40,9	38,9
52. Высота глазницы	31,7	32,0	31,7	30,5	31,7	29,4
52/51	78,1	84,0	81,1	73,1	77,5	75,6
77. Назомалярный угол	143,5	129,1		135,0	140,2	137,8
Зигомаксиллярная ширина	93,7	87,1		97,3	88,4	89,0?
ZM. Зигомаксилл. угол	127,8	111,6		127,4	120,6	126,0
SC. Симотическая ширина	7,8	10,2	10,1	8,2	8,8	8,8
SS. Симотическая высота	3,1	4,9	3,5	2,6	4,9	4,4
SS/SC	39,7	48,0	34,7	31,7	55,7	50,0
MC. Максиллофронт. ширина	23,1	20,3	23,7	19,4	19,5	21,0
MS. Максиллофронт. высота	7,8	8,4	8,7	6,5	8,3	10,9
MS/MC	33,8	41,4	36,7	33,5	42,6	51,9
Глубина клыковой ямки	4,6	4,8		4,2	7,4	6,9
75(1). Угол выступания носа	31,8	21,4?		28,2	30,3	18,9

Таблица 2.

Индивидуальные значения краниометрических признаков женских черепов из северо-западного некрополя Увекского городища

№ признака	п. 9	тран.
	♀ Ad	♀ Juv I
1. Продольный диаметр	177?	158
8. Поперечный диаметр	134?	136?
8/1	75,7?	86,1
17. Высотный диаметр	133?	129
5. Длина основания черепа	106	97
9. Наименьшая ширина лба	92	89
11. Ширина осн. черепа		121
45. Скуловая ширина	123?	
40. Длина основания лица		94
48. Верхняя высота лица	67	60
48/45	54,5	
43. Верхняя ширина лица	96	99
46. Средняя ширина лица	95?	88
60. Длина альвеол. дуги		47
61. Ширина альвеол. дуги		60
55. Высота носа	49,5	48,0
54. Ширина носа	21,2	23,7?
54/55	42,8	49,4
51. Ширина глазницы	39,5	43,0
52. Высота глазницы	31,5	32,1
52/51	79,7	74,7
77. Назомалярный угол	142,9	147,2
Зигомаксиллярная ширина	94,8	85,9
ZM. Зигомаксилл. угол	135,4	133,9
SC. Симотическая ширина	8,3	4,7
SS. Симотическая высота	3,3	2,1
SS/SC	39,8	44,7
MC. Максиллофронт. ширина	20,6	18,2
MS. Максиллофронт. высота	6,7	5,7
MS/MC	32,5	31,3
Глубина клыковой ямки	+0,5	4,5
75(1). Угол выступания носа	24,9	

Таблица 3.

Средние значения остеометрических признаков мужских скелетов из северо-западного некрополя Увекского городища и индивидуальные значения признаков женского скелета из погребения 17

№ признака	Средние значения, минимум и максимум (п.4, 6, 7, 11)	п. 9	
		♂	♀ Ad
	Прав.	Прав.	Лев.
Плечевая кость	X, (min-max)		
1. Наибольшая длина	300,8 (294-308)	292	285
2. Общая длина	296,0 (291-301)	289	279
3. Ширина верхнего эпифиза	48,0 (45-50)	44	43
4. Ширина нижнего эпифиза	57,8 (54-60)	48?	47?
5. Наибольшая ширина середины диафиза	22,4 (21-24)	21	19
6. Наименьшая ширина середины диафиза	17,5 (16,5–19,5)	15	14
7. Наименьшая окружность диафиза	61,6 (59-65)	55	53
7а. Окружность середины диафиза	63,5 (57-70)	58	56
7/1 Указатель прочности	20,5 (19,2-21,7)	18,8	18,6
6/5 Указатель поперечного сечения диафиза	78,3 (71,7-81,3)	71,4	73,7
Лучевая кость			
1. Наибольшая длина	227,0 (225-231)	217	215
2. Физиологическая длина	215,3 (211-219)	208	206
3. Наименьшая окружность диафиза	39,5 (37-42)	35	34
4. Ширина диафиза	16,6 (15,5-18)	14	14
5. Сагиттальный диаметр диафиза	11,4 (10-12)	10	10,5
3/2 Указатель прочности	18,3 (17,5-19,5)	16,8	16,5
5/4 Указатель поперечного сечения диафиза	68,9 (55,6-77,4)	71,4	75,0
Локтевая кость			
1. Наибольшая длина	246,3 (244-251)	236	232
2. Физиологическая длина	220,7 (218-224)	211	208
11. Сагиттальный диаметр диафиза	12,3 (11-14)	11	10
12. Ширина диафиза	15,3 (14-17)	15	13
3. Наименьшая окружность диафиза	35,5 (34-37)	31,5	29
3/2 Указатель прочности	16,3 (15,6-16,8)	14,9	13,9
1/2 Указатель наибольшей длины I	111,6 (110,9-112,1)	111,8	111,5

Таблица 3 (продолжение).

11/12 Указатель поперечного сечения диафиза	80,4 (73,3-85,7)	73,3	76,9
Ключица			
1. Наибольшая длина	137,0 (132-145)	118	122
6. Окружность	36,0 (30-39)	33	32
6/1 Указатель прочности	26,3 (22,7-29,1)	28,0	26,2
<i>Лучеплечевой указатель</i>	75,5 (73,1-76,7)	74,3	75,4
Бедренная кость			
1. Наибольшая длина	406,3 (403-409)	387	392
2. Общая длина в естественном положении I	402,8 (399-408)	385	388
21. Ширина нижнего эпифиза	75,0 (73-78)		63,5
6. Сагиттальный диаметр диафиза	26,4 (25,5-27)	24	23
7. Ширина диафиза	25,4 (24,5-26)	23	23,5
8. Окружность середины диафиза	80,9 (79-82,5)	72,5	72,5
8/2 Указатель массивности	20,1 (19,6-20,5)	18,8	18,7
6+7/2 Указатель прочности	12,8 (12,5-13,2)	12,2	12,0
6/7 Указатель поперечного сечения	104,0 (100,0-108,0)	104,3	97,9
7/21 Указатель ширины середины диафиза	33,9 (32,7-35,6)		37,0
Большая берцовая кость			
1. Общая длина	331,0 (322-341)	312	311
1а. Наибольшая длина	324,5 (316-334)	306	306
3. Ширина верхнего эпифиза	71,0 (68-74)	60?	
6. Ширина нижнего эпифиза	49,7 (48-52)	43	
8. Наибольший сагиттальный диаметр (середины диафиза)	27,4 (24-30)	23	23
8а. Сагиттальный диаметр диафиза (на ур. пит. отв.)	30,6 (28-33)	25	25
9. Ширина середины диафиза	20,0 (19-21)	17	17
9а. Ширина диафиза (на ур. пит. отв.)	22,3 (20-23)	19	18
10. Окружность середины диафиза	74,4 (70-80)	62	62
10б. Наименьшая окружность диафиза	69,5 (67-74)	58	58
9/8 Указатель поперечного сечения середины диафиза	73,7 (66,7-87,5)	73,9	73,9
9а/8а Указатель платикнемии	72,9 (64,5-82,1)	76,0	72,0
3/1 Указатель ширины верхнего эпифиза	21,3 (21,0-21,7)	19,2	
10/1 Указатель массивности	22,5 (21,7-23,7)	19,9	19,9
10б/1 Указатель прочности	21,0 (20,2-21,9)	18,6	18,6

Таблица 3 (продолжение).

Крестец			
2. Передняя высота	106,3 (95-121)	111	111
5. Верхняя ширина	105,0 (90-115)		
1. Длина тазовой поверхности	110,0 (103-124)		
5/1 Указатель ширины тазовой поверхности II	95,6 (87,4-106,8)		
2/1 Указатель изгиба тазовой поверхности	96,6 (92,2-100,0)		
<i>Берцово-бедренный указатель</i>	82,2 (80,3-84,1)	81,0	81,0
<i>Интермембральный указатель</i>	71,9 (71,0-73,5)	73,0	73,0
<i>Плече-бедренный указатель</i>	74,7 (73,7-76,6)	75,8	75,8
<i>Луче-берцовый указатель</i>	68,6 (67,2-69,9)	69,6	69,6
Длина тела (см)			
- Троттер/Глезер	158,9 (154,7-161,6)	150,4	150,4
- Дюпертюи/Хэдден	162,3 (156,7-165,3)	152,5	152,5
- Пирсон/Ли	155,6 (151,4-158,2)	147,9	147,9

Рис. 1. План расположения северо-западного некрополя Увекского городища

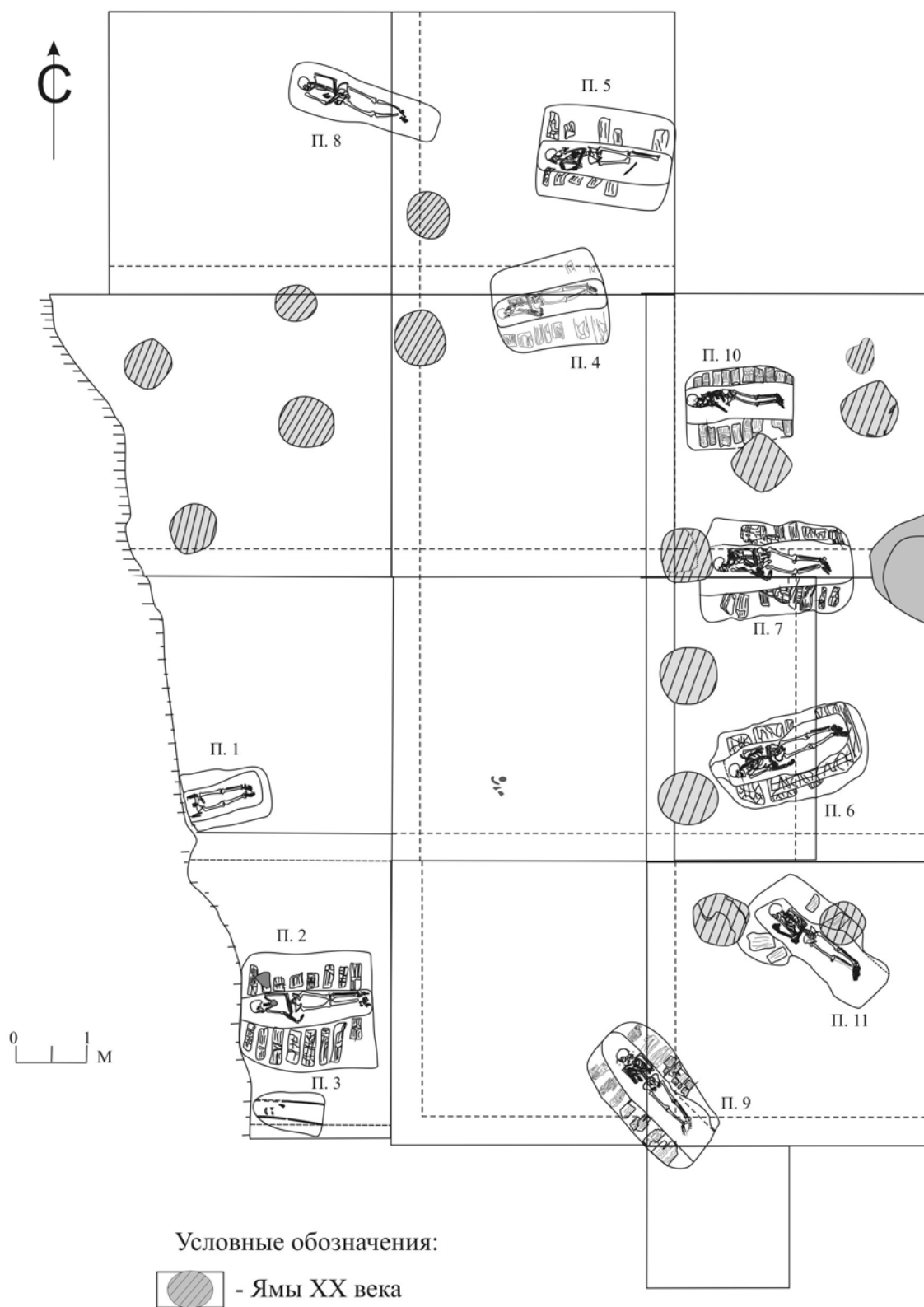

Рис. 2. План раскопанного участка северо-западного некрополя Увекского городища (раскоп 1/2005-2007)

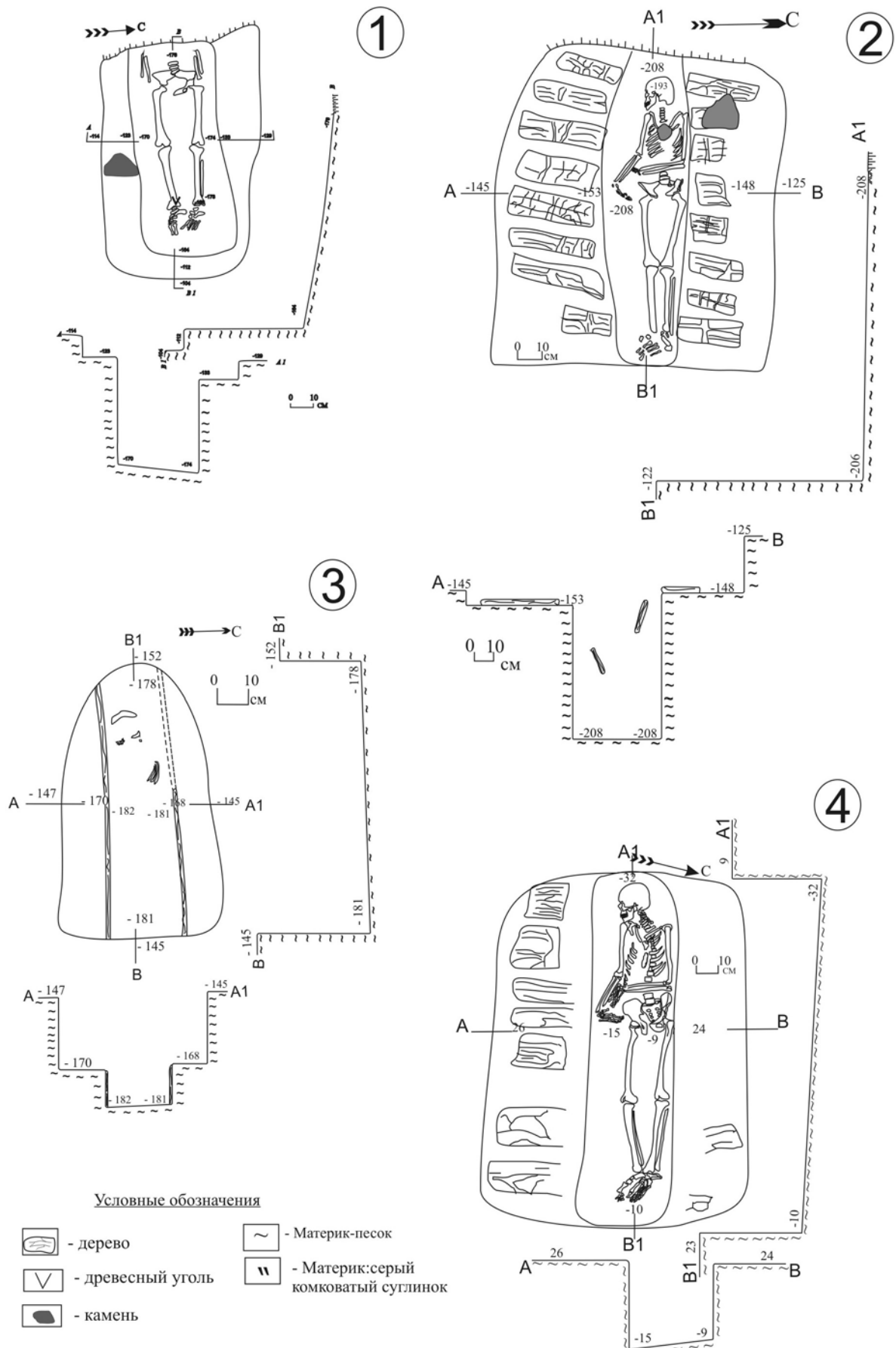

Рис. 3. Северо-западный некрополь Увекского городища. Планы и разрезы погребений № 1 – 4

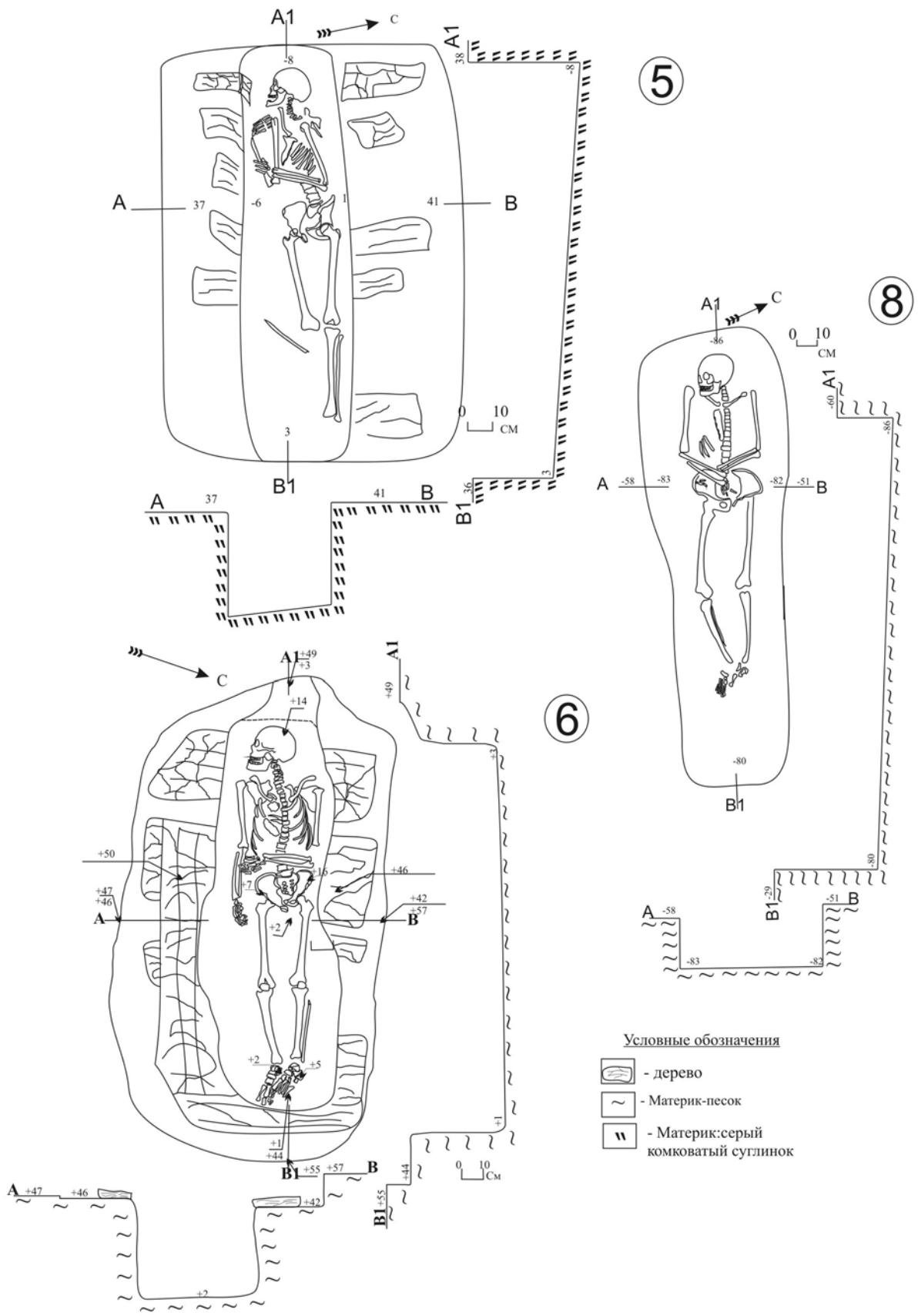

Рис. 4. Северо-западный некрополь Увекского городища. Планы и разрезы погребений № 5, 6, 8

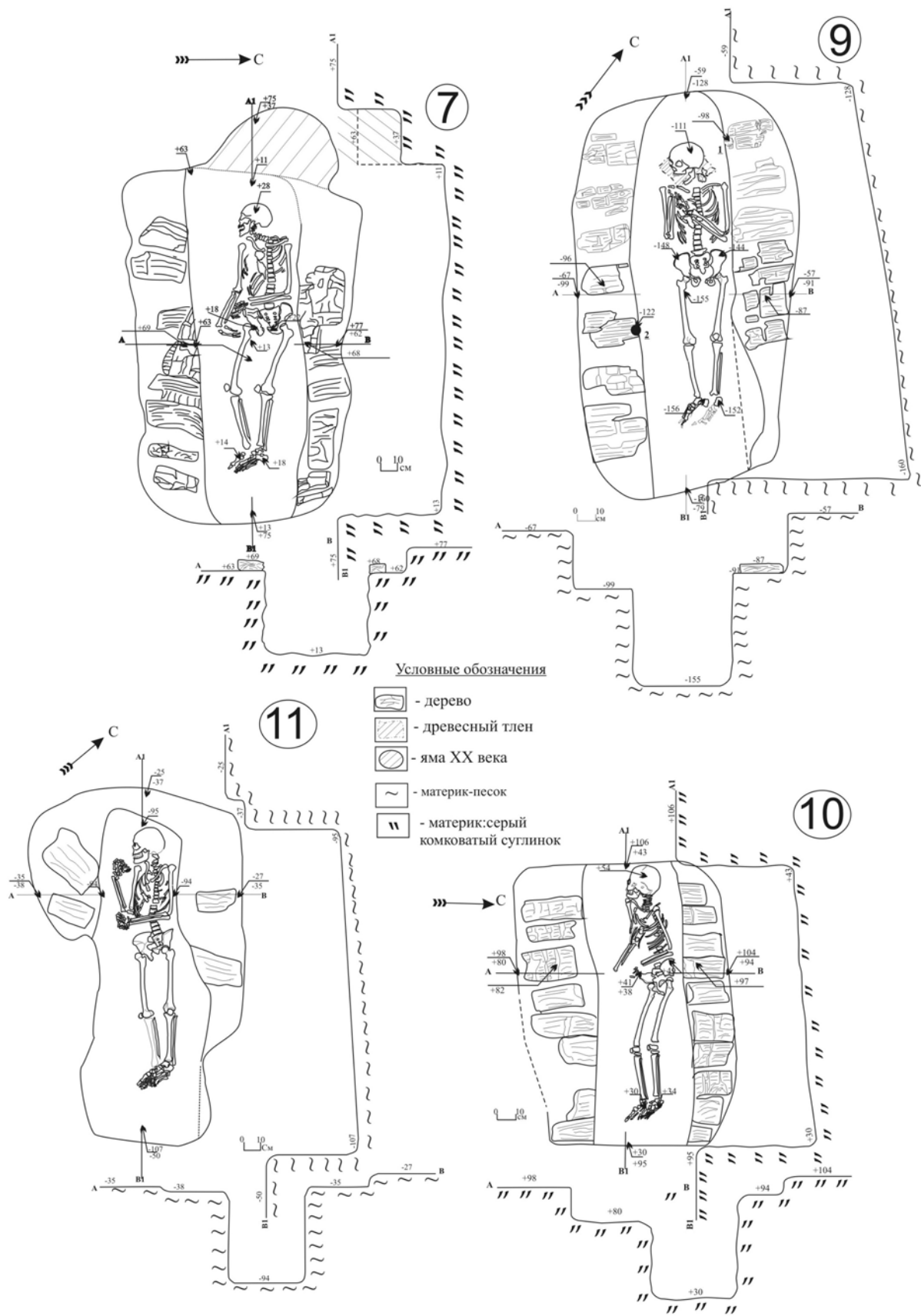

Рис. 5. Северо-западный некрополь Увекского городища. Планы и разрезы погребений № 7, 9-11

Д.В. Марыксин, Р.А. Сингатулин

ОПЫТНЫЕ СТЕРЕОФОТОГРАММЕТРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГОНЧАРНОЙ КЕРАМИКИ

(к совместным исследованиям Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии и лаборатории информационных технологий Педагогического института СГУ)

Традиционно стереофотограмметрические технологии связывают с полевыми археологическими исследованиями, когда необходимо получить детализированный топографический план раскопа, провести измерение изучаемых объектов и пространственно интерпретировать их относительно других объектов. Вместе с тем, в методическом отношении для стереофотограмметрических технологий характерно сочетание как полевых, так и камеральных работ. Если полевое стереофотограмметрическое исследование заключается в сплошном или выборочном обследовании территории с установлением необходимых сведений при непосредственном изучении археологических объектов, то камеральное стереофотограмметрическое исследование предусматривает определение изучаемых объектов, прежде всего керамики, по признакам, на основе анализа стереопар фотоснимков с использованием справочных данных, эталонов и др. (Лобанов А.Н., 1984).

Особенностью применения стереофотограмметрических технологий при исследовании массового керамического материала является возможность быстрого и качественного измерения формы сосуда. Необходимый уровень точности и качество инструментальных измерений (особенно при трёхмерной реконструкции археологической керамики) достигается с помощью метрических стереоскопических информационно-измерительных систем (ИИС). Вместе с тем, использование стереофотограмметрических систем на основе обычных цифровых (неметрических) фотоаппаратов и специализированных программных продуктов, позволяет проводить такие исследования не менее эффективно, чем с помощью специализированного оборудования.

Особый интерес вызывает использование стереофотограмметрических технологий при идентификации «авторства» работы гончара. Идентификация гончарной посуды, произведённой одним автором, с точки зрения источниковедения является достаточно актуальным исследованием. Вместе с тем, существующие археологические методы исследования не всегда эффективно справляются с данной проблемой. Широко известная методика, предложенная А.А. Бобринским (Бобринский А.А., 1978), основывается на сравнительном (визуальном) анализе отпечатков донной части сосудов и применима лишь в отдельных случаях, когда необходимо подтвердить или опровергнуть изготовление гончарной посуды с использованием одного и того же гончарного станка. Вместе с тем «авторство» изготовленного изделия в подобных исследованиях, как правило, уходит на второй план. А возникшие предположения на причастность работы того или иного гончара или группы обработчиков в своём большинстве основываются на эвристических решениях. Использование отпечатков пальцев позволяет точнее решать вопросы идентификации (Бобринский А.А., 1999). Однако наличие сохранившихся от-

печатков пальцев на поверхности керамики достаточно редкое событие, которое может быть и не связано с «автором» гончарного изделия (следы могут быть оставлены и другими участниками технологического процесса). В то же время, использование искусствоведческих экспертиз, основанных на криминалистических технологиях – достаточно дорогое и трудоёмкое исследование и применимо лишь на единичных артефактах. Очевидно, что для обработки массового керамического материала подобные экспертизы из-за сложности и высокой стоимости исследований, неприемлемы (Глушков И.Г., 1996). Кроме того, специфика археологических исследований, связанная с полевой и камеральной обработкой, наличием огромного объёма фрагментированного керамического материала, хранением коллекций в различных музеях и других организациях, делает задачу авторской идентификации практически невозможной. Тем не менее, возникшие препятствия преодолимы, но только в том случае, если массовый керамический материал будет оцифрован по определённой методике с помощью цифровых камер и внесён в специализированную базу данных. В этом случае у исследователей появляется уникальная возможность производить исследования дистанционно (например, с помощью глобальной сети Internet), находясь на значительном удалении от объекта исследования, с высокой эффективностью. В качестве основного инструментария выступают технологии, лежащие в основе палеофонографии – научной дисциплины, методы которой могут быть использованы при идентификации «авторства» гончарной продукции (Сингаулин Р.А., 2007). На примере конкретного, дистанционного исследования археологической керамики из могильника Мокринский I, проведённого в 2008 г. Западно-Казахстанским областным центром истории и археологии и лабораторией информационных технологий Педагогического института Саратовского госуниверситета, можно составить представление об эффективности используемого метода.

Рассматриваемая археологическая керамика с внешними признаками круговой технологии происходит из одного могильника Мокринский I, но относится к разным захоронениям, отстоящими друг от друга на полукилометровом расстоянии. Причём, захоронения были вскрыты в разное время (курган № 13 в 1974-1975 гг., а курган № 20 в 2008 г.). Проведение исследований было инициировано предположением об изготовлении данных изделий одним «автором» и обосновывалось внешней схожестью форм кувшинов. Вместе с тем, каких-либо надписей, клейм, отпечатков пальцев на поверхности исследуемых изделий, которые могли способствовать решению проблемы идентификации, не было выявлено.

Могильник Мокринский I расположен на левом берегу реки Большой Узень, на второй надпойменной террасе её старицы. Могильник состоит из 75 курганов, расположенных по обе стороны дороги из Мастексая в посёлок Айдархан (Жанажол), бывший Мокринский. Могильное поле расположено в 1 км на юго-восток от посёлка. Оно вытянуто с запада на восток на 600 м, с севера на юг на 200 м. Могильник разделен грейдером (дорогой) на две части, причем через 1 курган проходит её полотно, а насыпи 3 курганов повреждены кюветами дороги. Диаметры насыпей от 6 до 20 м, высота от 0,3 до 1,2 м, на некоторых из них имеются на вершинах воронки от грабительских раскопок. При обследовании насыпей на них обнаруживаются обломки красноглиняной керамики, жженных кирпичей. Насыпи малых и средних курганов в центральной части могильного поля почти соприкасаются, а большие курганы стоят отдельно, особняком. Экспедицией Уральского педагогического института им. А.С.Пушкина под руководством Г.А.Кушаева и Б.Ф.Железчикова в 1974 и 1975 гг. раскопано 17 курганов, основная масса которых была сконцентрирована в центральной части могильника. Материалы раскопок показали, что все курганы относятся ко времени Золотой Орды и датируются серединой XIV века. Спустя 34 года, в 2008 г. экспедицией Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии под руководством Д.В.Марыксина

было раскопано 5 курганов, нумерация которых была продолжена. Повторное обследование данного могильника показало, что большая часть курганов визуально не выявляется из-за их разрушения грейдером дороги и полевыми дорогами, проходящими через могильник. Один из раскопанных курганов являлся аварийным, а остальные находились на юго-западной и юго-восточной периферии могильника, т.к. центральная часть могильника была раскопана предыдущими экспедициями. На сегодняшний день в данном могильнике раскопано 22 кургана, которые относятся ко времени Золотой Орды и оставлены, по всей видимости, представителями знати или купечества в середине XIV в. Лишь погребения в кургане № 18 и впускные погребения в кургане № 19 возможно имеют более позднюю датировку, так как соответствуют мусульманской погребальной обрядности (Марыксин Д.В., 2009а).

С целью установления «авторства» керамических сосудов стереофотограмметрическому анализу подвергнуты два кувшина, происходящие из разных золотоордынских захоронений.

Один из них обнаружен в кургане № 13 могильника Мокринский I, в юго-восточном углу сырцовый оградки на глубине 0,6 м. Это большой красноглиняный кувшин (рис. 1). Тулово кувшина было расширено в центральной части, и сужалась в сторону дна и к горловине. Высота сосуда 60 см. Максимальный диаметр тулова 30 см. Горловина имеет вытянутую форму ($h - 20$ см), венчик полуваляком отогнут наружу. Сосуд имеет типичную Г-образную ручку, опускающуюся с середины горловины на верхнюю часть тулова. Кувшин орнаментирован по верхней части тулова двумя параллельными прорезными линиями, а по основанию горловины – рядом прорезных линий. Диаметр горловины 14 см, диаметр дна 16 см. Материалы данного могильника до сих пор полностью не опубликованы. Несколько публикаций по данному кувшину содержат ряд неточностей. Во-первых, дана неверная высота кувшина – 1 м (причем указано, что данный сосуд разбитый, хотя он был разделен лишь на три-четыре большие части), которая в полтора раза превышает реальную. Во-вторых, сосуд был ранее неверно интерпретирован как хум среднеазиатского (хорезмийского) происхождения (Жумаганбетов Т.Т., 1995, с. 32; История Западного Казахстана, 2006, с. 302, 315; Бисембаев А.А., 2003, с. 124, 135). На самом деле его реальная высота – 60 см, и он относится к категории крупных кувшинов без носика (Федоров-Давыдов Г.А., 2001, с. 32-38), а основным признаком хумов является отсутствие ручек (Федоров-Давыдов Г.А., 2001, с. 146-154). В настоящее время рассматриваемый кувшин находится на хранении в мемориальном комплексе «Дом-музей М.А.Шолохова», в посёлке Дарьинск, в 25 км от г. Уральск.

Данные другого гончарного кувшина, найденного в кургане № 20 могильника Мокринский I (Марыксин Д.В., 2009б), несколько различаются (рис. 1). Кувшин располагался по центру кургана и был вкопан вертикально в дневную поверхность. Размеры кувшина составляют: высота 54 см, диаметр тулова 30 см, диаметр горловины 9,5 см, диаметр дна 16 см, диаметр горла 11,5 см, толщина стенок у горловины 0,8 см. Находится на хранении в Западно-Казахстанском областном центре истории и археологии (г. Уральск). По типологии Г.А.Федорова-Давыдова данный сосуд относится к категории VIII aI – крупные кувшины без носика, со сливом (Отдел Г – с расширяющимся кверху растробом горлом, с прямым утолщенным венчиком, с прикрепленной сверху к середине горла, внизу к верхней части тулова, не достигающей до уровня края венчика дуговидной ручкой) (Федоров-Давыдов, 2001, с. 34-36). Сосуд украшен двумя горизонтальными линиями и волной между ними по середине тулова, несколькими линиями в нижней части тулова, и ногтевыми вдавлениями по верху и низу горла. Подобный сосуд был обнаружен на Селитренном городище (Федоров-Давыдов, 2001, с. 38).

Внешняя схожесть формы, фактуры поверхности и других визуальных признаков сосудов позволили выдвинуть предположение, что данные изделия были изготовлены

не только с помощью с одного и того же круга, но и одним «автором». Результаты стереофотосъёмок осуществлённых отдельно в Западно-Казахстанском областном центре истории и археологии (кувшинов из кургана № 20) и в мемориальном комплексе «Дом-музей М.А.Шолохова» (кувшинов из кургана № 13), впоследствии обработанных в лаборатории информационных технологий Педагогического института СГУ, показали справедливость предположения.

Стереофотосъёмка производилась цифровой фотокамерой DSC-F828 оснащённой 11 мм (тип 2/3) цветной ПЗС-матрицей (RGBE), методом параллельного смещения. База стереосъёмки составляла 56 мм. Результаты стереофотосъёмок показали, что сосуды имеют одинаковые опорные идентифицирующие признаки. Изображение двух кувшинов представленное на рис. 1, синтезированное, приведённое в соответствующий масштаб (в реальности они отстоят друг от друга на расстоянии не менее 25-30 км). Наиболее характерны участки кривых от точек D до A, AF и FB у обоих сосудов (рис. 1). Изгиб и толщина ручек несколько отличаются друг от друга, однако совпадают по расстоянию между внутренними крайними точками (по-видимому, ширина ладони обработчика использовалась в качестве образчика).

Изображения днищ кувшинов снимались отдельно и помощью специализированного ПО (IMAGINE OrthoBASE, ERDAS Stereo Analyst и частично, PHOTOMOD). Полученные стереоизображения использовались в операциях совмещения изображений с целью выявления характерных признаков. В результате этих работ выяснилось, что отпечаток днища у обоих сосудов совпадает по нескольким идентифицируемым линиям (рис. 2, I, II, III). Участок ABC на III K20 практически полностью совпадает с участком ABC III K13 на рис. 2. Кроме общих характерных областей, на обоих днищах фиксируется отпечатки правильных Г-образных форм (маркеров?), возможно выполняющих функции маркеров для облегчения операции центрирования (рис. 2, I, K20, K13), но несколько смещённых от центра вращения (у современных гончаров используются маркеры в виде концентрических окружностей, снежинок, звёзд и т.п.). В то же время нельзя утверждать, что в данном случае идентифицируется отпечаток рабочего круга. Возможно речь идёт об отпечатке рельефа поверхности вспомогательной полки у круга (не связано с клеймом).

Высота центрального декора (выполненного, предположительно с помощью внешнего маркерного опорного приспособления) от днища сосудов на уровне точек AA (рис. 1) совпадает у обоих кувшинов с точностью до 1 мм. Глубина, кривизна, наклон и форма рельефа декора у обоих изделий свидетельствуют о его нанесении одним и тем же обработчиком с помощью одного и того же инструмента. Волнообразный декор нанесён после нанесения параллельных линий (рис. 3, II).

Стереосъёмка линий декора с 22 мм базой по всей окружности позволила произвести 3D-построение структуры рельефа прорези. С помощью специализированного редактора RSF4 был произведён фотограмметрический синтез структуры рельефа в спектральную составляющую. Анализ спектра участка A-B (рис. 4) имел одинаковые идентифицирующие опорные кривые (начиная с частоты 113 Гц и до 2 кГц), что подтверждает «авторство» одного гончара при изготовлении обоих сосудов из кургана № 13 и кургана № 20.

Предварительные результаты, сделанные в процессе стереофотограмметрических исследований, приводятся ниже:

– изготовление обоих сосудов связано с одним и тем же гончарным кругом, что подтверждается при сравнении фотоснимков отпечатков идентифицирующих опорных признаков на внешней поверхности дна сосудов;

– для нанесения центрального линейного декора использовалось однотипное внешнее маркерное приспособление. Рельеф нанесён одним и тем же инструментом (на

основании анализа профиля канала дорожки), а волнообразный декор сосуда из кургана № 20 нанесён после нанесения горизонтальных линий;

– исследуемые гончарные изделия представляют собой работу одного автора (гончара-обработчика). Анализ участка спектра использованный для идентификации обработчика подтверждает «авторство» гончара при изготовлении обоих сосудов из кургана № 13 и кургана № 20.

Проведённые в 2008 г. совместные исследования золотоордынской посуды с помощью стереофотограмметрического обмера форм изделий не являются окончательными. В настоящее время проводятся дополнительные исследования, связанные с получением данных, как по внутреннему микрорельефу гончарных изделий из курганов № 13 и № 20, так и по химическому составу их теста.

Литература

- Бисембаев А.А.* Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII-XVIII вв.). Уральск, 2003.
- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М., 1978.
- Бобринский А.А.* Отпечатки кончиков пальцев на археологической керамике как исторический источник // Информационный бюллетень РФФИ, 1999. № 7.
- Глушков И.Г.* Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1996.
- Жумаганбетов Т.Т.* Золотоордынские памятники Степного Приуралья // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 1995. № 4.
- История Западного Казахстана.* Актобе, 2006. Т. I.
- Марыксин Д.В.* Мусульманские погребения могильника Мокринский I // Маргулановские чтения 2009. Петропавловск, 2009а.
- Марыксин Д.В.* Могильник Мокринский I эпохи Золотой Орды (по материалам раскопок 2008 года) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2009б. № 1.
- Лобанов А.Н.* Фотограмметрия. М., 1984.
- Сингатулин Р.А.* Введение в палеофонографию. Саратов, 2007.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. М., 2001.

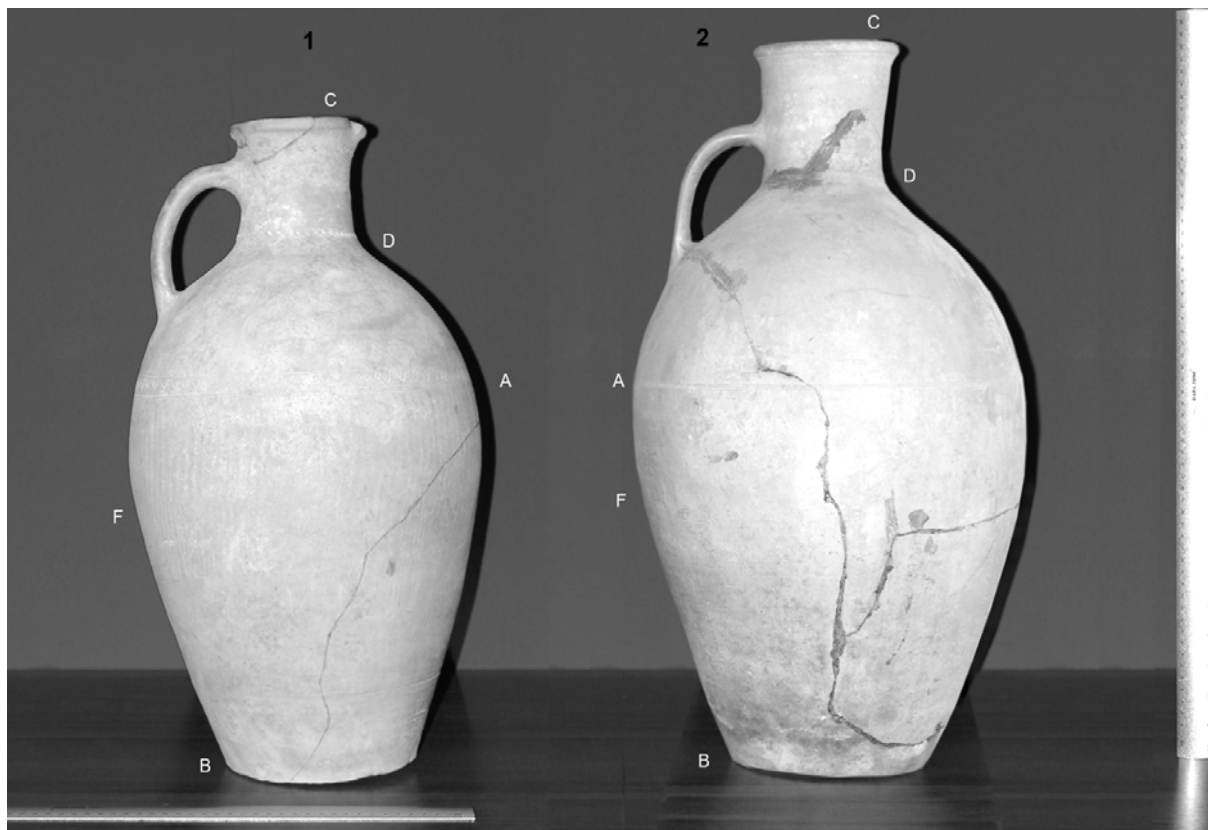

Рис. 1. Гончарные изделия из могильника Мокринский I. 1 – кувшин из кургана № 20; 2 – кувшин из кургана № 13; А, В, С, D, F – опорные идентифицирующие признаки

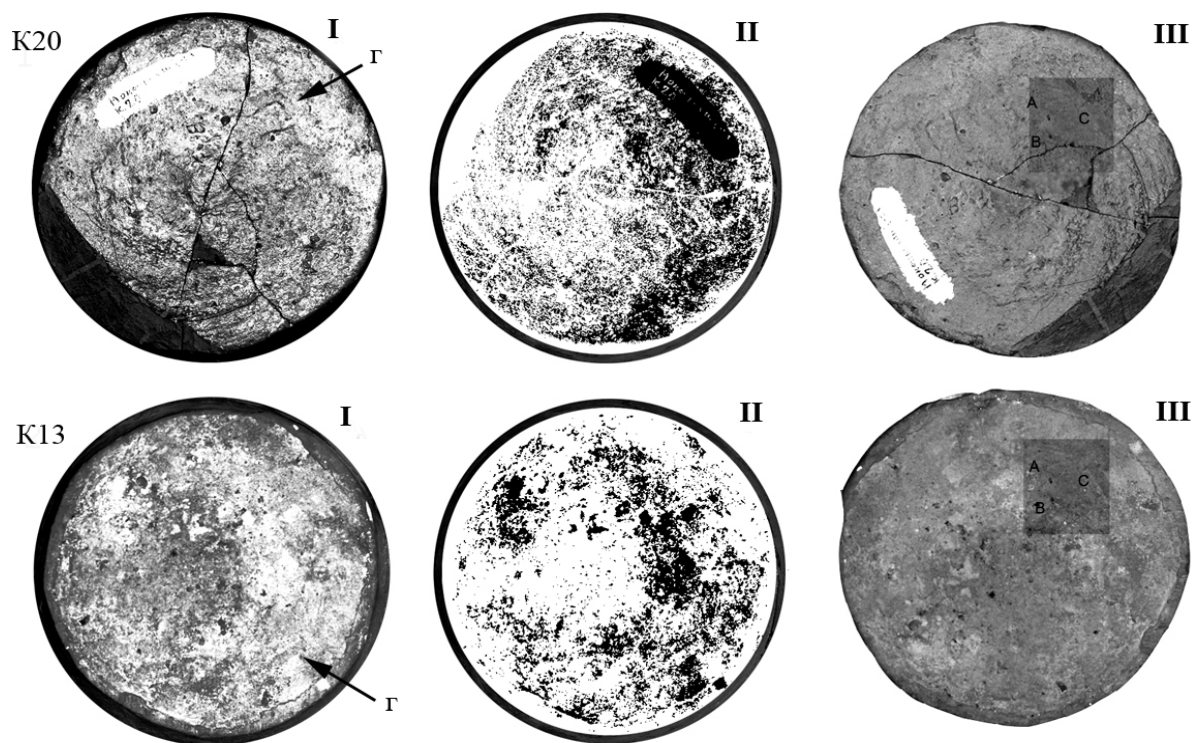

Рис. 2. Днища сосудов из курганов № 20 (K20) и № 13 (K13). II – негативное изображение. Г – г-образные структуры. А, В, С – опорные идентифицирующие признаки участков днища

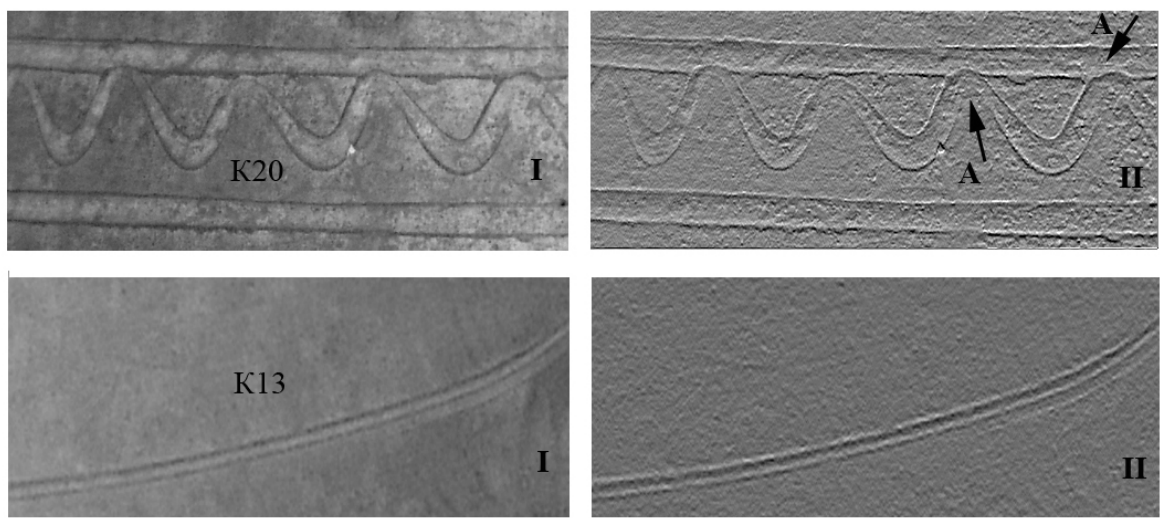

Рис. 3. Участки линейного декора гончарных сосудов (увеличено). I – обычный снимок, II – рельефный снимок. Стрелками обозначены участки волнообразного декора лежащего поверх параллельных прорезей

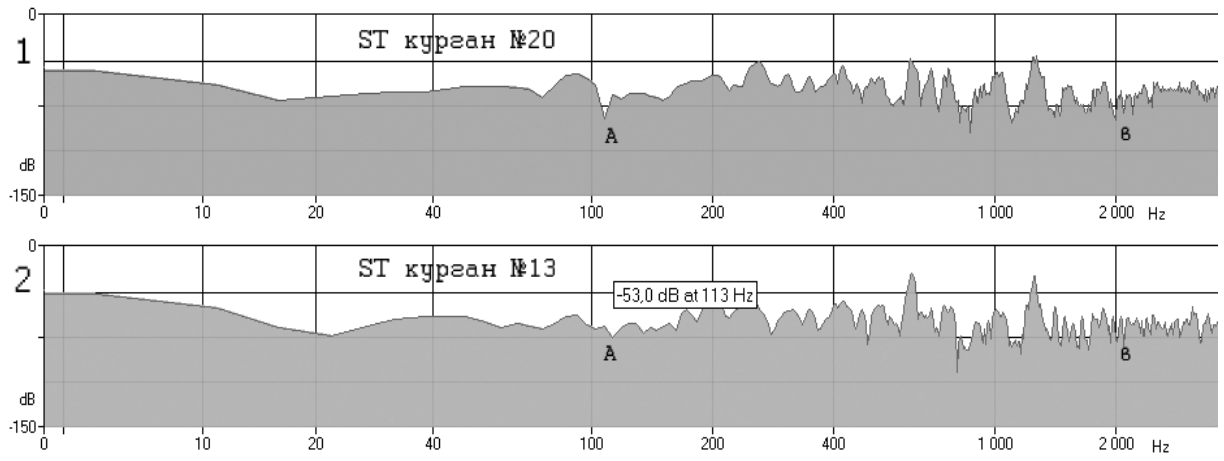

Рис. 4. Анализ спектра преобразованных линейных треков с кургана № 20 (1) и кургана № 13 (2). Участок спектра А-В использованный для идентификации обработчика

В.А. Волков

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ КАРТОГРАФИРОВАНИЕ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Конец XIX – начало XX вв., характеризуются в отечественной литературе как первый подъем российского краеведения (Массон В.М., 1997, с. 48, 49), когда общий рост культуры и общественного самосознания в дореволюционной России способствовали развитию многих отраслей гуманитарного знания и в том числе археологии. Археологическая деятельность осуществлялась в различных организационных формах: через объединения любителей, приобретших вскоре статус научных обществ, в губернских статистических комитетах и ученых архивных комиссиях, а также в строительстве местных музеев.

В настоящее время возникновение и деятельность краеведческих научных обществ указанного периода предлагается рассматривать в качестве особого социокультурного феномена, связанного с развитием этнического самосознания. Для высокоразвитых индустриальных обществ XIX-XX вв. характерно динамичное развитие интереса к комплексам исторической памяти, с которыми связывается историческое прошлое народов, их конструктивная самоидентификация. Поиск глубоких корней происхождения народов и интерес к праистории Отечества стимулировали формирование научных обществ и их археологическую деятельность.

Нижнее Поволжье является юго-восточным рубежом европейской части России и отличается наличием широкого спектра археологических культур, что непосредственным образом сказывалось на направленности деятельности историко-археологических обществ в данном регионе. На сегодняшний день здесь известны памятники от палеолита до позднего средневековья включительно. Представления о разнообразии памятников археологии в тот период складывались постепенно, по мере практического изучения региона. Это определяло и научно-практическую специализацию отдельных научных объединений. Например, по данным Т.О.Размустовой, у Воронежской комиссии возник интерес к скифским и славянским древностям, у краеведов Курска – к славянским (Размустова Т.О., 1990, с. 103). Члены Саратовской ученой архивной комиссии (1886-1920 гг.) занялись, прежде всего, изучением материалов средневековых городищ золотоордынского времени. На последнем этапе деятельности Саратовской комиссии в сферу ее интересов попали памятники городищ культуры раннего железного века. В ходе исследований были намечены перспективы изучения многочисленных памятников эпохи бронзы.

В данной статье представлен материал по одному из важнейших направлений археологической деятельности научных обществ Нижнего Поволжья конца XIX – начала XX вв. – сбору сведений о древних памятниках и их картографированию¹.

---

¹ Некоторые части данной статьи были опубликованы в предшествующих работах автора (Волков, 2005, с. 229-239; он же. 2006, с. 204-206; он же. 2007, с. 159-161).

Особого внимания заслуживает историография вопроса. Некоторые данные, собранные суаковцами для составления археологической карты Саратовской губернии по уездам, вошедшим в состав современной Волгоградской области, были опубликованы В.Г.Мироновым (Миронов В.Г., 1993б, с. 223-227; он же. 1994, с. 180-190; он же. 1995, с. 103-106; он же. 1998а, с. 158-161). Он же освещал проблемы археологического картографирования 80–90-х гг. уже XX века (Миронов В.Г., 1989, с. 106-123; он же. 1993а, с. 72-75).

Археологические карты, на которых регистрировались все найденные памятники старины, впервые появились в европейских странах в середине XIX в. В 1874 г. Конгресс историков в Стокгольме утвердил международные знаки для карт. Немногим позже вопрос о разработке методики картографирования памятников археологии был поставлен в России. По инициативе члена Императорского московского археологического общества (далее – МАО) Д.Н.Анучина в 1881 г. он рассматривался на V Археологическом съезде (далее – АС) в Тифлисе (Протоколы заседаний АС... 19 и 21 сентября, 1887, с. LXXII, LXXIII, LCI; Монгайт А.Л., 1962, с. 17). В итоге по поручению МАО Д.Н.Анучиним была составлена общая подробная легенда к разработке археологической карты России (Анучин Д.Н., 1885).

Между тем, попытка сбора сведений для составления археологической карты в масштабах всей Российской империи впервые была предпринята еще в 1872–1873 гг. Д.Я.Самоквасовым, известнейшим в последствии археологом. По его наблюдениям, лучше всего владели нужными археологу сведениями представители низшего (волостного) звена администрации на местах. Кроме волостных старшин неплохо знали свои приходы и быстрее многих односельчан могли понять задачи опроса рядовые священники. И те и другие, по крайней мере, умели читать и писать. Поэтому относительно сохранившихся городищ и курганов – самых заметных на местности памятников – следовало обращаться именно к ним (Щавелев С.П., 1992, с. 253-264).

После некоторых пробных анкетирований Д.Я. Самоквасов выработал вопросник из 12 пунктов, большинство которых касалось городищ, а лишь два последних – курганов. Другие археологические объекты не учитывались. Через Центральный статистический комитет анкета была растиражирована и в мае 1873 г. отправлена в комитеты 49 губерний страны и 5 отдельных областей. Собранные ими материалы, по мере поступления, пересылались Д.Я. Самоквасову в Варшаву (Щавелев С.П., 1992, с. 258). В целом исследование дало богатейший материал (в каждой губернии оказалось от 50 до 400 городищ и тысячи курганов), часть которого была введена в научный оборот.

Но главная цель – составление археологической карты Российской империи – так и не была достигнута. Прежде всего, этому препятствовали далеко не полная точность сведений и невозможность их проверки. Это предприятие показало практически все «за» и «против» анкетного метода в картографировании. Но выбор был сделан в пользу именно этого, пусть и не совсем эффективного, археологического изучения страны. Сказалось и то, что в провинции было еще слишком мало профессиональных археологов, готовых приступить к исследованиям непосредственно в полевых условиях. Метод директивной рассылки опросных листов был взят на вооружение ведущими археологическими обществами и на долгое время стал основополагающим в ходе мероприятий по археологическому картографированию в досоветский период.

В Саратовской губернии собрать и проанализировать сведения об известных памятниках археологии впервые попытался архиерей Иаков (Вечерков), занимавший местную кафедру еще в 1832–1847 гг. Им была задумана большая работа по полному описанию Саратовской губернии «в историческом, этнографическом, статистическом и археологическом отношениях» (Лебедев А.А., 1908, с. 1). По его распоряжению духовенство на местах должно было предоставить материалы по предложенной тематике. Были собраны некоторые сведения о памятниках, но системного археологического описания

губернии не получилось. Сам материал не был опубликован и хранился в виде рукописи в собрании Саратовской духовной семинарии. Лишь в 1908 г. члену СУАК А.А.Лебедеву удалось обработать и опубликовать труд архиерея Иакова (Лебедев А.А., 1908, с. 1-20). Эти документы имеют особое значение, как самая первая работа по археологии края, в которых предпринималась попытка сбора и систематизации ранее не изучавшегося материала. В ней содержались не только описания курганов, как это значилось в названии, а также сведения о городищах, каменных бабах и случайных находках, происходящих из различных мест губернии.

Следующая попытка подобных исследований в Саратовском Поволжье связана с именем секретаря Губернского статистического комитета (далее – ГСК) Н.Я.Воскобойникова. По согласованию с Императорским московским археологическим обществом и Распорядительным комитетом III (Киевского) Всероссийского археологического съезда Центральный статистический комитет при МВД прислал в январе 1874 г. в Саратовский ГСК вопросник по учету выявленных в крае древностей и предметов древнерусского искусства. Анкету следовало распространить по всем уездам и волостям губернии, что и было сделано уже в феврале. После некоторых трудностей и повторных жестких запросов местных органов власти при поддержке губернатора М.Н. Галкина-Врасского и личных осмотров уездов Н.Я.Воскобойников смог собрать материал, который лег в основу его публикации. По 55 волостям 10 уездов им было учтено 17 городищ и свыше 650 курганов (Миронов В.Г., 1996, с. 22; он же, 1998б, с. 148, 149). Впоследствии труд Н.Я.Воскобойникова использовался как основа при составлении археологической карты членами Саратовской архивной комиссии.

По данным И.И.Комаровой, Московское археологическое общество организовывало работы по составлению археологической карты Российской империи, начиная с 1880-х годов и вплоть до 1917 г. С этой целью было разработано и опубликовано в местной печати руководство «Заметки и легенды для археологической карты России». Эта инструкция, изданная для желающих производить подобные изыскания на местах, распространялась по губерниям (Комарова И.И., 1990, с. 81).

На призыв MAO откликнулись многие провинциальные историко-археологические общества и создававшиеся с 1884 г. губернские ученые архивные комиссии. Инициативу творчески поддержали и нижеволжские научные объединения. В октябре 1886 г. предложение о составлении археологической карты и соответствующие методические инструкции поступили в Астраханский губернский статистический комитет. В январе следующего года ГСК перенаправил полученные документы в местное историко-краеведческое объединение – Петровское общество исследователей Астраханского края (Протокол № 5-й... 5 февраля 1887года..., 1888, с. 34, 35) (далее – ПОИАК, существовало с 1872 г)². Объясняется это видимо тем, что ПОИАК уже рассматривалось как организация, планировавшая местные археологические изыскания. Кроме того, среди сотрудников Губстаткома было много представителей Петровского общества, и они, безусловно, были в курсе намечавшихся перспектив.

В третьей четверти XIX века ГСК зачастую занимались сбором не только различных статистических, но и некоторых археологических сведений. В 1870-1880-е гг. именно сотрудники статистических комитетов стали инициаторами создания ряда провинциальных научных обществ, в число которых вошли и ГУАК. По замыслу их создания они должны были обладать гораздо более широкими возможностями в развитии местного краеведения. Им же было вверено планомерное археологическое исследование регионов.

---

² Конечная дата существования ПОИАК доподлинно не установлена. Общество осуществляло свою деятельность, как минимум, до середины 1920-х гг. Подробнее см.: Астрахань в кармане..., 1925, с. 1; Флейман Е.А., 1995, с. 100, 101.

В марте 1887 г. собрание Петровского общества постановило, по мере возможности, предоставлять сведения об археологических памятниках Астраханского края в МАО (Протокол № 8-й... 15 марта 1887 года, 1888, с 43). В феврале 1889 г. уже непосредственно Московское археологическое общество, очевидно в целях развития установившихся контактов, обращается в ПОИАК с просьбой о регулярном предоставлении информации. Со своей стороны МАО обязывалось оказывать методическую помощь необходимой литературой. Предлагалось и предоставление в распоряжение ПОИАК уже имевшихся в столичном Обществе материалов по археологии Астраханского края. Петровское общество ответило согласием и приступило к работе по сбору необходимых анкетных данных (Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). Ф. 857. Оп. 1. Д. 10. Л. 1-8; Отчет о деятельности ПОИАК за 1889 год..., 1891, с. 36, 37).

Конкретных материалов о деятельности членов ПОИАК по составлению археологической карты Астраханской губернии известно не так много. Видимо, не все аспекты работы отражались и в кратких отчетах Общества. О многих наработках упоминается лишь на тезисном уровне, что существенно затрудняет воссоздание общей картины. Еще в 1888 г. Обществом была издана «Программа для собирания археологических, нумизматических, исторических и этнографических сведений», составленная Н.Ф.Леонтьевым (Леонтьев Н.Ф., 1888, с. 67-74). Она также была отпечатана в виде отдельных оттисков и опубликована в местной периодической печати – «Астраханском справочном листке», «Астраханских губернских ведомостях» и «Астраханских епархиальных ведомостях». Программа рассылалась по губернии. С помощью этой брошюры члены ПОИАК пытались привлечь внимание населения к историко-археологической деятельности Общества и организовать систематический сбор материалов. В следующем году на основе этой программы К.П.Малиновским и Н.Ф.Леонтьевым были составлены бланки опросных листов. Их распространили по сельской местности губернии в количестве 500 экземпляров (Отчет о деятельности ПОИАК за 1889 год..., 1891, с. 11). В одном из отчетов Общества отмечалось, что к апрелю 1890 г. сведения были получены лишь из 12 различных мест (Мартемьянов Н.А., 1891, с. 23).

К работе по составлению археологической карты губернии подключились и другие члены Общества. Известно, что в июне 1889 г. Н.Д.Пацукевич выдвинул проект исследования астраханской Калмыцкой степи. В его задачи входило выявление сведений по археологии с последующим картографированием изученных объектов, а также сбор этнографических материалов (Мартемьянов Н.А., 1891, с. 22). Немногом ранее членом Общества А.И.Житецким уже собирались некоторые данные по археологии Калмыкии. Эта работа также рассматривалась как база данных для пополнения разрабатываемой карты (Мартемьянов Н.А., 1891, с. 37). Видимо, процесс накопления информации шел очень медленно. На одном из заседаний историко-этнографической секции Общества Н.Д.Пацукевич вновь говорил о необходимости сбора материалов для археологической карты края. Он предлагал собрать все сведения о местах нахождения курганов, составить их описание и произвести фотосъемку. По мнению докладчика, сбор подобных предварительных сведений являлся одной из основных задач на первом этапе деятельности провинциальных археологических обществ (Отчет о деятельности ПОИАК за 1891 год..., 1892, с. 11, 12). С большой долей уверенности можно отметить, что Н.Д.Пацукевич относил к ним и ПОИАК. К сожалению, инициатива астраханских исследователей по составлению археологической карты губернии постепенно сошла на нет. Разработка этого направления вскоре, по неясным причинам, была прекращена. Видимо, сказывались отсутствие достаточно квалифицированных специалистов-археологов, нехватка средств и грандиозность поставленной задачи. Сотрудники Общества и далее продолжали накапливать данные по археологии края, но речь о состав-

лении карты уже не велась. Не известны полностью и материалы, которые были собраны членами ПОИАК. Многие из них так и не были опубликованы. Поиск соответствующих документов в архивах также не дал положительного результата. И, тем не менее, необходимо отдать должное тому труду, который был приложен местными археологами-любителями. Именно им принадлежит первая, пусть и не совсем удачная, попытка составления археологической карты Астраханского края.

Работа по археологическому картографированию в Нижнем Поволжье была принята и другим местным историко-археологическим обществом – Саратовской ученой архивной комиссией, открывшейся 12 декабря 1886 г. Условно можно выделить следующие направления археологической деятельности СУАК: 1. Проведение археологических раскопок; 2. Осуществление археологических разведок («экскурсий»); 3. Составление археологической карты губернии; 4. Публикаторская деятельность; 5. Участие во всероссийских и областных археологических съездах; 6. Формирование археологического музея Комиссии; 7. Охрана памятников археологии; 8. Педагогическая археология (чтение лекций по археологии края, привлечение к полевым исследованиям учащихся училищ и местного населения).

В марте 1888 г. непреременный попечитель Комиссии саратовский губернатор, генерал-лейтенант А.И.Косич сообщил, что при объезде губернии ему бросилось в глаза обилие «ископаемых вещей» в Саратове. И он предложил Комиссии составить карту археологических находок Саратовской губернии и наносить на нее все открытия подобного рода (Протокол... СГУАК 20 марта 1888 года..., с. 4; Миронов В.Г., 1994б., с. 38). Для осуществления этой идеи губернатор предоставил в распоряжение Комиссии экземпляр «трехверстной в дюйм» карты Саратовской губернии, составленной Шредерсом, которая не была издана и являлась редкостью (Отчет о деятельности СУАК в 1888-1889 году..., 1890, с. 14). С этого времени археологическое картографирование и систематизация памятников древности, наряду с мероприятиями по их охране, стала ведущим направлением деятельности саратовского научного общества.

Практически одновременно с этими событиями в июне 1888 г. Московское археологическое общество обратилось к губернаторам, местным преосвященным, земским управам, директорам народных училищ и архивным комиссиям с просьбой разослать, при соответственном отношении подведомственным им учреждениям и лицам приложенные вопросные пункты, относительно курганов, городищ, отдельных находок и т. д., а, собрав, доставить в Общество для обработки. Предлагалось составить археологические карты губерний (Предложение Императорского Археологического Общества..., 1889, с. XI-XIII). Таким образом, Московское археологическое общество желало получить более полное и верное понятие о численности и о распределении доисторических древностей России (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 15. Л. 1). Редкий случай, когда инициатива центрального и местного учреждений, независимо друг от друга, совпала в едином стремлении, направленном на развитие науки, поскольку, было очевидно, что без проведения археологического картографирования и учета памятников древности планомерные работы по изучению древнейшей истории края и страны в целом весьма затруднительны. Именно это обстоятельство и было осознано в научных и даже политических кругах.

Работу по составлению всех карт, необходимых для Комиссии, принял на себя член СУАК В.К.Воронков. Приемы для составления карты поручено было выработать особой подкомиссии, в состав которой вошли Н.А.Бундас, П.В.Болотников, М.В.Готовицкий, А.И.Шахматов и С.И.Кедров. Список вопросов, составленный Московским археологическим обществом, был разослан в количестве 1200 экземпляров (Отчет о деятельности СУАК в 1888–1889 году..., 1990, с. 16, 21). Вопросники рассылались помещикам, мировым судьям, судебным следователям, докторам, священникам,

народным учителям, сельским старостам. Подкомиссия предложила в уездных городах, и особенно приволжских, например, в Вольске, Камышине и Царицыне, образовать отделения СУАК и просить членов этих отделений принять участие в работах Комиссии и, в частности, содействовать в составлении археологической карты (Доклад по составлению археологической карты губернии..., 1889, с. XXV). От данной рекомендации пришлось отказаться, исходя из финансовых соображений.

Разосланные вопросные листы вызвали неожиданную реакцию на местах. В селах собирались сходы, на которых вопросники читались и комментировались. Селяне пришли к выводу, что под этим предлогом «кому-то понадобилась мужицкая земля, которую или отрежут или изроют сплошь, отыскивая в ней какие-то и кому-то нужные древности» (Соколов В.П., 1911, с. 226). Испугавшись такой перспективы, многие сходы торопливо составили официальные акты, в которых сообщали об отсутствии на их землях каких-либо археологических памятников.

В копии отчета директора Петербургского археологического института о деятельности губернских ученых архивных комиссий за 1888 г., хранящегося в Государственном архиве Саратовской области, говорится, что на предложение Московского археологического общества, задумавшего составить археологическую карту, отозвались многие комиссии. Особую энергию в этом отношении выказала Саратовская ученая архивная комиссия, считавшая, что сама инициатива составления такой карты принадлежит ей (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 5. Л. 8 Об). В январе 1890 г. состоялся VIII Археологический съезд в Москве, на котором были и представители от СУАК. По возвращению со съезда М.А. Готовицкий представил на заседании Комиссии доклад, в котором охарактеризовал основные задачи археологии в Саратовском крае (Готовицкий М.А., 1890, с. 283). Главный вывод, сделанный им по итогам съезда, полностью вписывался в русло деятельности Комиссии – необходимо составить археологическую карту губернии. В данном контексте можно говорить, что саратовская региональная археология развивалась в одном русле с общероссийской наукой, ставила аналогичные задачи и пыталась их разрешить, исходя из своих возможностей, наиболее качественно. По сообщению М.А. Готовицкого к съезду представили в готовом виде с подробными записками и нанесением на 10 верстную карту следующие губернии: Киевская, Харьковская, Казанская, Костромская, Вятская. Карта Московской губернии была сделана в 6 верстном масштабе. Ряд других губерний представили либо недоработанные карты, либо карты по отдельным уездам. В тоже время из доклада М.В. Готовицкого не совсем ясно, какие губернии доставили варианты карт, отвечавшие требованиям Московского археологического общества, и кто их составлял.

Археологическое картографирование в соседних регионах по имеющимся данным также было связано с деятельностью ученых архивных комиссий. Хотя первая археологическая карта Нижегородской губернии была составлена А.С. Гациским еще в 1877 г., впоследствии, находясь на посту председателя губернской архивной комиссии, которая действовала с 1887 г., он активно продолжал эту работу. С 1887 г. работа по составлению археологической карты губернии проводится Тверской комиссией (открыта в 1884 г.), которая была опубликована в 1903 г. под редакцией В.А. Плетнева и затем неоднократно корректировалась. В 1909 г. Костромская ГУАК (образована в 1885 г.) опубликовала археологическую карту, в пояснении к которой содержался перечень всех открытых и исследованных курганных комплексов за период с 1882 по 1903 год (Солнцев Н.И., 1997, с. 19, 20). Открыв в 1895 г. архивную комиссию в Симбирске, В.Н. Поливанов и А.А. Леонтьев сразу же принялись за составление археологической карты, разослав на места вопросные листы (Библиография..., 1896, с. 189; там же, 1897, с. 271). Известно, что Смоленская архивная комиссия, созданная в 1908 г., уже в следующем году отпечатала 3 тыс. экземпляров опросных листов и разослала их на места, но

но результаты этого исследования так и не установлены (Алексеев Л.В., 2002, с. 66). В Казани работу по составлению археологической карты взяло на себя Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (образовано в 1874 г.). Один из опросных листов этого одного из крупнейших провинциальных археологических научных обществ России хранится в ГАСО (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 161. Л. 3, 4). Работу по археологическому картографированию Воронежской губернии взяли на себя члены местной архивной комиссии (действовала с 1900 г.). В результате Л.М. Савеловым была составлена карта по Крутойярскому уезду, а работы по систематизации всех памятников губернии была завершена В.А.Перелешинным (Аббасов А.М., 1984, с. 102, 103). В составлении карты Тамбовской губернии членами местной ГУАК (основана в 1884 г.) было предпринято три попытки. В 1890 г. свою работу представили А.В.Проскурников и М.Г.Розанов. Выявленные памятники были нанесены на отдельные карты уездов. В 1903 г. на основе этой работы А.Н.Норцовым был представлен другой вариант. Он составил карту всей губернии, но ограничился лишь ее текстовым описанием. Отдельную карту по курганам Тамбовской губернии составил В.В.Воейков (Размустова Т.О., 1990, с. 95).

На основании приведенных выше немногочисленных данных можно сделать вывод, что массовую работу по картографированию и систематизации памятников археологии начали проводить именно ученые архивные комиссии, используя уже накопленную, но не всегда обширную источниковую базу. Основу составляли три вида источников: 1. Опросные листы Московского археологического общества. 2. Собственные полевые исследования членов комиссий. 3. Материалы по археологии, опубликованные предшественниками комиссий – губернскими статистическими комитетами, археологами-любителями и др. Губернские архивные комиссии приступили к картографированию и массовому выявлению памятников археологии, прежде всего, по причине практически полной не изученности регионов. После проведения предварительной систематизации и описания, имевшихся в крае древностей, сотрудники отдельных комиссий смогли приступить к более планомерному полевому изучению этих материалов.

Председатель СУАК князь Л.Л.Голицын отмечал в 1891 г., что сведения об археологических памятниках поступают в значительном количестве (Протокол заседания СУАК. 1 декабря 1891 года..., 1893, с. 147). На основании сведений, собранных к этому времени, члены СУАК пришли к выводу, что курганы губернии распределены главным образом, по большим рекам; особенно богаты ими побережья Волги, Хопра, Медведицы и их притоков: Чардыма, Курдюма, Терешки, Латрыка, Карамыша. Кроме того, исследователи отметили то обстоятельство, что курганы, большей частью, группировались «в целые кладбища». Подобные курганные поля были отмечены в ряде мест губернии. Ближайшие группы памятников располагались непосредственно в районе Саратова. Особо выделялись курганные группы на р. Гуселке, где было выявлено до трех тысяч насыпей. Также отмечался пункт на десятой версте большой астраханской дороги между Саратовом и Побочным, там количество курганов достигало четырех тысяч (Отчет о деятельности СУАК в 1890/91 году..., 1893, с. 2).

По неясным причинам данные вопросных листов так и не были обработаны в полной мере. Судя по некоторым отрывочным фразам в протоколах заседаний (Протокол заседания СУАК. 7 апреля 1893 года..., 1894, с. 249), этим занимался правитель дел С.С.Краснодубровский, но он так и не довел работу до конца, а после и вовсе покинул Комиссию. В 1894 и 1895 гг. П.П.Романович предлагал вновь разослать вопросные пункты, и ему было поручено этим заняться (Протокол заседания СУАК 1 ноября 1894 года..., 1898, с. 15, 16; Протокол заседания СУАК 14 марта 1895 года..., 1898, с. 22). В начале 1895 г. вопросники были разосланы. Результат вновь оказался неутешительным (Соколов В.П., 1911, с. 227). Большая часть ответов не содержала никакой полезной

информации. Кроме того, ухудшившееся материальное положение Комиссии не позволило продолжить исследования. Лишь через 10 лет уже новое поколение саратовских архивистов возобновило эту работу.

Следует отметить, что представленная методика картографирования имела ряд отрицательных сторон. Поступавшая информация отражала далеко не весь спектр археологических материалов губернии. Безусловно, частично осознавали это и сами исследователи. Подавляющее большинство памятников фиксировалось без выезда на место лишь по кратким и неподдающимся критической проверке описаниям респондентов. Отмечались, в основном, лишь те памятники, которые были отчетливо видны на поверхности земли. Под эту категорию попадали курганные могильники, остатки засечных черт – валы и рвы, городища раннего железного века и средневековья, а также городки-поселки времени русской колонизации Нижнего Поволжья. Значительно реже фиксировались средневековые поселения: в основном, по наличию монетного и керамического материала. Гораздо чаще отмечались места случайных находок артефактов – отдельных вещей или целых кладов, прежде всего, монетных. Таким образом, из поля зрения исследователей выпадали многочисленные поселения эпохи бронзы и стоянки предшествующих периодов. Редко фиксировались грунтовые могильники. Начало изучения этих памятников стало возможным лишь после проведения собственных полевых разведок членами СУАК.

В 1904 г. правителем дел Комиссии С.А.Щегловым был поднят вопрос о возобновлении сбора материалов для составления археологической карты губернии. Началась повторная обработка данных, собранных в конце 1880-х – начале 1890-х годов (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 888а. Л. 108). Осенью 1904 г. СУАК просила Московское археологическое общество выслать ей 100, а затем еще 500 экземпляров листов для рассылки по уездам (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 964. Л. 43) (на напечатание собственных не было средств). В январе 1905 г. Комиссия разослала 590 экземпляров из этих вопросных листов на имя главным образом заведующих сельскими школами при особых отношениях и обращениях. При этом программа по сбору сведений была существенно расширена. Итог вновь был неутешительным. Ответы были получены лишь от 67 респондентов. Решено было предпринять еще одну попытку на следующий год (Отчет о деятельности СУАК за 1905 год..., 1909, с. 13).

Неудача объясняется тем, что вопросные листы были посланы прямо в школы, а не через посредство директора народных училищ, инспекторов и наблюдателей. Оставалось обратиться за содействием к губернатору, епархиальному архиерею, директору, инспекторам и наблюдателям за народными училищами, а также земским начальникам, с тем, чтобы заполнение вопросных листов было сделано не одними учителями сельских школ, а еще и сельскими священниками и волостным правлением. Для этого требовалось более 3 тыс. вопросных листов, столько же письменных обращений и конвертов, в то время как у Комиссии полностью отсутствовали средства (Протоколы СУАК. 71-е заседание 20 октября 1907 года..., 1909, с. 108).

В начале 1907 г. СУАК находилась на грани прекращения своей деятельности. В кассе оставались копейки, даже для печатания пригласительных повесток на собрания нужная сумма собиралась в складчину между членами Комиссии (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 63. Л. 11 Об). Уже не первый год за Комиссией значились существенные долги. Сокращение финансирования непосредственным образом влияло на сокращение археологических изысканий. СУАК выделяла минимальные средства на проведение археологических раскопок и разведок, некоторые активисты совершали поездки за свой счет.

Сократилось количество «экскурсий»³, пропускались археологические съезды, откладывалась работа по составлению карты.

Несмотря на финансовые трудности, в 1907-1908 гг. Комиссии все же удалось предпринять пятую попытку и разослать по уездам серию опросных листов, часть из которых хранится в архивных фондах⁴. На лицевой стороне листа содержалось обращение Комиссии: «Саратовская губерния почти по всей своей территории представляет очень много любопытного в археологическом и этнографическом отношении. За это говорят те немногие предметы древности, которые удалось получить Архивной комиссии. Площадь Саратовской губернии была заселена еще в доисторические времена, когда не знали употребления металлов и орудия человек выделывал из камня. Архивная комиссия обращается ко всем, кому дорого изучение прошлого родного края, откликнуться на призыв комиссии и способствовать ей в сем деле, доставляя сюда вышеперечисленные пожертвования, – для пополнения коллекции музея и письменных материалов...» (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 111. Л. 59 и др.). С помощью таких обращений Комиссия просвещала население губернии, рассказывала о богатой истории края и призывала к сотрудничеству. На оборотной стороне содержался вопросник Московского археологического общества, в котором комиссия просила указать информацию об имеющихся в волости находках каменных, медных, бронзовых изделий, старинных монет, оружия, пещер, насыпных валов, городищ, курганов, каменных баб и изображений на камнях (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 111. Л. 59 Об и др.). Также прилагалось официальное обращение к волостному правлению, которые должны были опросить респондентов либо передать им вопросники: «Саратовская Ученая Архивная Комиссия, желая собрать возможные полные и верные сведения о численности и распределении доисторических древностей Саратовской губернии, считает своею неперемной обязанностью заняться составлением и изданием археологической карты губернии с нанесением на нее всех имеющихся в губернии курганов, городищ, древних могильников, валов, засек, а также мест находок кладов, древних монет, каменных или медных изделий и т. п. Вполне осознавая, что для составления карты необходимо иметь самые подробные и полные сведения из первых рук, т. е. от местных старожилов и интеллигентных лиц, Архивная комиссия обращается к Волостному Правлению с покорнейшею просьбою об оказании содействия в доставлении этих сведений по прилагаемому опросному листу» (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 125. Л. 8).

На вопросы отвечали члены волостных правлений, учителя, инспектора и заведующие училищами, сельские управы, священники, крестьяне. Методика проведения опроса была различной. Волостные правления сообщали в Комиссию, что часть листов была выставлена ими на видных местах, а часть разослана по сельским обществам для опроса населения на сходах. Старшины оглашали на сходах вопросники и фиксировали ответы населения (на сельский сход прибывали крестьяне-собственники, имеющие право голоса). Кроме того правления могли собирать сведения через отдельных лиц. Из 611 изученных нами вопросных листов (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. 87, 111, 125, 128, 146, 158; 966; 967; 968, 969, 970, 984, 987а) более половины (361) содержали отрицательные ответы на все поставленные вопросы. Остальные респонденты большей частью писали о нахождении в данной местности курганов.

Совершенно очевидно, что многие респонденты не хотели утруждать себя и раз узнавать у «стариков» о древностях, либо не имели на то времени ввиду своих профессиональных обязанностей. Ярким примером служит ответ одного из волостных старшин Хвалынского уезда. Он писал, что у них в канцелярии волостного правления очень много дел и мало сотрудников, поэтому нет возможности заниматься вопросни-

³ Термин того времени, имевший, в том числе значение выезда на археологический памятник – В.В.

⁴ В делах 407 фонда ГАСО имеются вопросники СУАК с 1888 по 1915 гг. включительно – В.В.

ком СУАК (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. 87. Л. 105). При получении отрицательного ответа, Комиссия посылала повторный вопросник, пыталась воздействовать на респондентов при помощи местных властей. Вероятно, полностью доверять сведениям опросных листов не стоит. Респонденты не имели даже минимума знаний в области археологии и тем более не могли произвести самостоятельные исследования на местности. Таким образом, данные опросных листов не могли отражать реальной ситуации в волостях.

В ноябре 1908 г. правитель дел Комиссии С.А.Щеглов отмечал, что поступило очень много сообщений о доисторических древностях. Общее собрание СУАК постановило предоставить на обработку материалы по Аткарскому уезду – С.А.Щеглову, по Камышинскому – Б.В.Зайковскому, по Балашовскому – Ф.Л.Андреевичу и по Саратовскому – А.А.Кроткову. Общую сводку сведений по уездам для нанесения их на археологическую карту поручили Ф.Ф.Силину (Общее собрание 8 ноября 1908 года. № 89..., 1909, с. 40). В начале 1909 г. были получены карты от Кузнецкой, Царицынской и Хвалынской земских управ. Работу по составлению археологической карты Кузнецкого и Хвалынского уездов поручили А.А. Кроткову, а по Царицынскому – Ф.Ф.Силину (Частное собрание 1 февраля 1909 года, 1909, с. 54). Коллективный труд создавался медленно. Вскоре работу по составлению археологической карты всей губернии взял на себя А.А.Кротков (Протоколы СУАК. Заседание 13 мая 1910 года. № 123..., 1910, с. 30). Это можно объяснить тем, что довольно скоро его коллеги (С.А.Щеглов, Б.В.Зайковский, П.Н.Шишкин, А.А.Герасимов) «распознали в новом члене СУАК аккуратного человека, с невероятной тщательностью и ответственностью подходящего к любому заданию» (Кубанкин Д.А., 2003, с. 116).

В этот период финансовые дела Комиссии постепенно стабилизировались, возобновились поступления от земств и городов. Это обстоятельство позволило поставить вопрос о расширении района исследования СУАК. Б.В. Зайковский, прочитав на одном из собраний Комиссии доклад о находках древнейших монет в пределах Заволжья, высказался за рассылку вопросных листов по археологии и в Новоузенский уезд. А.А. Герасимов добавил, что Новоузенский уезд по тесной связи с прошлым Саратовского края следует включить в район деятельности СУАК (Из протоколов собраний СУАК. 4 ноября 1910 года..., 1911, с. 14). К тому же Новоузенское земство давало пособие Комиссии.

Это начинание было осуществлено весной 1913 г., когда по уезду была разослана целая серия вопросников. По заполнению их следовало отсылать в слободу Покровскую на имя местного члена Комиссии Ф.Д. Охлябинина. Результаты оказались не утешительными, большинство ответов имело характер простой отписки, отличающейся небрежной краткостью. Такие сведения были мало пригодны для дела, и их следовало дополнять и переделывать при специальных поездках на места, что прекрасно понимали сами члены СУАК, но часто не могли исполнить при имевшихся в их распоряжении скудных средствах. Из 46 проанализированных новоузенских вопросников, 40 не содержали никакой информации (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 245).

Еще в 1900 году Комиссия решила уведомить директора Археологического института, что «район исследования СУАК кроме Саратовской «обнимает» еще Астраханскую и Пензенскую губернии, которые в политическом, церковном, географическом и бытовом отношениях имеют много общего и сродного с Саратовской губернией» (Протокол общего собрания СУАК. 13 февраля 1900 года..., 1908, с. 92, 93). Комиссия ставила задачу изучения всех районов, исторически связанных с Саратовской губернией. Расширение территории исследования являлось неременным условием существования археологического научного общества. Архивисты рассматривали историю Саратовского края в самом широком смысле – как историю всех районов, когда-либо входивших в состав губернии.

Для получения большего объема сведений по составляемой карте и пополнения своего музея Комиссия стала использовать новые средства. В 1909 г. СУАК заказала в типографии 1000 экземпляров рисунков предметов старины вместе с 300 экземплярами текста обращений и вопросных листов, которые в апреле были разосланы по губернии в уездные земские управы, уездные землеустроительные комиссии для раздачи дорожным техникам, заведующим общественными работами, землемерам (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 158. Л. 78, 79). Комиссия обратилась также к земским управам с просьбой дополнительно отпечатать рисунки и опросные листы за свой счет. По имеющимся архивным данным (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 158. Л. Л. 143, 155, 157, 168, 169, 174, 195) сотрудничать подобным образом согласились Камышинская, Петровская и Балашовская земские управы (первые две заказали по 200, а третья 500 экземпляров рисунков), Царицынская и Сердобская сослались на отсутствие средств.

Материалы собирались не только путем рассылки опросных листов по уездам, но и посредством личных выездов сотрудников СУАК. Еще в марте 1888 г. А.Н. Минху поступило письмо от МАО с предложением о составлении археологической карты губернии (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 968а. Л. 228-229 Об), но тогда этим вопросом занялась сама Саратовская комиссия, которой исследователь представлял свои наблюдения. В 1909 г. Александр Николаевич просил своих помощников Н.Г. Пискарева и Ф.П. Коновалова при их частых разъездах по долгу службы по Аткарскому уезду наносить археологические пункты на карту, а также делать их описания и фотосъемку. В течение указанного сезона было отмечено порядка 45 объектов, в основном, курганных групп. Сам А.Н. Минх уже не мог принимать непосредственного участия в работах, так как был тяжело болен и полностью потерял зрение в результате рецидива ранения, полученного в Крымской войне (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 968а. Л. 228-229 Об.). Зафиксированные памятники были нанесены на карту уезда, которая вместе с их подробным описанием была отправлена в СУАК. Материалы этой карты хранятся в ГАСО (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 971. Л. 6-21).

Работа по составлению археологической карты была закончена А.А. Кротковым в 1911 г., к 25-летию юбилею Комиссии. Первоначально он привел в порядок всю источниковую базу. Были составлены карточки находок по всей губернии и сделаны выборки, как из поступавших опросных листов, так и из печатных источников. По материалам карточек был написан отдельный, включавший в себя 150 рукописных полулистов, том описаний «предметов древности». Сама карта была составлена на кальке в 10-верстном масштабе, с нанесением на нее всех рек, ручьев и оврагов. Для большей наглядности было выработано еще десять других карт в 30-верстном масштабе. На каждую был нанесен отдельный тип материалов: пещеры, палеонтологические находки (кости мамонта и др.), курганы, городища, дюнные стоянки и др. При картах были сделаны указатели местных названий урочищ, курганов, городищ, рек, озер, возвышенностей и других мест, где были сделаны какие-либо находки. Была составлена и общая сводка всех материалов (Соколов В.П., 1911, с. 229, 230).

Трудом А.А. Кроткова тут же заинтересовались ведущие археологи России. По просьбе А.А. Спицына, известного петербургского специалиста и почетного члена СУАК, ему лично для ознакомления была отослана карта и приготовленный к ней текст (Отчет о деятельности СУАК за 1911 год..., 1912, с. XXVIII). В трудах Комиссии была помещена статья А.А. Кроткова (Кротков А.А., 1912, с. 157-176), где он вкратце ознакомил читателей со сведениями, которые были собраны и помещены в тексте к археологической карте. Также была представлена сводная таблица этих памятников и указатель местных названий курганов, урочищ, городищ и др. Сам А.А. Кротков определил этот доклад как «краткое введение к своей археологической карте». А саму карту как «первую попытку «собрать воедино» все сведения о предметах древности, какие представи-

лась возможность извлечь из рукописных материалов, хранящихся в Саратовской Архивной Комиссии, и печатных источников, которые были доступны в Саратове» (Кротков А.А., 1912, с. 157). Огромную помощь А.А.Кроткову оказали его коллеги: П.Н.Шишкин, разобравший материалы волостей по четырем уездам, и С.А.Щеглов, доставлявший выписки из печатных изданий. Из общего количества поселений губернии (2271) сообщения об имеющихся древностях пришли из 25,4 % мест (557). Самыми насыщенными оказались Камышинский, Балашовский и Аткарский уезды, которые содержали до 50% всех памятников губернии. Был подтвержден тот известный факт, что в меридиональном направлении памятники группируются преимущественно по четырем линиям – вдоль водных артерий Саратовской губернии – Хопра, Медведицы, Иловли и Волги с Терешкой. Всего в работе было учтено 225 курганных групп, куда вошла не одна их тысяча, около 400 раскопанных одиночных курганов, 23 грунтовых могильника, 24 отдельных могилы, 59 городищ, 143 находки монет. А всего зарегистрировано 1422 находки древностей, но тут следует учитывать, что одна «находка» могла включать курганный группу из нескольких сотен курганов.

Отдельно необходимо остановиться на проблеме соотношения категории «исторической памяти» и археологического источника. Опросные листы, поступавшие на адрес Комиссии в достаточно большом количестве, не редко содержали народные предания и легенды, связанные с тем или иным географическим объектом, урочищем. В исторической памяти русского крестьянства, наиболее многочисленной и консервативной категории населения, ряд мест губернии был связан с вполне реальными событиями многовековой давности. Со временем из памяти могли вымываться конкретные детали, превращая устные рассказы в абстрактно-легендарные повествования. Осуществляя сбор этнографических данных, и фиксируя в своих записях устную народную традицию, сотрудники СУАК смогли собрать богатейшие материалы по указанной проблематике. Например, некоторые археологические памятники в исторической памяти прочно связывались с именами разбойничьих и казачьих атаманов (Кудеяра, Степана Разина, Емельяна Пугачева). Часто фигурирует имя ордынского темника Мамай. Отдельным пластом в исторической памяти крестьянства отложилась эпоха русской колонизации Нижнего Поволжья. С этим временем связывались остатки небольших укрепленных городков, а также ровов и валов (засечных черт).

Осуществляя археологическое изучение той или иной местности, члены Саратовской комиссии не отбрасывали образы, воссоздаваемые исторической памятью. Наоборот, с целью более тщательной фиксации сведений, производились специальные опросы старожилов. Эти материалы, зачастую прилагались к научным статьям. Подобную работу на стыке археологии и этнографии проводили А.Н.Минх, С.А.Щеглов, Б.В.Зайковский, А.А.Кротков. Отмечая народные толкования возникновения некоторых археологических памятников, они впервые поставили их изучение на научную основу. Некоторые памятники оказывались гораздо более древними и не имели ничего общего с народными преданиями, например, курганы, в которых с завидным упорством ватаги кладоискателей периодически пытались обнаружить разбойничьи сокровища.

Но некоторые исследования отчасти подтверждали образы исторической памяти. Это касалось золотоордынских городищ и селищ, руины которых народная молва связывала с жившими здесь некогда «мамаями». То же самое можно отнести к остаткам укрепленных городков русских колонистов, отмеченных в памяти селян как места, где «жили казаки или монахи», «была сторожа» и т.д. Выделив это обстоятельство, необходимо отметить, что проблема соотношения категории «исторической памяти» и археологического источника требует более детального и развернутого исследования.

Составленная в 1911 году археологическая карта впоследствии постоянно пополнялась новыми материалами. Комиссия продолжила в 1912-1915 гг. рассылку опросных

листов по Саратовской, а также части Самарской губернии (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 245, 987а). Кроме того, в Комиссию поступали данные о новых памятниках, обнаруженных в результате целенаправленных разведочных работ, производимых в течение ряда лет А.А.Кротковым, С.А.Щегловым, П.Н.Шишкиным, Б.В.Зайковским, М.А.Радищевым и другими ее сотрудниками.

После составления карты встал серьезный вопрос о ее издании. Комиссия не обладала нужным количеством средств, чтобы выпустить карту отдельным изданием. Тогда возникла мысль опубликовать ее по частям, в соответствии с административным делением, и в 1913 году была опубликована археологическая карта Кузнецкого уезда с описанием (Кротков А.А., 1913, с. 167-178). Таким образом, публикация карты растянулась бы на 10 выпусков в разных номерах Трудов СУАК. Осознавая необходимость скорейшей публикации карты, правление Комиссии обратилось к директору Археологического института в Петрограде, который предложил напечатать карту в 23 выпуске «Вестника археологии и истории», планировавшегося на 1915 год (Протокол... № 166. 25 февраля 1914 года..., 1914, с. 250; Общий отчет о деятельности комиссии в 1914 году..., 1915, с. 173). Начавшаяся I Мировая война не позволила осуществить эти планы.

В виду наступления военного времени выход очередного выпуска «Вестника», а с ним и карты были отложены на неопределенный срок. Черновой вариант работы А.А. Кроткова, ставшей первой и единственной до настоящего времени археологической картой Саратовского края, а также картотека селений уездов губернии ныне хранятся в фондах Саратовского областного музея краеведения (СОМК. Инв. № СМК 152217; НА СОМК. Фонд А.А.Кроткова. Оп. 1. Д. 89-98, 101). Значение этого труда велико. Так в 80 – 90-х гг. XX в. при составлении археологической карты Саратовской области сотрудники Научно-исследовательской археологической лаборатории СГУ не раз обращались к архивам СУАК и карте А.А. Кроткова, которая является также источником для Пензенских и Волгоградских археологов, так как некоторые районы этих областей до революции входили в состав Саратовской губернии.

В целом в археологическом картографировании Саратовского края можно выделить два значительных этапа: 1. Работы СУАК по картографированию 80-х гг. XIX-10-х гг. XX вв.; 2. Деятельность археологической лаборатории СГУ 80-90-х гг. XX в. Учет и систематизация памятников велась и в другие периоды (например, в зоне строительства Сталинградского водохранилища в 50-е гг. XX вв.). Но цель полного картографирования края ставилась лишь на двух выделенных этапах. Безусловно, картографирование 80-90-х гг. XX в. осуществлялось, используя принципиально иную методику, другую техническую базу и материальные средства. При этом отечественные объединения конца XIX – начала XX вв. и 70-90-х гг. XX в. имели одну принципиально общую черту – работы проводились в рамках исследовательской деятельности местных научных обществ, имевших целью всестороннее археологическое изучение края. В данном контексте можно с уверенностью сказать, что деятельность СУАК заложила основу археологического изучения нашего края и создала информационную базу для будущих поколений археологов.

Подъем интереса к гуманитарным наукам, в числе которых одно из ведущих мест занимала археология, стимулировал бурный рост провинциальной краеведческой науки. Осознав, что широкомасштабное изучение истории края возможно лишь в рамках краеведческих организаций, представители местной интеллигенции в различных уголках страны направили свою деятельность на создание первых научных обществ. С 70-х гг. XIX в. образовывались различные провинциальные исторические и археологические общества, объединения любителей. С 80-х гг. этому движению был придан официальный статус путем создания губернских ученых архивных комиссий, которые видели

основной своей задачей изучение и сохранение мест исторической памяти, связанных с самобытным прошлым народов России.

Литература

- Аббасов А.М.* Воронежская ученая архивная комиссия и ее исследования по истории города Воронежа (1900-1918 гг.) // Из истории города Воронежа. Воронеж, 1984.
- Алексеев Л.В.* Изучение древностей в дореформенной и межвоенной Смоленщине (1861-1941) // Очерки истории отечественной археологии. М., 2002. Вып. 3.
- Анучин Д.Н.* К вопросу о составлении легенды для археологической карты России. М., 1885.
- Астрахань* в кармане. Иллюстрированный альманах-ежегодник. Астрахань, 1925.
- Библиография* // Археологические известия и заметки издаваемые ИМАО. М., 1896. № 5-6.
- Библиография* // Археологические известия и заметки издаваемые ИМАО. М., 1897. № 7-8.
- Волков В.А.* Археологическое картографирование в Саратовском Поволжье в досоветский период // Саратовский краеведческий сборник. Саратов, 2005. Вып. 2.
- Волков В.А.* Основные направления региональной археологии на рубеже XIX–XX вв. (по материалам Саратовского Поволжья) // Материалы XXXVIII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. Астрахань, 2006.
- Волков В.А.* Основные направления археологической деятельности Саратовской ученой архивной комиссии // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. Саратов, 2007. № 17 (3).
- Готовицкий М.А.* Задачи археологии в Саратовском крае по сообщениям, сделанным на VIII Археологическом съезде // Тр. СУАК. Саратов, 1890. Т. III. Вып. 1.
- Доклад* по составлению археологической карты губернии особой комиссией // Тр. СУАК. Саратов, 1889. Т. II. Вып. 1.
- Из протоколов* собраний СУАК. 4 ноября 1910 года // Тр. СУАК. Саратов, 1911. Вып. 28.
- Комарова И.И.* Московское археологическое общество и его роль в развитии местных краеведческих организаций России // Археологический ежегодник за 1989 год. М., 1990.
- Кротков А.А.* Материалы к археологической карте Кузнецкого уезда // Тр. СУАК. Саратов, 1913. Вып. 30.
- Кротков А.А.* О памятниках старины в Саратовской губернии // Тр. СУАК. Саратов, 1912. Вып. 29.
- Кубанкин Д.А.* Александр Августинович Кротков – археолог, краевед... // Краеведы и краеведение Поволжья в контексте общественного развития региона: история и современность. Саратов, 2003.
- Лебедев А.А.* Материалы археологические. О курганах, существующих в Саратовской губернии. (Отдельный оттиск). Казань, 1908.
- [*Леонтьев Н.Ф.*] Программа для собирания археологических, нумизматических, исторических и этнографических сведений по Астраханскому краю, изданная ПОИАК // Протоколы ПОИАК с 4 октября 1872 года по 31 декабря 1887 года, с приложениями. Астрахань, 1888.
- Мартельянов Н.А.* Отчет историко-этнографической секции ПОИАК за 1890 год // Отчет ПОИАК за 1890 год. Астрахань, 1991.
- Массон В.М.* Российские регионы и региональная археология // Саратовское Поволжье: история и современность. Саратов, 1997.
- Миронов В.Г.* Археологическое картографирование Саратовского Поволжья // Краеведческие чтения. Доклады и сообщения I–III чтений. Саратов, 1993а.
- Миронов В.Г.* Забытый краевед (Н.Я. Воскобойников) // Российский исторический журнал. Балашов, 1996. № 3.

- Миронов В.Г.* Камышинская и царицынская археология в дневниках С.А. Щеглова (материалы для археологической карты Волгоградского Поволжья) // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1993б. Вып. 3.
- Миронов В.Г.* Материалы к археологической карте Волгоградской области // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1994а. Вып. 4.
- Миронов В.Г.* Материалы к археологической карте Волгоградской области // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1995. Вып. 5.
- Миронов В.Г.* Материалы к археологической карте Камышинского района // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1998а. Вып. 6.
- Миронов В.Г.* Очерк истории исследований городецких поселений в Саратовском Поволжье в 1918-1977 гг. (Материалы к археологической карте Нижнего Поволжья) // АВЕС. Саратов, 1989. Вып. 1.
- Миронов В.Г.* Саратовский губернатор А.И. Косич // Волга. 1994б. № 9–10.
- Миронов В.Г.* У истоков саратовской археологии // Очерки истории отечественной археологии. М., 1998б. Вып. 2.
- Монгайт А.Л.* Задачи и возможности археологического картографирования // СА. 1962. № 1. Общее собрание 8 ноября 1908 года. № 89 // Тр. СУАК. Саратов, 1909. Вып. 25.
- Общий отчет о деятельности комиссии в 1914 году // Труды СУАК. Саратов, 1915. Вып. 32.*
- Отчет о деятельности ПОИАК за 1889 год. Астрахань, 1891.*
- Отчет о деятельности ПОИАК за 1891 год. Астрахань, 1892.*
- Отчет о деятельности СУАК в 1888–1889 году. Саратов, 1890.*
- Отчет о деятельности СУАК в 1890/91 году. Саратов, 1893.*
- Отчет о деятельности СУАК за 1905 год // Тр. СУАК. Саратов, 1909. Вып. 24.*
- Отчет о деятельности СУАК за 1911 год // Тр. СУАК. Саратов, 1912. Вып. 29.*
- Предложение Императорского Археологического Общества о составлении и издании археологической карты // Тр. СУАК. Саратов, 1889. Т. II. Вып. 1.*
- Протокол № 5-й собрания совета. 5 февраля 1887 года // Протоколы ПОИАК с 4 октября 1872 года по 31 декабря 1887 года, с приложениями. Астрахань, 1888.*
- Протокол № 8-й общего собрания. 15 марта 1887 года // Протоколы ПОИАК с 4 октября 1872 года по 31 декабря 1887 года, с приложениями. Астрахань, 1888.*
- Протокол заседания общего собрания членов комиссии № 166. 25 февраля 1914 года // Тр. СУАК. Саратов, 1914. Вып. 31.*
- Протокол заседания СУАК 14 марта 1895 года // Тр. СУАК. Саратов, 1898. Вып. 21.*
- Протокол заседания СУАК. 1 декабря 1891 года // Тр. СУАК. Саратов, 1893. Т. IV. Вып. 1.*
- Протокол заседания СУАК. 1 ноября 1894 года // Тр. СУАК. Саратов, 1898. Вып. 21.*
- Протокол заседания СУАК. 7 апреля 1893 года // Тр. СУАК. Саратов, 1894. Т. IV. Вып. 3.*
- Протокол общего собрания СУАК 20 марта 1888 года // Тр. СУАК. Саратов, 1888. Т. I. Вып. 1.*
- Протокол общего собрания СУАК. 13 февраля 1900 года // Тр. СУАК. Аткарск, 1908. Вып. 22.*
- Протоколы заседаний АС. Общие собрания съезда 19 и 21 сентября // Труды V АС в Тифлисе. 1881. М., 1887.*
- Протоколы СУАК. 71-е заседание 20 октября 1907 года // Тр. СУАК. Саратов, 1909. Вып. 24.*
- Протоколы СУАК. Заседание 13 мая 1910 года. № 123 // Тр. СУАК. Саратов, 1910. Вып. 26.*
- Размустова Т.О.* Губернские ученые архивные комиссии и изучение памятников археологии в дореволюционной России // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. М., 1990.

Соколов В.П. 25-летие СУАК. Саратов, 1911.

Солнцев Н.И. Роль губернских ученых архивных комиссий в исследовании археологических памятников Верхнего Поволжья (По материалам Нижегородской и Тверской губернских ученых архивных комиссий). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Нижний Новгород, 1997.

Флейман Е.А. Краеведение в Поволжье. Кострома, 1995.

Частное собрание 1 февраля 1909 года // Тр. СУАК. Саратов, 1909. Вып. 25.

Щавелев С.П. Первый опыт массового учета археологических памятников в России (анкета Д. Я. Самоквасова 1872-1873 гг. и ее результаты) // СА. 1992. № 1.

Ю.Ю.Каргин

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И НОВОСТРОЙКИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Одна из важнейших проблем современности – охрана культурного наследия, составляющей которого являются и памятники археологии. В течение советского периода определились основные виды полевых археологических исследований, сложилась их методическая база. Однако отношения между застройщиками и органами охраны памятников до настоящего времени складываются весьма неоднозначно, что осложняется отсутствием чёткого понятийного аппарата в области охраны и исследования памятников. Концепция памятника не разработана также по той причине, что существующее законодательство громоздко, запутано и не даёт четкого представления о сущности данной дефиниции. Очевидно, что государственная политика в области культуры должна следовать конкретной научной концепции, необходимость разработки которой назрела ещё в конце 1980-х гг.

Термин «культурное наследие» получил широкое распространение в РСФСР, в том числе и в законотворческой практике, после ратификации в 1988 г. конвенции ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия» от 16 ноября 1972 г. Поскольку содержание термина не было определено, он, по сути, подменил собой другой термин – «памятники истории и культуры», что закреплено в Федеральном законе 73-ФЗ от 25 июня 2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Множество неясностей и противоречий общественной жизни, особенно остро проявившихся с началом Перестройки, выразились, таким образом, и в попытках модернизации существующего терминологического аппарата в области охраны культурного наследия. Данная ситуация осложнена тем, что сформировавшееся в советский период представление о памятниках, в том числе и закреплённое законодательно, оставалось умозрительным и опиралось преимущественно на интуитивные определения их значимости. Р.Б.Булатов справедливо отмечает, что спонтанно возникшее понятие «историко-культурное наследие», восходящее к категории «памятники истории и культуры», целесообразнее формулировать как «культурное наследие», поскольку «памятники истории» относятся к «памятникам культуры» (Булатов Р.Б., 1995, с. 27-28).

В 1990-е гг. тема культурного наследия не считалась приоритетной в социальном смысле, само наследие ошибочно воспринималось как некий целостный объект, абсолютный и единый для всего сложного и многонационального российского общества (Селезнёва Е.Н., 2004, с. 7-8). Несмотря на это, в данной области были сделаны существенные наработки. В наши дни содержание понятия «культурное наследие» исследуется рядом гуманитарных наук, которые используют различные подходы.

Заметный вклад в разработку проблемы культурного наследия внесли Э.А.Баллер и М.С.Каган, давшие наиболее полный анализ этого явления (Баллер Э.А., 1969; он же, 1987; Каган М.С., 1991; он же, 1996). Обоснование понятия «культурно-историческое наследие», как социокультурного феномена, дают работы Ю.М.Лотмана, определяю-

шего пространство культуры, с точки зрения семиотики, как пространство общей памяти, где «тексты» могут сохраняться и актуализироваться (Лотман Ю.М., 1992).

Анализ имеющихся теоретических разработок, позволил Е.Н. Селезнёвой выделить 2 основных подхода к определению культурного наследия (Селезнёва Е.Н., 2004):

1) Описательный метод в рамках исторической науки, представляющий наследие в качестве упорядоченности событий всемирной и отечественной истории (напр., Бадер О.Н., 1974; Балановский А.В., Юдин А.И., 2000; Бургучёв А.В., 2006; Завалин К.В., 2003; Шулепова Э.А., 1979).

2) Определение наследия в рамках категории философии культуры, где наследие представлено во всеобщих универсалиях, что предполагает отвлечение от многообразия конкретных культурно-исторических событий и фактов (напр., Боярский П.В., 1990; Каган М.С., 1991, 1996; Кулемзин А.М., 1996; Лотман Ю.А., 1992; Массон В.М., 1997).

Таким образом, термин «культурное наследие» фигурирует преимущественно в контексте философских и исторических наук. Применительно к первому подходу сложилось понятие о культурном наследии как об объектах и явлениях материальной и духовной культуры народов, имеющих особую историческую, художественную, эстетическую и научную ценность для обеспечения преемственности поколений (Доверительное управление..., 2005). Но наиболее удачным, на наш взгляд, является определение культурного наследия, выработанное А.А. Копсергеновой и сочетающее оба вышеозначенных подхода. По ее мнению, культурное наследие – это многофункциональная система, которая отражает неразрывную связь времён и поколений, это совокупность всех культурных достижений общества, его исторический опыт, сохраняющийся в арсенале социальной памяти (Копсергенова А.А., 2008, с. 8).

В современном законодательстве, однако, большее распространение получил другой термин – «культурные ценности», который на практике часто употребляется как синоним «культурному наследию». В ст. 3. «Основ законодательства РФ о культуре» от 9 октября 1992 г. культурное наследие определяется как материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности РФ и всех её народов, их вклада в мировую цивилизацию (Янин И.Т., 1999, с. 13). При этом в современном уголовном законодательстве РФ отсутствует чёткое и универсальное представление о содержании термина «культурные ценности», хотя это отмечалось уже более 10 лет назад (Молчанов С.Н., 1999, с. 235-241).

Согласно выработанным законам, подзаконным актам и нормам, данное понятие распространяется лишь на объекты движимого наследия. Юристы, пытаясь разрешить данную проблему, предлагают считать культурными ценностями материальное воплощение человеческой деятельности, обладающее уникальностью и имеющее важное историческое, научное, художественное или иное культурное значение для общества (Булатов Р.Б., 1995; Егорова Е.Ю., 1996; Долгов С.Г., 2000; Михлина В.Б., 2000; Сабитов Т.Р., 2002; Давлетшина О.В., 2003; Афонин И.Б., 2005 и др.). В отдельных исследованиях за «культурными ценностями» *a priori* закрепляется общенациональное или общечеловеческое значение (Медведев Е.В., 2003). Исходя из такого туманного определения, неясно, кто и каким образом определяет уникальность и значение (осуществляет экспертизу) культурных ценностей, что создаёт прецедент для спекуляций в области охраны историко-культурного наследия. С другой стороны, возникает абсурдная ситуация, когда духовные ценности культурными не признаются. Несмотря на множество работ по данной теме, главной проблемой продолжает оставаться отсутствие разграничения между терминами «культурные ценности» и «культурное наследие» – как на законодательном, так и на общем понятийном уровне.

Как показывает исторический опыт, представление о культурных ценностях всегда существенно зависит от динамики политического и социально-экономического контекста. Поскольку, исходя из самого термина, «культурные ценности» являются лишь аксиологическим выражением сущности культурного наследия, очевидно, что существует несколько уровней культурных ценностей – от персональных до общечеловеческих. Это находит своё отражение и в современном историческом контексте. Снижение нравственности, падение уровня культуры общества являются причинами суживания круга культурных ценностей и последующей инертности в деле сохранения культурного наследия. В советский период монополией на формирование культуры и определение культурных ценностей обладало государство. Его ослабление и децентрализация позволяли каждому отдельному индивидууму самостоятельно определять круг культурных ценностей, к чему общество не было подготовлено. Персональные и национальные культурные ценности в это время не рассматривались как часть ценностей общечеловеческих. Именно поэтому в 1990-е гг. самим обществом был нанесён непоправимый урон собственному же культурному наследию. На наш взгляд, господство термина «культурные ценности» в юридической практике является закономерным следствием бесконтрольной коммерциализации общества, выдвигаемой едва ли не в разряд национальной идеи. Несомненно, это является показателем кризиса культурной политики РФ (Баринова И.К., 2006).

Таким образом, правомерно сделать вывод о том, что культурное наследие существует объективно, вне зависимости от личного к нему отношения, а реестры культурных ценностей востребованы субъективно и конкретизируются этим отношением. Несмотря на множество мнений, очевидно, что объективными свойствами культурного наследия являются его происхождение из прошлых эпох (старина) и уникальность. Другие свойства – историческая, художественная, культурная, научная ценность, статус, значимость, повышенная потребительская стоимость – всегда субъективны. Если учесть этот факт, отчётливо прослеживается следующая тенденция: наибольший урон культурному наследию наносят те социальные слои и конкретные люди, которые при низком уровне собственного культурного развития свои ценностные категории пытаются вывести в разряд общепринятых. На наш взгляд, именно отсутствие чёткого понятийного разграничения между культурными ценностями и культурным наследием является причиной многих противоречий в современной культурной политике, законодательской и охранной практике. Очевидно, что, если памятник не внесён в государственный реестр, он при этом объективно не перестаёт являться памятником – частью культурного наследия.

Из вышесказанного следует, что объём культурного наследия находится в прямой зависимости от достигнутого обществом уровня развития культуры. Разнообразие форм культурного наследия связывается Э.А.Баллером с поддержанием этнических и национальных видов культуры, оно обеспечивает функцию механизмов трансляции культурного опыта и накопленных ценностей (Баллер Э.А., 1987). Поддержание, изучение и сохранение культурного наследия требуют развития специализированных отраслей науки, к числу которых относятся история, археология, музееведение, архивное дело.

Археологическое наследие, представляющее собой совокупность археологических памятников и полученных исследовательскими методами коллекций артефактов и информации, – неотъемлемая часть культурного наследия. Археологические памятники являются специфическим видом памятников истории и культуры, на них распространяются те же законодательные акты и нормы. Между тем, как уже отмечалось ранее, чёткое определение как памятников истории и культуры, так и археологических памятников до сих пор не выработано.

Эволюция представлений о памятниках истории и культуры также прошла длительный путь. Тем не менее, их систематизация в советский период сводилась к простому перечислению типов и видов с указанием, что они являются народным достоянием.

До 1948 г. памятники истории и культуры обозначались как «древности» или «памятники старины и искусства». Согласно Постановлению Совета Министров СССР «О мерах улучшения охраны памятников культуры» от 14 октября 1948 г., были намечены некоторые научно-методические подходы к классификации памятников в соответствии с их историческим, художественным и научным значением. Были выделены 4 отдельные группы памятников: архитектуры, искусства, археологии, истории. Впервые вводилась их двухступенчатая классификация в соответствии со значимостью: союзные (имеющие выдающееся значение) и республиканские.

В «Методических рекомендациях к подготовке свода памятников СССР» от 1972 года *археологические памятники* определялись как объекты, сохраняемые в земле, под землёй и под водой, характеризующие развитие и изменение материальной и духовной культуры человечества от первобытнообщинного строя до феодализма, например, древние города и поселения, курганы, наскальные рисунки, затонувшие суда и т.п. (Методические рекомендации..., 1972, с. 10-16). Позже к выделенным группам памятников были добавлены ещё 2: памятное историческое место и исторический ландшафт.

К середине 1980-х гг. в связи с набирающими силу процессами включения СССР в мировое культурное пространство, деформации культурных ценностей и, как следствие этого, отношения к культурному наследию возникла необходимость более глубокого научного толкования памятников. Существующие до сих пор, преимущественно интуитивные объяснения значимости памятников, основанные на умозрительных впечатлениях, а не на теоретических доказательствах, легко опровергались утилитаристскими аргументами. В том случае, когда возникала необходимость хозяйственной деятельности на территории, занятой памятниками, она, как правило, осуществлялась вопреки сохранению историко-культурного наследия.

Д.С.Лихачёв определяет памятник как своеобразно закодированный документ своей эпохи (Лихачёв Д.С., 1981, с. 9). Сам термин «памятник» ориентирован на сохранение памяти, на воспоминания. Появление глубоких научных исследований, посвящённых выявлению сущности памятника как социального феномена, свидетельствует о том, что в 1980-е гг. в России появляется новая наука – памятниковедение, в которой памятники выступают как научная категория. Основы памятниковедческой дисциплины были сформулированы П.В.Боярским (Боярский П.В., 1986; он же, 1990). Согласно современным представлениям, *памятник истории и культуры* – это, прежде всего, один из элементов биосферы, которая активно перерабатывается человеком и превращается в «ноотехносферу». Памятники являются носителями подлинной исторической, эстетической, технологической информации и оказывают воздействие на современное общество, предопределяя тем самым его будущее состояние. Вторя В.П.Боярскому, доктор культурологических наук М.А.Кулемзин справедливо отмечает, что «памятник истории и культуры» – абстрактная гносеологическая категория для обозначения реально существующих объектов, обладающих комплексом признаков и свойств, выполняющих специфические социальные функции (Кулемзин А.М., 2001). Сюда же следует добавить устойчивые явления духовной культуры (фольклор, топонимика и др.), которые по праву также могут считаться памятниками.

После принятия ФЗ-73 от 2002 г. возникло существенное терминологическое противоречие – практическое уравнивание понятий «памятники истории и культуры» и «объекты культурного наследия». С.Н.Молчанов справедливо отмечает, что использование термина «объект культурного наследия (достояния) местного (муниципального)

значения» является нецелесообразным в отношении его государственной (общественной) значимости, а также с точки зрения самой сути концепции культурного наследия (достояния) народов и смысла законодательства о собственности в РФ (Молчанов С.Н., 1999, с. 235-241). Таким образом, без теоретического осмысления данного феномена каждый новый закон всё более запутывает положение дел с охраной памятников.

В культурологии памятник рассматривается как социокультурное явление, один из видов культурных ценностей, выделяемых людьми из окружающего предметного мира, в качестве необходимого средства преемственности культурного опыта предшествующих поколений, и подлежит освоению с последующей передачей потомкам. Е.В. Комиссарова описывает 3 существующих подхода к определению памятника (Комиссарова Е.В., 2006):

- согласно онтологическому подходу, памятники – сохранившиеся предметы прошлого, выдающиеся по архитектурным, технологическим или художественным особенностям сооружения, редкие и универсальные образцы природы;

- согласно гносеологическому подходу, памятники – предметы, важные в научном, историческом, эстетическом, информационном или просветительском отношении;

- согласно аксиологическому подходу, памятники – ценностная категория, возникающая в результате отношения к предмету, определяемому распространёнными в обществе предпочтениями и интересами, а также существующей в данный момент системой ценностей.

Таким образом, сформировался качественно новый уровень понимания места и роли памятника в обществе, характеризующийся более глубоким проникновением в сущность его свойств и функций. Разнообразие форм и видов памятников, разноплановый характер их проявлений в современном обществе, многофункциональность использования требуют комплексного и интегрированного подхода к охране, исследованию и использованию памятников.

Между тем, универсальная система памятников не выработана. Сложилось их деление по количеству – на единичные и комплексные, по качеству – на материальные и духовные, материальных – на движимые и недвижимые, с последующим переходом по функциональной принадлежности: вещественные, изобразительные, словесные, звуковые и т.п. Частные виды систематизации базируются на соответствующих научных и прикладных дисциплинах.

Одним из специфических видов памятников является археологический памятник. В учебных курсах до сегодняшнего дня под археологическим памятником значатся любые материальные остатки деятельности человека предшествующих эпох, что не отражает не только специфики, но и сущности изучаемого предмета. По поводу его определения ведётся оживлённая дискуссия. Исходя из сформировавшейся, во многом несовершенной, классификации памятников, можно с уверенностью утверждать, что археологический памятник является материальным и недвижимым (рис. 1).

В процессе деятельности международных организаций (ЮНЕСКО, ИКОМОС и др.), членом которых является РФ, выработался правовой обычай, согласно которому к объектам всемирного культурного наследия относят недвижимые памятники истории и культуры общенационального значения старше 50 лет. Это правило уже фиксировалось в первоначальном проекте ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ» (ноябрь 1997 г.), по которому к объектам культурного достояния могут относиться недвижимые памятники истории и культуры не моложе 40 лет (Молчанов С.Н., 1999, с. 237). На II (XVIII) Всероссийском археологическом съезде, состоявшемся в октябре 2008 г. в Суздале, также на основании известного правила, было принято решение считать археологическим памятником любые остатки деятельности коллектива людей, которые отделены от современности временным отрезком бо-

лее 50 лет. Однако вопрос об оптимальном хронологическом интервале остаётся дискуссионным. Учитывая опыт отечественной науки, мы попытались дать определение археологическому памятнику, которое апеллирует к системе существующего законодательства и отражает современное состояние проблемы.

В дальнейшем под археологическим памятником мы предлагаем понимать специфический тип памятника истории и культуры, объективно представляющего собой культурную ценность; материальный, недвижимый объект культурного наследия, являющийся частью исторического ландшафта и несущий комплексную историческую, эстетическую, технологическую и прочую информацию о деятельности коллектива людей в прошлом, прекратившего свою деятельность более 50 лет назад.

Оперируя чётким, отвечающим требованиям современности определением археологического памятника, возможно вывести взаимоотношения органов охраны археологического наследия с застройщиками на новый уровень. Для этого, однако, следует несколько скорректировать терминологию в области охранных археологических исследований.

Термин «охранная археология» применяется к исследованиям всех видов археологических памятников, оказавшихся под угрозой разрушения. Он фигурирует в законодательстве и названиях подразделений научных археологических учреждений. Однако кроме него в научной литературе часто встречаются «спасательная археология», «новостроечная археология», в отношении охранных археологических исследований фигурируют термины «аварийные работы», «спасательные работы», «аварийно-спасательные работы», «хоздоговорные исследования», «новостроечные исследования». И хотя такое разнообразие можно объяснить стремлением конкретизировать специфику археологических работ, эти термины часто используются как взаимозаменяемые. Такая ситуация закономерна, поскольку до конца 1990-х гг. не существовало требования обязательно отражать охранный характер работ в заявках на Открытые листы, в связи с чем специфика археологических работ определялась исследователями самостоятельно.

В Отделе полевых исследований ИА АН СССР для уточнения характера археологических исследований, помимо формы Открытого листа, существует графа «вид работ». Такая ситуация закономерно возникла в период формирования методической и законодательной базы охранных археологий. С 1949 г. в документах ОПИ появился такой вид работ как «разведки с правом производства охранных раскопок». Со второй половины 1950-х гг. такую формулировку применительно к Открытому листу формы № 2 использовали уже достаточно часто. С 1952 г. в Открытом листе конкретизируются разные виды разрушения памятников, в частности, зоны водохранилищ и распашка. С конца 1950-х гг. Открытые листы выдавались на «разведки с правом вскрытия ограниченного количества курганов». В дальнейшем это было запрещено, поскольку отдельно взятый курган является самостоятельным археологическим памятником и его раскопки требуют более масштабных работ, чем шурфовка. Однако сама формулировка свидетельствует об осознании необходимости специальной формы Открытого листа для исследования археологических памятников, которое не может быть планомерным и методически выдержанным, как работы по форме № 1. Для отражения этой ситуации с 1954 г. в книгах регистрации Открытых листов появляется форма № 4, которая выдаётся на «обследование при земляных работах». Таким образом, были заложены основные направления охранных археологических работ: разведки и раскопки в зонах хозяйственной деятельности, охранные мероприятия на конкретных разрушаемых памятниках (Сорокина И.А., 2008, с. 114-115). В дальнейшем, по мере увеличения количества охранных работ, Открытые листы на них выдаются по четырём основным направлениям обследования:

- зоны строительных работ вне городов (с 1954 г.);
- разрушенные по разным причинам (доследование) и разрушающиеся памятники (раскопки) вне зон строительства (с 1957 г.);
- зоны антропогенного разрушения и строительства в городах (последнее с 1961 г.);
- архитектурно-археологические раскопки.

Разрешение сложившейся терминологической проблемы крайне важно с практической точки зрения. Отсутствие разработанного понятийного аппарата в области археологических работ существенно затрудняет определение категорий памятников для проведения на них тех или иных охранных мероприятий. Это создаёт дополнительные сложности в отношениях между частными лицами, строительными организациями, структурами власти и научными учреждениями.

Поскольку термины, которые используются в научной литературе, позволяют раскрыть специфику охранных археологических работ, введение в оборот новых терминов не требуется. В данной работе мы лишь разграничили известные, закономерно возникшие понятия. В основу нашей уточняющей классификации положено сочетание трёх параметров: факторов разрушительного воздействия, времени (длительности) разрушения памятника и наличие хоздоговора. Среди факторов разрушительного воздействия на археологические памятники можно выделить 2 группы: *естественные* (природно-климатические) и *антропогенные*. Дополнительной характеристикой при этом является категория времени разрушения: *совершённое, настоящее продолжающееся, будущее*. Наличие хозяйственного договора, по которому финансируются археологические исследования, является показателем уровня развития охранной археологии. Целевые государственные программы финансирования также способствуют реализации охранных мероприятий.

Для демонстрации взаимосвязанности и иерархии видов охранных археологических исследований на рис. 2 использовалась математическая модель кругов Эйлера. Объемлющим является термин «Охранные археологические исследования». *Охранные археологические исследования* – это любые археологические работы (разведки и раскопки), производящиеся на археологических памятниках, оказавшихся под угрозой разрушения или уничтожения в результате воздействия на них природно-климатического (естественного) и/или антропогенного фактора.

Особой формой охранных исследований являются новостроечные. *Новостроечные исследования* – археологические работы на новостройках (разведки и раскопки) вне зависимости от наличия хоздоговора, главной задачей которых является упреждение антропогенного разрушения археологических памятников. Новостроечные исследования могут производиться как на стадии проектирования новостроек, так и непосредственно во время строительных работ. В процессе становления и развития новостроечных исследований начинают выделяться инициативные новостроечные (аварийно-спасательные) и хоздоговорные.

Аварийно-спасательные исследования – археологические работы (разведки и раскопки) упреждающего или спасательного характера без хоздоговора с заказчиком. Зачастую такие работы поспешны и представляют собой доследование, в силу чего не всегда методически выдержаны. Их проведение связано с отсутствием по каким-либо причинам хоздоговора с хозяйствующим субъектом или с государственным органом охраны памятников. Подобные исследования могут производиться на средства исследующей организации, быть частью плановой научно-исследовательской работы и финансироваться за счёт госбюджетной темы. Аварийно-спасательными могут быть работы в зоне активного действия природно-климатических факторов, таких как эрозионные процессы (береговая, ветряная), затопление, сейсмическая и вулканическая активность. Объектом нашего исследования в дальнейшем будет лишь часть аварийно-

спасательных работ, связанных с антропогенным разрушением, которая на рис. 2 показана в виде сегмента в пересечении аварийно-спасательных исследований с новостроечными и хоздоговорными.

Хоздоговорные исследования – археологические работы (разведки и раскопки) упреждающего или спасательного характера на новостройках на основании хозяйственного договора между заказчиком и исполнителем. Такие работы предполагают возникновение цивилизованных форм экономических отношений. В качестве заказчика выступают строительные организации и государственные органы охраны памятников. Последние, как и другие хозяйственно-научные объединения (лаборатории, НИИ, НПЦ и т.п.), могут также выступать в качестве субподрядчиков, через которых, начиная с 1980-х гг., заключаются договоры между заказчиком и исполнителем.

Одна из современных разновидностей археологических работ – *мониторинг*, целью которого является наблюдение за состоянием археологических памятников на определённой территории. Проведение мониторинга стало возможным во многих областях после того, как в ходе разведочных работ были составлены археологические карты их районов (Каргин Ю.Ю., 2008а). Если археологические разведки предполагают разовое выявление археологических памятников на какой-либо территории, то целью мониторинга является регулярное наблюдение за состоянием уже известных археологических памятников, уточнение имеющихся данных и проведение при необходимости спасательных работ. Во многом, по смысловой нагрузке мониторинг смыкается с археологическим надзором, проводящимся на основании Открытого листа формы № 2. В целом, мониторинговая практика для многих районов всё ещё остаётся делом будущего.

Таким образом, в понятие новостроечных исследований входят инициативные новостроечные (часть аварийно-спасательных) и хоздоговорные новостроечные исследования. Именно соотношение этих двух категорий и является показателем уровня развития дела охраны и исследования археологического наследия.

Специфика новостроечных археологических работ определяется, в первую очередь, самим характером новостроек. С целью совершенствования методики работ на новостройках, А.С.Смирнов в 1989 г. в «Методических указаниях» предложил учитывать наряду с существующим законодательством этапность проектирования новостроечных объектов и их специфику. Между тем, большая часть видов новостроек перечислялась через запятую, в том числе и в нормативных актах со ссылкой на «Строительные нормы и правила» (СНиП), разрабатываемые и издаваемые Государственным комитетом СССР по делам строительства (Госстрой СССР). В соответствии с существующими СНиПами строительные ведомства разрабатывали свои внутренние документы – Ведомственные строительные нормы (ВСН) и Временные технические рекомендации (ВТР), учёт которых в полном объёме всегда вызывал множество трудностей (Смирнов А.С., 1990, с. 1-3). Между тем, в специализированной археологической литературе виды новостроек, как фактор антропогенного разрушения памятников археологии, не были представлены ни в общем виде, ни детально. И.А. Сорокина в 2000-е гг. для электронно-поисковой системы «@Археология» впервые обозначила полный перечень новостроек (Сорокина И.А., 2008, с. 115). Наша задача заключается в том, чтобы адаптировать его для нужд охранных исследований, обозначить специфику антропогенного разрушения археологических памятников. В связи с этим произведено объединение, разделение и уточнение ряда категорий строительных работ.

Антропогенное воздействие на археологический памятник производится в ходе 2 основных видов работ: *земляных* и *строительных*, которые, в зависимости от специфики новостроек, могут быть *локальными*, *протяжёнными* и *сплошными* (рис. 3). Земляные работы обычно нарушают культурный слой археологического памятника, могут уничтожить его или нанести существенные повреждения. Строительные же работы

полностью уничтожают, либо перекрывают археологические памятники каким-либо новым антропогенным объектом. Рассматриваемые далее виды антропогенного разрушения археологических памятников кратко представлены ниже, а также в таблице 1.

1. Работы на строительстве ГЭС и в зоне проектируемых водохранилищ. Сюда включаются: локальные и протяжённые земляные работы в ложе водохранилища, на строительстве плотины и дамб, прокладывании судоходных каналов, локальные и протяжённые строительные работы (строительство плотины и дамб, берегоукрепительные работы), а также затопление берегов и нижних террас рек. После сооружения водохранилища множество неисследованных береговых памятников попадают в категорию аварийных и разрушаются факторами природно-климатическими (формирование береговой линии, сезонные колебания уровня воды) и антропогенными (искусственное поднятие и опускание уровня воды в зависимости от хозяйственных нужд). По данным мониторинга, в год по берегам водохранилищ безвозвратно утрачивается в среднем не менее 8 памятников (Сорокина И.А., 2006, С. 116).

2. Работы в зоне водохранилищ-гидроузлов, не связанных с ГЭС. Сюда включаются: локальные и протяжённые земляные работы в ложе водохранилища, на строительстве плотин и дамб, локальные и протяжённые строительные работы (строительство плотины и дамб, берегоукрепительные работы), а также затопление берегов и нижних террас рек. Сюда же можно отнести строительство прудов-рыбопитомников и заказников.

3. Работы на оросительных (мелиоративных) системах (ОС). Сюда включаются протяжённые и сплошные земляные (сооружение оросительных каналов и водохранилищ, нивелировка местности под орошение) и локальные строительные работы (строительство насосных станций).

4. Работы на нефтепроводах и газопроводах. Сюда включаются протяжённые земляные (траншеи, нивелировка местности) и строительные работы (прокладка труб, установка насосных и компрессорных станций).

5. Работы в зонах строительства и реконструкции железных дорог. Сюда включаются локальные земляные (забор грунта, нивелировка местности), протяжённые и локальные строительные работы (строительство или реконструкция путей, насыпей, развязок, станций, депо, складов).

6. Работы в зонах строительства и реконструкции автодорог и мостов. Сюда включаются локальные и протяжённые земляные (забор грунта, нивелировка местности, сооружение или расширение дорожных насыпей и водосточных канав), и протяжённые строительные работы (асфальтирование, сооружение туннелей).

7. Работы на строительстве линий связи (ВОЛС). Сюда включаются протяжённые земляные работы в виде прокладки траншей с возможными локальными заборами грунта, а также локальные строительные работы при сооружении подстанций.

8. Работы на строительстве ЛЭП. Сюда включаются локальные и протяжённые земляные (нивелировка местности под опоры, забор грунта) и строительные работы (строительство опор и подстанций).

9. Работы в зонах освоения месторождений полезных ископаемых (преимущественно – нефть, газ). Сюда включаются локальные земляные и строительные работы (установка буровых скважин, разработка шахт).

10. Работы в зонах сплошной городской, сельской и частной застройки. Сюда относится строительство городской и сельской инфраструктуры, которое осуществляется в активном режиме. Здесь необходимо согласование землеотвода.

11. Работы по установке триангуляционных пунктов на курганах. Данные мероприятия проводились и проводятся в обход законодательной регламентации по охране памятников археологии. Курганы в большинстве случаев являются самыми высокими

точками на водоразделах, а потому на них и устанавливаются триангуляционные пункты: в большинстве случаев это является уже свершившимся фактом, причём триангуляционный знак находится под охраной государства.

12. Работы по строительству военных точек и объектов. Сюда относятся локальные (пусковые шахты, узлы связи, военные базы, казармы, склады боеприпасов, топливные склады), протяжённые (различного вида коммуникации: линии связи, железные дороги, автодороги, газопроводы) и сплошные (полигоны, аэродромы) земляные и строительные работы и продолжающееся после этого антропогенное воздействие. Особый статус таких объектов существенно затрудняет охрану памятников археологии на этих территориях.

13. Сооружение кладбищ на курганах и других археологических памятниках. Зачастую захоронение производится без согласования с органом охраны культурного наследия, как подхоронение в могильные сооружения мифических предков, что связано с вопросами этнического самосознания отдельных народов. Попытки охранных исследований на таких объектах ведут за собой уголовную ответственность. Упредить сооружение кладбищ на археологических памятниках крайне сложно.

14. Работы в местах локального антропогенного разрушения. Данная общая категория прямо связана с несанкционированными инициативами по проведению различных земельных работ, к которым относятся разрушения археологических памятников карьерами, заборами грунта и строительного материала (гравий, песок, древний кирпич и камень из руинированных построек), возникновение и расширение зон отдыха (турбазы, пляжи, места проведения массовых мероприятий), свалок и т.д.

15. Грабительские раскопки – отдельная категория антропогенного разрушения археологического наследия, поскольку ведёт за собой уголовное наказание по иным статьям уголовного кодекса. «Чёрное кладоискательство» имеет 2 основные формы: любительское и коммерческое. В первом случае разрушение археологических памятников производится из любопытства или для сбора частной коллекции, во втором – разрушение поставлено на поток, им занимаются организованные группы, имеющие связь «с чёрным рынком», активно пропагандирующие свою деятельность посредством собственных информационных ресурсов (издательство, интернет-сайты, телевизионные программы). В настоящее время за коммерческим кладоискательством фактически не осуществляется контроль, лица, им занимающиеся, находятся на виду, но не привлекаются к уголовной ответственности (Макаров Н.А., 2004).

Грунтовые дороги и скотосбой. Передвижение тяжёлых и нагруженных механизированных средств приводит к возникновению на памятниках колеиных углублений, многократные прогоны скота разрушают тонкую дерновину, что чревато последующим выветриванием культурного слоя.

16. Зоны сплошной распашки. Огромное количество археологических памятников повреждено и планомерно уничтожается при земляных сельскохозяйственных работах. Значительные сложности связаны с раскопками таких памятников, поскольку они нарушают плодородный слой, иногда имеет место потрава посевов, поэтому охранные работы могут осуществляться только вне хозяйственного цикла и по договору с собственником или землепользователем.

17. Особым видом антропогенного разрушения являются военные действия. Расположение курганов на вершинах водоразделов сделало их во время Великой Отечественной войны с одной стороны наиболее удобным местом для установки огневых точек и блиндажей для корректировки артиллерийского огня, с другой – постоянной мишенью. В местах активных боевых действий многие курганы разрушены линиями окопов, огневых ячеек, блиндажами, воронками от снарядов. В них находят оружие, неразорвавшиеся боеприпасы и останки погибших солдат. Данный вид антропогенного раз-

рушения, несмотря на существующее законодательство (Гаагская конвенция 1954 г.) не поддается регламентации; археологические объекты, особенно курганы, в случае военных действий в любом случае становятся уязвимыми.

Новостроечные археологические исследования, как это следует из самого названия, производятся на объектах в зоне строительных работ. Археологические исследования в зонах распашки и боевых действий, прохождения грунтовых дорог и скотосбоя новостроечными не являются. В зонах сооружения триангуляционных пунктов и в зонах локального антропогенного разрушения в ряде случаев возможно проведение новостроечных археологических работ. В случае кладбищ этот вопрос весьма спорен и связан с национальным самосознанием. Сходные проблемы возникают и при охране памятников в зонах строительства военных точек и объектов, что связано с особым секретным статусом последних. Несколько проще ситуацию регулировать в местах строительства и действия военных полигонов и аэродромов.

Специфика работ на новостройках заключается в том, что за короткий временной промежуток приходится организовать работы на огромном количестве археологических памятников. В научном отношении, они способствуют изучению компактных групп памятников.

В последние годы советского периода окончательно оформились 2 основных подхода к охране археологического наследия на новостройках, которые существуют и в наши дни: использование хоздоговорного финансирования для раскопок максимально возможного количества археологических памятников; приоритет сохранения памятника перед его раскопками.

Первый подход характерен преимущественно для частных археологических организаций и лабораторий и с ним связано оформление т.н. «археологического бизнеса». Здесь таится серьёзная опасность, проявившаяся в 1990-е гг., – увеличение масштабов археологических работ при снижении их качества, поскольку приоритетной задачей становится извлечение прибыли. Только чёткая регламентация в области охранного законодательства способна свести эту тенденцию к минимуму. Ситуация неоднозначна, поскольку именно хоздоговорные новостроечные исследования позволили применять новые технологии и методы, получить уникальные материалы, ставшие основой многих теоретических построений и открытий. Второй подход, характерный для академических научных институтов и организаций, был закреплён в Федеральном Законе ФЗ-73 от 25 июня 2002 г. Однако, малые объёмы бюджетного финансирования, по сравнению с хоздоговорным, сделали его малопопулярным и далёким от реалий современности.

Важно также отметить, что сохранение археологических памятников в зонах новостроек при существующем законодательстве ведёт за собой множество проблем, связанных с перепланировкой проектируемых объектов. Это вызвано, в частности, тем, что застройщики в большинстве случаев пытаются обойти органы охраны памятников истории и культуры, а потому на предпроектной стадии археологи привлекаются крайне редко. Дело в том, что в СССР решение вопросов экономики и строительства всегда были приоритетными задачами по отношению к охране историко-культурного наследия, что унаследовало и современное общество. В техническом плане, если трассы протяжённых объектов можно несколько сместить, то перенос многих локальных объектов зачастую связан с вопросами собственности, что создаёт дополнительные сложности. Последнее заставляет максимально использовать возможность охранных раскопок на частных территориях. Таким образом, выбор того или иного подхода носит ситуативный характер, что делает необходимым его обоснование.

В целом, конкретизированный терминологический аппарат, выработанная типология разрушающего воздействия антропогенного фактора, могут быть использованы

для корректировки законодательных и нормативных актов в области охраны памятников историко-культурного наследия, подготовки методических пособий по работам в зонах новостроек, составления методических рекомендаций для расчёта стоимости археологических работ.

Литература

- Афонин И.Б.* Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
- Бадер О.Н.* Вопросы учёта, охраны и использования археологических памятников // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. Сообщения. М., 1974. Вып. VII.
- Балановский А.В., Юдин А.И.* Археологическое наследие Саратовского Поволжья: наследие и перспективы // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Матер. науч. конф. Ижевск, 2000.
- Баллер Э.А.* Преемственность в развитии культуры. М., 1969.
- Баллер Э.А.* Социальный процесс и культурное наследие. М., 1987.
- Барнинова И.К.* Охрана памятников истории и искусства в культурной политике Российской Федерации: 1917 – 1999 гг.: дисс. ... докт. ист. наук. М., 2006.
- Боярский П.В.* Введение в памятниковедение. М., 1990.
- Боярский П.В.* Перспективы развития памятниковедения // Памятниковедение: теория, методология, практика. М., 1986.
- Булатов Р.Б.* Культурные ценности: правовая регламентация и юридическая защита: дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 1995.
- Бургучёв А.В.* Сохранение культурного наследия в системе обеспечения национальной безопасности России // Сохранение культурного наследия в системе национальной безопасности России: Матер. науч.-практич. конф. Саратов, 2006.
- Горбунова Н.В.* Культурный капитал как деятельностная реализация культуры индивида // Сохранение культурного наследия в системе национальной безопасности России: Матер. науч.-практич. конф. Саратов, 2006.
- Давлетшина О.В.* Уголовно-правовая охрана культурных ценностей в Российской Федерации: дисс. ... канд. юр. наук. Ростов.-на-Дону, 2003.
- Доверительное управление культурным и природным наследием в России: прецеденты, аргументы, документы.* М., 2005.
- Долгов С.Г.* Культурные ценности как объекты гражданских прав и их защита (гражданско-правовой и криминалистический аспекты): дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2000.
- Закон РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры»* от 15 декабря 1978 года. М., 1979.
- Законодательные документы по охране и использованию памятников истории и культуры.* М., 1986.
- Законодательство РФ в области сохранения и использования недвижимых объектов историко-культурного наследия: сборник нормативных актов.* Екатеринбург, 2002.
- Егорова Е.Ю.* Государственно-правовая защита культурных ценностей (сравнительный анализ Российского и Французского законодательства): дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1996.
- Завалин К.В.* Проблемы сохранения археологического наследия России: от Советской археологии до сегодняшнего дня // Труды КАЭЭ ПГПУ. Пермь, 2003. Вып. 3.
- Каган М.С.* Системный подход и гуманитарное знание. Л., 1991.
- Каган М.С.* Философия культуры. СПб., 1996.

- Каргин Ю.Ю.* Мониторинг археологических памятников в левобережье р.Малый Иргиз // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2008а. Вып. 8.
- Каргин Ю.Ю.* Охранные исследования на объектах мелиоративного строительства в Саратовском Заволжье во 2-ой половине XX в. // Современные проблемы археологии России. Тр. II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008б. Т. III
- Комиссарова Е.В.* Региональный музей как хранитель и транслятор культурного наследия: дисс. ... канд. ист. наук (на правах рукописи). – Волгоград: 2006.
- Консергенова А.А.* Культурное наследие: философские аспекты анализа: дисс. ... канд. филос. наук. Севастополь, 2008.
- Кулемзин А.М.* Охрана памятников как социально-историческое явление // Проблемы охраны и использования историко-культурного наследия Сибири. Кемерово, 1996.
- Кулемзин А.М.* Охрана памятников в России как историко-культурное явление: дисс. ... докт. культуролог. наук. Томск, 2001.
- Лихачёв Д.С.* Предисловие // Восстановление памятников культуры (проблемы реставрации). М., 1981.
- Лотман Ю.А.* Культура и взрыв. М., 1992.
- Лотман Ю.А.* Память в культурологическом освещении // Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992.
- Макаров Н.А.* Грабительские раскопки как фактор уничтожения археологического наследия России. М., 2004.
- Массон В.М.* Археологическое культурное наследие – материализованная память народа // Тезисы докладов Первого Международного симпозиума «Особо охраняемые территории и формирование здорового образа жизни» Волгоград, 1997.
- Медведев Е.В.* Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003.
- Методические рекомендации* к подготовке Свода памятников истории и культуры. М., 1972. Вып. 3.
- Михлина В.Б.* Международная охрана культурных ценностей и российское законодательство: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2000.
- Молчанов С.Н.* К вопросу об использовании в законодательстве понятий «культурное наследие» и «культурное достояние» // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1999. Вып. 3.
- Охрана исторических и археологических памятников.* Сборник руководящих и справочных материалов. М., 1949.
- Сабитов Т.Р.* Охрана культурных ценностей: уголовно-правовые и криминалистические аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002.
- Селезнёва Е.Н.* Культурное наследие России в политических дискурсах 1990-х годов: дисс. ... докт. филос. наук. – М., 2004.
- Смирнов А.С.* Методические указания по проведению проектных археологических работ в зонах народнохозяйственного строительства. М., 1990.
- Сорокина И.А.* Полевые археологические исследования в России в 1946–2006 гг. (по архивным материалам и публикациям). Тула, 2008.
- Столяр А.Д.* Опыт применения землеройно-транспортных машин при полевых работах Волго-Донской экспедиции ИИМК АН СССР в 1950-1951 гг. // КСИИМК. 1953. № 50.
- Шулепова Э.А.* О роли государственного и общественного руководства охраной памятников истории и культуры // Вопросы охраны, использования и пропаганды памятников истории и культуры. Труды НИИ культуры. М., 1979. Вып. 78
- Янин И.Т.* Правовые основы культурной политики России: Сб. док. и матер., 1992–1998. Калининград, 1999.

Таблица 1. Антропогенное разрушение археологических памятников

Объект	Деятельность						хоздог
	Земляная			Строительная			
	Локальн.	Протяжён.	Сплошн.	Локальн.	Протяжён.	Сплошн.	
ГЭС и водохранилища	ложе; плотина; дамбы	ложе; плотина; каналы; дамбы	-	плотина; дамбы; берегоукреп.	плотина; каналы; дамбы; берегоукреп.	-	+/-
Водохранилища-гидроузлы	ложе; дамбы	ложе; дамбы; каналы		дамбы; берегоукреп.	дамбы; каналы; берегоукреп.		+/-
Оросительные системы (ОС)	-	каналы; водохрани.	нивелир. местности	насосные ст.	-	-	+
Нефтепроводы	-	траншеи; нивелир. местности	нивелир. местности	насосные ст.	трубопровод	-	+
Газопроводы				компр. ст.			+
Железные дороги (ж/д)	забор грунта	нивелир. местности; туннели	-	станции; депо склады	пути; насыпи; развязки; туннели	-	+
Автодороги и мосты		нивелир. местности; канавы; туннели	-	-	насыпи; асфальтир.; туннели	-	+
Линии связи (ВОЛС)	забор грунта	траншеи	-	подстанции	провод	-	+
ЛЭП	нивелир. местности; забор грунта		-	опоры; подстанции	-	-	+
Зоны освоения полезных ископаемых	скважины; шахты; рудники	-	-	скважины; шахты; рудники	-	-	+
Городская и сельская застройка	+	+	+	+	+	+	+
Триангуляция	+	-	-	+	-	-	?
Кладбища	+	-	+	+	-	+	?
Военные точки и объекты	+	+	полигон аэродром	+	+	+	?
Локальное антропогенное разрушение: - карьер; - забор грунта и стройматериала; - зоны отдыха; - свалки	+	-	-	+	-	-	?
Грабительские раскопки	+	-	-	-	-	-	-
Грунтовые дороги и скотосбой	+	+	-	-	-	-	-
Зоны распашки	-	-	+	-	-	-	-
Военные действия	+	+	+	+	+	+	-

Хоздог. – возможность заключения хоздоговора

+ да (возможно) - нет (невозможно)

+/- возможно до окончания земляных и строительных работ, после – невозможно

? - теоретически возможно, но подобный опыт отсутствует, либо маловероятен

Рис. 1. Археологические памятники в иерархии культурных ценностей

Рис. 2. Типология охранных археологических исследований

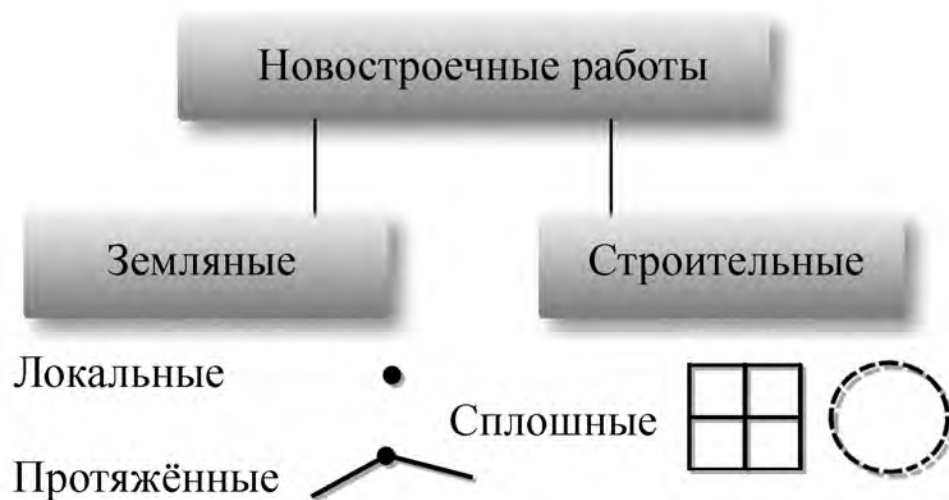

Рис. 3. Виды новостроечных работ

Сведения об авторах

Браташова Светлана Александровна, кандидат географических наук, преподаватель Областного центра дополнительного образования «Поиск».

Волков Владимир Александрович, кандидат исторических наук, археолог ГУК «НПЦ по охране историко-культурного наследия Саратовской области».

Дьяченко Ирина Николаевна, студентка кафедры истории Балашовского института Саратовского госуниверситета, г.Балашов.

Евтеев Андрей Алексеевич, кандидат биологических наук, младший научный сотрудник НИИ и Музей антропологии МГУ им. Д.Н. Анучина, Москва.

Каргин Юрий Юрьевич, аспирант кафедры историографии и региональной истории Института истории и международных отношений Саратовского госуниверситета

Кубанкин Дмитрий Александрович, старший научный сотрудник Саратовского областного музея краеведения

Лопатин Владимир Анатольевич, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой археологии и этнографии Института истории и международных отношений Саратовского госуниверситета

Ляхов Сергей Витальевич, ведущий специалист, ГУП «Наследие» министерства культуры Ставропольского края.

Марыксни Денис Валерьевич, научный сотрудник, Западно-Казахстанский центр истории и археологии, г.Уральск (Республика Казахстан)

Тугушев Петр Евгеньевич, археолог ГУК «НПЦ по охране историко-культурного наследия Саратовской области»

Хреков Анатолий Анатольевич, доцент кафедры истории Балашовского института Саратовского госуниверситета, г.Балашов.

Цимиданов Виталий Владиславович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Донецкого областного краеведческого музея (Украина)

Юдин Александр Иванович, доктор исторических наук, зам. начальника отдела Комитета по охране культурного наследия Саратовской области

Список сокращений

АВЕС	– Археология Восточно-Европейской степи
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры
ИА РАН	– Институт археологии Российской Академии наук
ИМАО	– Императорское Московское археологическое общество
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
ПОИАК	– Петровское общество исследователей Астраханского края
РА	– Российская археология
САИ	– Свод археологических источников.
СА	– Советская археология
СУАК	– Саратовская ученая архивная комиссия
ТИЭ	– Труды института этнографии
Тр.ГИМ	– Труды Государственного Исторического музея
УНАЛ СГУ	– Учебно-научная археологическая лаборатория Саратовского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

Юдин А.И. О проблемах сохранения памятников археологии на территории Саратовской городской агломерации.....	3
Ляхов С.В. Погребения эпохи поздней бронзы из курганов у станции Кулатка Хвалынского района Саратовской области.....	20
Лопатин В.А. Исследования поселения Нижняя Красавка в 2008 году.....	38
Цимиданов В.В. Социальная дифференциация в срубном обществе Саратовского Поволжья.....	52
Браташова С.А. Мегалиты Сосновки.....	74
Тугушев П.Е. Городище «Петровский городок» у села Усть-Курдюм Саратовского района Саратовской области: два аспекта исследования.....	91
Хреков А.А., Дьяченко И.Н. Постзарубинецкая стоянка у с.Репное.....	105
Сингатулин Р.А. Охранно-спасательные работы на территории Увекского городища в 2006 г.	112
Евтеев А.А., Кубанкин Д.А. Археологические раскопки северо-западного некрополя Увекского городища в 2005-2007 гг.	129
Марыксин Д.В., Сингатулин Р.А. Опытные стереофотограмметрические исследования средневековой гончарной керамики.....	152
Волков В.А. Археологическое картографирование в Нижнем Поволжье в досоветский период.....	159
Каргин Ю.Ю. Археологическое наследие и новостройки: теоретический аспект.....	175
Сведения об авторах.....	190
Список сокращений.....	191

Научное издание

Археологическое наследие Саратовского края.
Саратов, 2009. Вып. 9.

Статьи изданы в авторской редакции

Подписано к печати 1.12.2009.

Изготовлено в ООО «Издательский Дом «Полиграфия Поволжья»
410600, г.Саратов, ул.Сакко и Ванцетти, 4
Уч.-изд. л. 18,4. Формат 60x84 1/8 Тираж 300 экз.
№ заказа 213.